
ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

М. Ф. Бабурин. ПЕСНЯ (НА ПРОСТОРАХ ЦЕЛИНЫ).

Скульптура на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

Л. Д. Сабанеева. ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

На первой и последней страницах обложки: По новой железнодорожной линии Сталинск — Абакан идет эшелон с рудой для Кузнецкого металлургического комбината (см. в номере «Рельсы в тайге»).

Фото А. Гостева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 7 (1600)

9 ФЕВРАЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Кандидаты народа

В городах и селах нашей страны началось выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Называются имена достойнейших — людей, беззаветно преданных Родине, способных самоотверженно бороться за дело партии.

В ряде избирательных округов на предвыборных собраниях трудящиеся единодушно назвали своими кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

Среди кандидатов в депутаты рядовые рабочие и колхозники — новаторы промышленности и сельского хозяйства,— работники науки и культуры, общественные и государственные деятели, представители разных национальностей, беспартийные и коммунисты.

Коммунистическая партия, как и прежде, выступает на этих выборах в блоке с беспартийными. Предвыборные собрания проходят под знаком тесного сплочения всех советских людей вокруг Коммунистической партии.

Общее собрание рабочих, служащих, инженерно-технических работников Московского автозавода имени Лихачева. Здесь кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР были выдвинуты Никита Сергеевич Хрущев и директор автозавода Алексей Георгиевич Крылов.

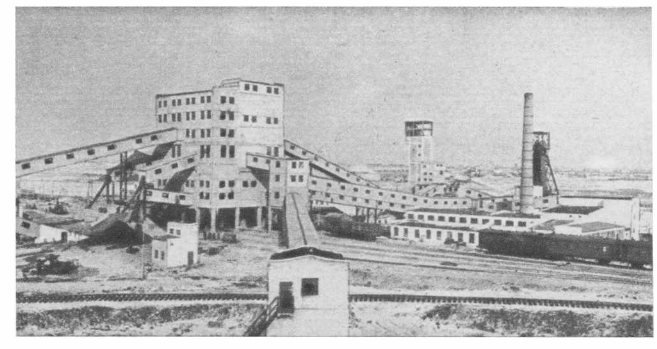
Фото А. Гостева.

Киев. Передовая аппаратчица Дарницкого завода минеральных удобрений беспартийная Варвара Ивановна Трухан выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. На снимке: В. И. Трухан (первая слева) беседует с товарищами по работе.

Фото Н. Козловского.

В Сталинской области вступила в эксплуатацию крупная шахта «Севостьяновская» № 1. Проектная мощность предприятия — 600 тысяч тонн угля в год. Коллектив шахты уже добывает эшелоны топлива.

На снимке: общий вид шахты «Севостьяновская» № 1.

Фото С. Гендельмана (ТАСС).

Воздушные змеи очень популярны среди японских детей. В последнее время форма этих «летательных аппаратов» изменилась. Сейчас ребятишки в Японии делают свои змеи в виде советских спутников Земли. Как видите, на одном из них изображена даже собака Лайка.

Фото «Джэпэн пресс».

Государственное собрание Венгерской Народной Республики заслушало отчет о деятельности правительства. По предложению товарища Яноша Кадара были произведены изменения в составе правительства. Государственное собрание избрало Первого секретаря ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яноша Кадара на пост государственного министра и Ференца Мюнниха на пост Председателя Совета министров. На снимке (в первом ряду слева направо): Ференц Мюнних, Председатель Президиума ВНР Иштван Доби, Янош Кадар.

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Кузьмина.

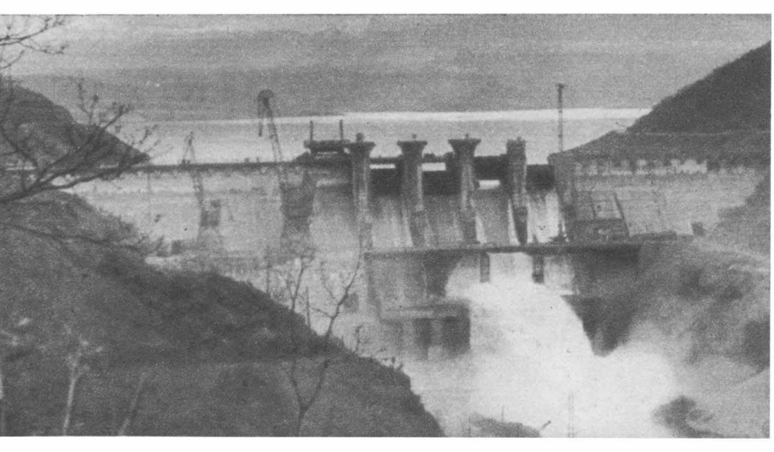
В Петрозаводске строится телецентр. Уже сооружена 185-метровая антенна. Возводятся здания студии и других служебных помещений. Скоро жители Петрозаводска и районов Карелии получат возможность смотреть телепередачи.

Фото В. Бараева.

Французское командование решило устроить торжественное открытие железной дороги, проложенной к нефтяным районам Сахары. Но предполагавшаяся церемония была омрачена для колонизаторов. На участке дороги, который проходит через Алжир, алжирские патриоты подложили мину. Товарный состав, следовавший по дороге, взлетел в воздух.

Фото из журнала «Эуропео».

В Албании, в глубоком ущелье Ульза, на реке Мати, недавно вступила в строй самая крупная в стране гидроэлектростанция — имени Карла Маркса. Два гидроагрегата уже дали ток, два других монтируются и скоро также будут пущены в эксплуатацию.

Фото Е. Шабани.

Вот одна из моделей спутника Земли, запущенного Соединенными Штатами Америки после неоднократных неудачных попыток. Весит этот спутник 14 килограммов и запущен он с помощью ракеты «Юпитер-С». Конструктором ракеты является человек, запечатленный на снимке (справа), взятом нами из журнала «Лайф». Это Вернер фон Браун — известный немецкий ученый, бывший в свое время одним из создателей управляемых снарядов «ФАУ-1» и «ФАУ-2», которыми гитлеровцы разрушали города Англии. В 1945 году американцы вывезли Вернера фон Брауна из Германии вместе с группой немецких ученых, работавших в области ракетостроения. В прошлом году создатель американского спутника Вернер фон Браун получил высшую награду министерства обороны США. Слева: помощник фон Брауна — доктор Штулингер.

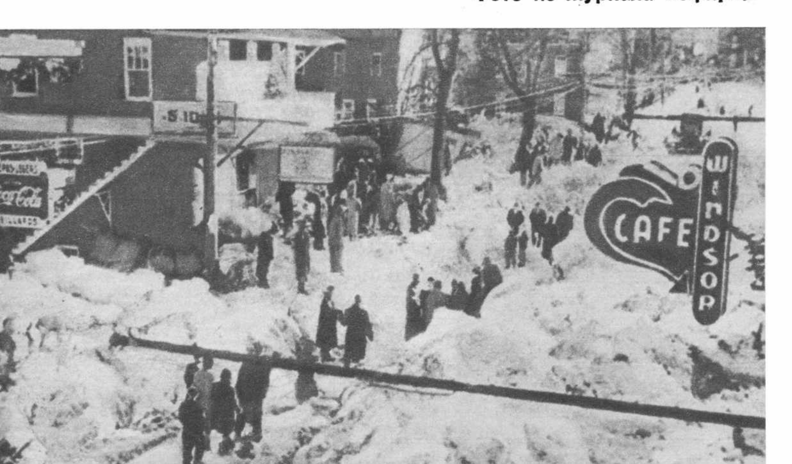
Шесть месяцев пробыл в ГДР художник Б. В. Щербаков. Выставка его работ, посвященная поездке по Германии, открыта в Союзе художников в Москве. В числе картин — шесть копий картин из Дрезденской галереи.

На снимке: Б. В. Щербаков дает пояснения посетителям выставки.

Фото Ф. Короткевича.

Это улица канадского города Босвилля, который расположен в 50 километрах южнее Квебека. Недавно в этом городе случилось наводнение. Вода затем замерзла, и начался сильный снегопад. В результате постигшего город стихийного бедствия более тысячи жителей пришлось эвакуировать.

Фото из журнала «Сфир».

В Пекине закончили работу режиссерско-педагогические курсы, работавшие под руководством советского режиссера Г. Н. Гурьева.

В качестве отчетных работ были поставлены «Далекое» Афиногенова и «Хозяйка гостиницы» Гольдони. Оба спектакля высоко оценила китайская театральная общественность.

На снимке: сцена из спектакля «Далекое».

3 февраля в Москве состоялась премьера нового цветного художественного фильма «Коммунист». Производство киностудии «Мосфильм». Постановка Ю. Райзмана, автор сценария — Е. Габрилович, операторы — А. Шеленков, Чен Ю-лан. В роли В. И. Ленина — Б. Смирнов, Василий Губанов — Е. Урбанский.

На снимке: кадр из кинофильма.

Открыто регулярное автобусное сообщение между Москвой и Ленинградом. Ежедневно из Москвы в Ленинград отправляется скоростной пассажирский автобус «ЗИЛ-127».

Фото Р. Лихач.

Малолитражный автомобиль «Москвич» модели 1958 года скоро появится на дорогах страны. Он оснащен двигателем с верхним расположением клапанов мощностью сорок пять лошадиных сил. Сочетание двух измененных агрегатов — мотора и заднего моста — сделает «Москвич» более долговечным. Изменяется внешняя и внутренняя отделка машины. Начало массового производства нового «Москвича» намечается на вторую половину этого года.

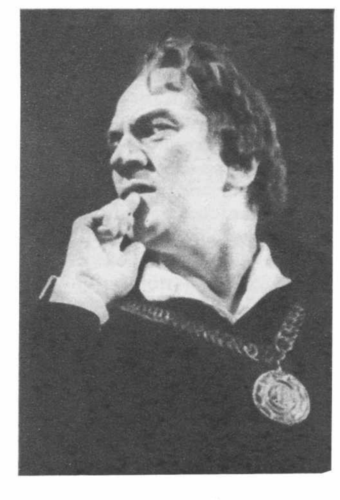
Фото А. Конькова (ТАСС).

31 января в Киевском государственном театре имени Франко состоялся юбилейный вечер в честь 70-летия со дня рождения и 50-летия творческой деятельности художественного руководителя театра, народного артиста СССР, лауреата Сталинских премий Гната Петровича Юры.

На снимке: депутаты Верховного Совета УССР М. Мыкытей, М. Остапенко, У. Баштык, А. Сердюк поздравляют Гната Петровича Юру с награждением его орденом Ленина.

Фото Я. Давидзона.

Государственный театр имени Евг. Вахтангова показал премьеру трагедии В. Шекспира «Гамлет». Постановка Б. Захавы, художник — И. Рабинович. Гамлета играет народный артист СССР М. Астангов.

Фото М. Чернова.

Сборная футбольная команда СССР выехала для тренировок в Китайскую Народную Республику.

31 января в Центральном Доме журналиста состоялась встреча игроков сборной с любителями футбола.

На снимке (слева направо): заслуженный мастер спорта вратарь Лев Яшин, народный артист СССР В. Я. Станицын, заслуженный мастер спорта капитан команды Игорь Нетто, народный артист РСФСР П. И. Селиванов, заслуженный артист РСФСР В. В. Ивановский, заслуженный артист РСФСР С. М. Хромченко, заслуженный мастер спорта — центр нападения Никита Симонян.

Фото А. Бочинина.

В Братиславе (Чехословакия) закончился чемпионат Европы по фигурному катанию. Советские фигуристы Нина и Станислав Жук завоевали серебряные медали в парном произвольном катании.

Фото М. Боташева.

Десять лет прошло со дня провозглашения независимости Цейлона. В Москве, в Колонном зале Дома союзов, собрались представители общественности столицы, чтобы отметить большое событие в жизни свободного Цейлона.

На снимке: посол Цейлона в СССР Гунапала П. Малаласекера выступает на собрании общественности.

Фото Ф. Короткевича.

В Москве началась продажа билетов денежно-вещевой лотереи. Охотников «испытать счастье» немало.

На снимке: продажа лотерейных билетов в сберегательной кассе Центрального телеграфа.

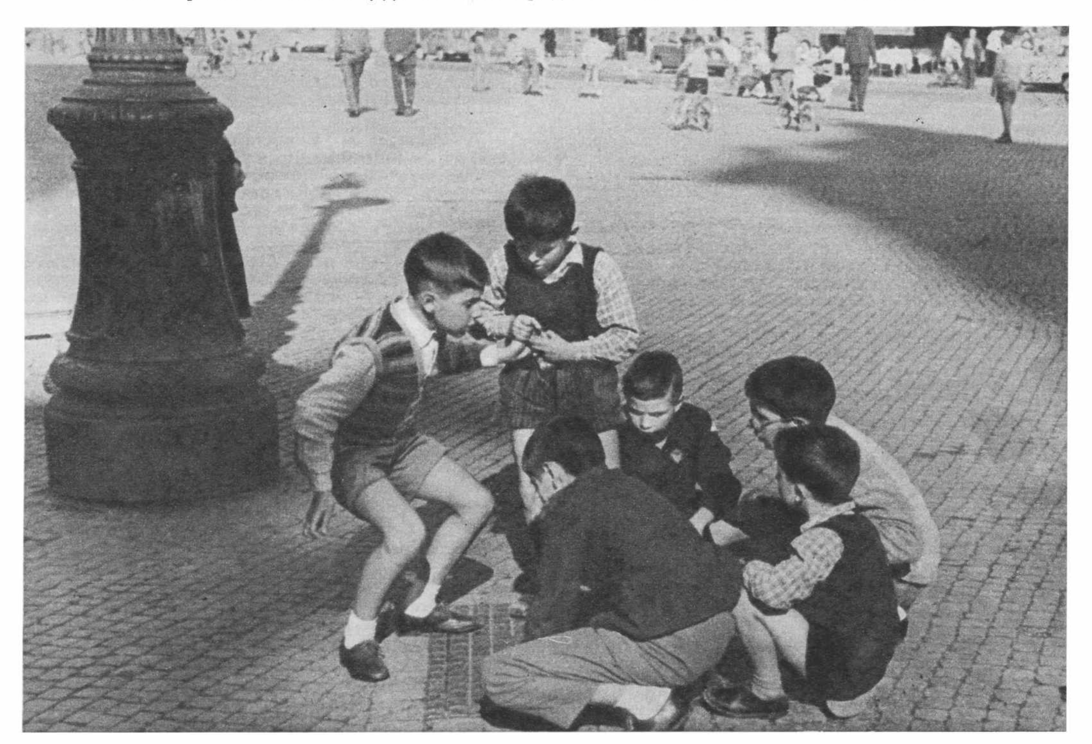
Фото Ф. Короткевича.

НЕ ПО ТУРИСТСКОМУ МАРШРУТУ

Извозчик в Риме не редкость. Передвигаясь таким древним способом, путешественнику удобнее осматривать достопримечательности. Вот и сейчас американская туристка готова сфотографировать фонтаны на площади Навоны. Вряд ли ее интересует что-нибудь другое.

Площадь Навоны в Риме полна движения и гомона человеческих голосов. Мальчишкам нет дела до американской туристки. На «кону» крупная ставка — лир двадцать пять. Кто выиграет?

И молодой человек, что присел на скамью и склонился над листком бумаги, тоже ничего не замечает. Как знать, может быть, от этого послания зависит многое в его жизни...

А. АДЖУБЕЙ

Фото автора.

Италия манит к себе туристов со всех концов мира. И если воспользоваться услугами одной из многочисленных фирм, обслуживающих путешественников, может показаться, что итальянцы и в самом деле живут так, как написано в путеводителях или как об этом рассказывают гиды: весело, беспечно и все время в величественном и далеком прошлом.

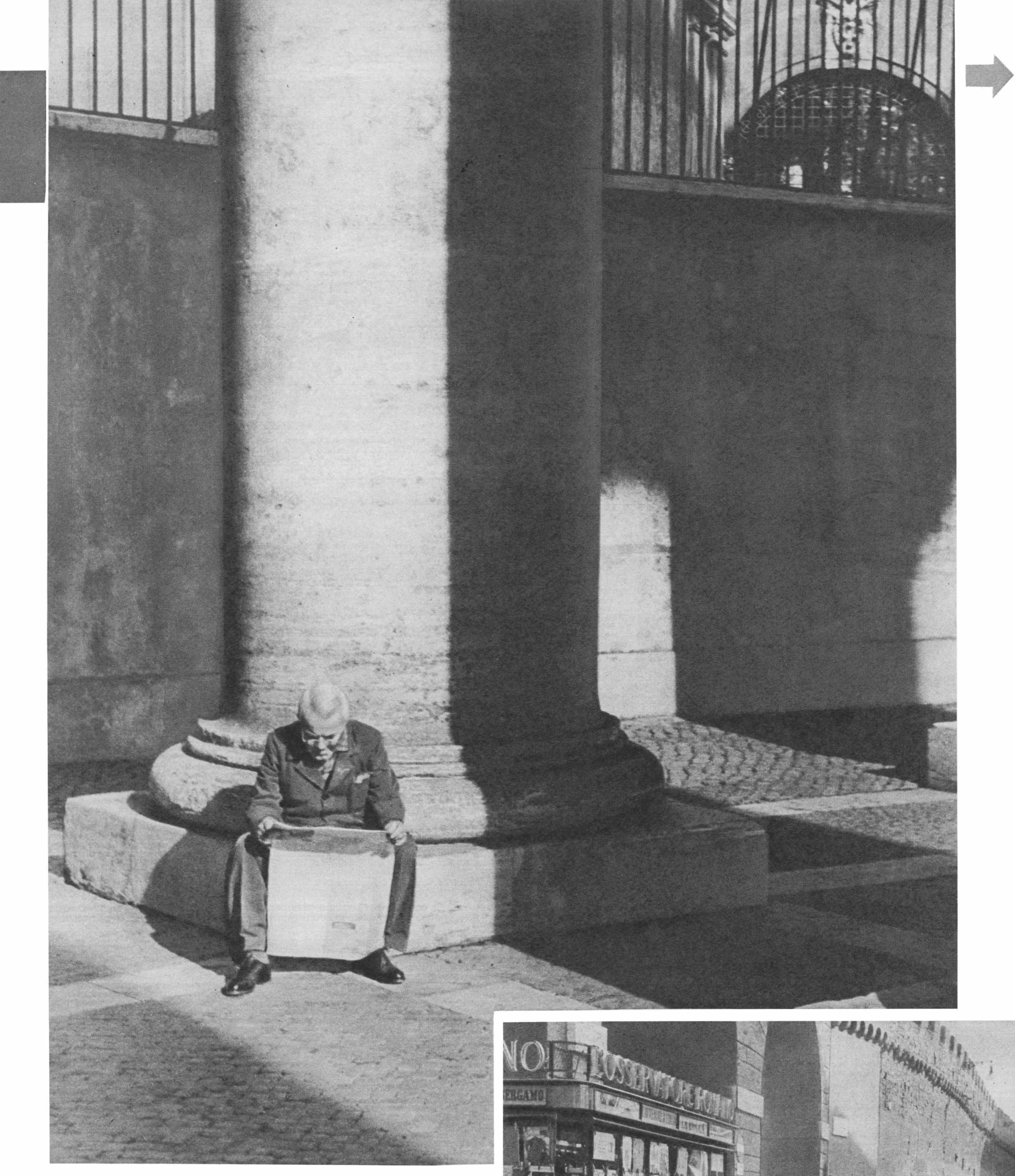
Что и говорить, это прошлое, полное прекрасных памятников — дворцов, храмов, картинных галерей,— гордость итальянцев. Но они знают цену своей собственной древней истории. Они знают, что, прежде чем превратиться в экзотические развалины, римский водопровод стоил людям пота и крови. Может быть, пота и крови протекло здесь не меньше, чем воды в дома богатых граждан. Думающие простые итальянцы знают, что Собор святого Петра не только «песня небу», но и колоссальный памятник сооружавшим его весьма «земным» существам, которых попы объединяют коротким словом «паства». Миллионы итальянцев унаследовали в своей крови не смиренный дух «рабов божьих», а вольнодумство Галилея, мятежный гений Леонардо да Винчи и бесстрашие Гарибальди. И потому при всем том, что древняя история страны производит неизгладимое впечатление, все-таки больше запоминается другое.

Когда вместе с вашим товарищем — итальянцем — вы постоите молча на ступенях до сих пор поражающего воображение Колизея, вам вспомнятся в первую очередь не те, кто заполнял трибуны во время празднеств, не прекрасные и безжалостные красавицы-римлянки и их галантные кавалеры. Вы услышите сквозь века не праздный шум голосов римской знати, а глухой рев зверей под ареной и стоны умирающих людей.

Отправьтесь бродить с итальянским другом по улочкам Рима, узким, запутанным, грязным, шумливым. Перелетите на самолете в нищую Сицилию, где есть города, в которых больше половины населения не может найти себе работу. Перенеситесь в горную область Абруццы с ее разрушенными каменными поселениями, куда часто не ведут ни шоссейные, ни проселочные дороги, а только тропинки для всадников. Может быть, тогда-то вы поймете, что такое Италия не по туристскому маршруту!

Правда, это совсем не значит, что вы не встретите и здесь памятников и мраморных колонн, красивых площадей и чистеньких кофеен. Но только теперь вы не будете судить о стране по виа Национале, шумной, богатой улице Рима. Ведь итальянский друг расскажет вам о забастовках профессоров и студентов, которые вместе требуют повышения оплаты. Он расскажет, как в горах возле Терамо случилась знаменитая «забастовка наоборот», во время которой тысячи голодных людей выходили строить дороги и электростанцию, хотя никто не просил их об этом. Они строили для того, чтобы получить ассигнования от правительства, для того, чтобы утвердить право на труд, для того, чтобы доказать, наконец, что рабочий класс, самый революционный класс,— вместе с тем и самый созидающий класс на земле.

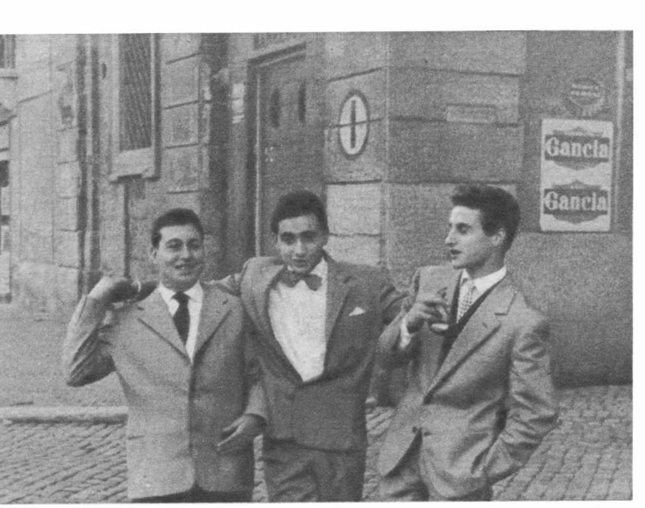
Многое можно узнать, если не спеша ездить по незнакомым краям, если говорить там с друзьями и если вдобавок к собственным глазам у вас есть хороший помощник — фотообъектив. Недаром ведь он называется фотообъективом: он объективен.

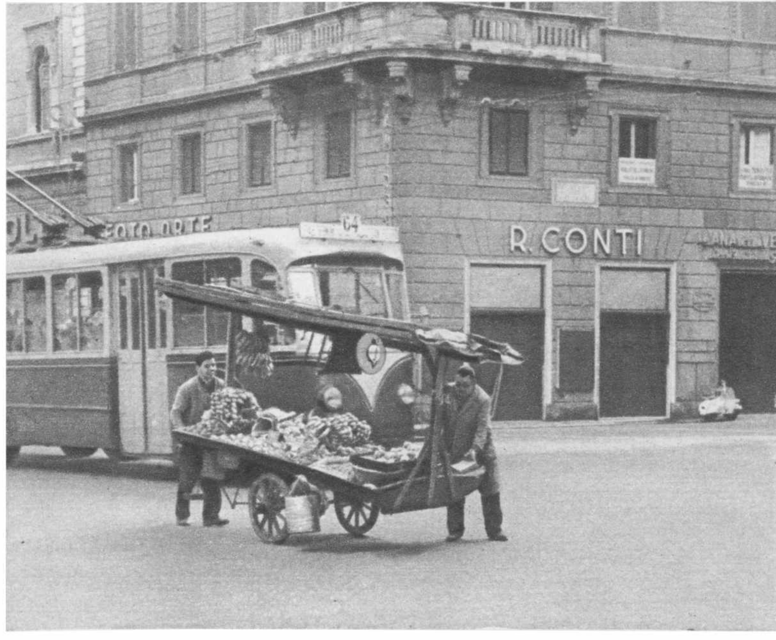
Сколько сделал Ватикан, чтобы утвердить себя на земле Рима, чтобы показать человеку, что значит он, всевластный представитель бога! Ватикан воздвиг храмы и дворцы. Присядет человек к краю колонны, что полукругом опоясали площадь возле Собора святого Петра, и все окружающее подчеркивает, как мало значит он в этом мире...

Бойкий ларек. Здесь продают газеты и журналы. На картинках — американские киноактрисы в пикантных позах, победители матчей регби, гангстеры и миллионеры — полный набор сенсационной хроники. Где расположен этот ларек? У стен святого Ватикана.

На таких вот улочках в Риме вы увидите длинные веревки с бельем.

Три молодых щеголя из богатого римского квартала сфотографировались с удовольствием. С утра они выпили по рюмочке и теперь на все смотрят беспечно. Ведь, как они заявили сами, «папы снабжают их деньгами для прогулок».

Их папаши наверняка не эти продавцы фруктов с лавочкой на колесах. Бананы дешевы в Риме, и на их продаже много не заработаешь.

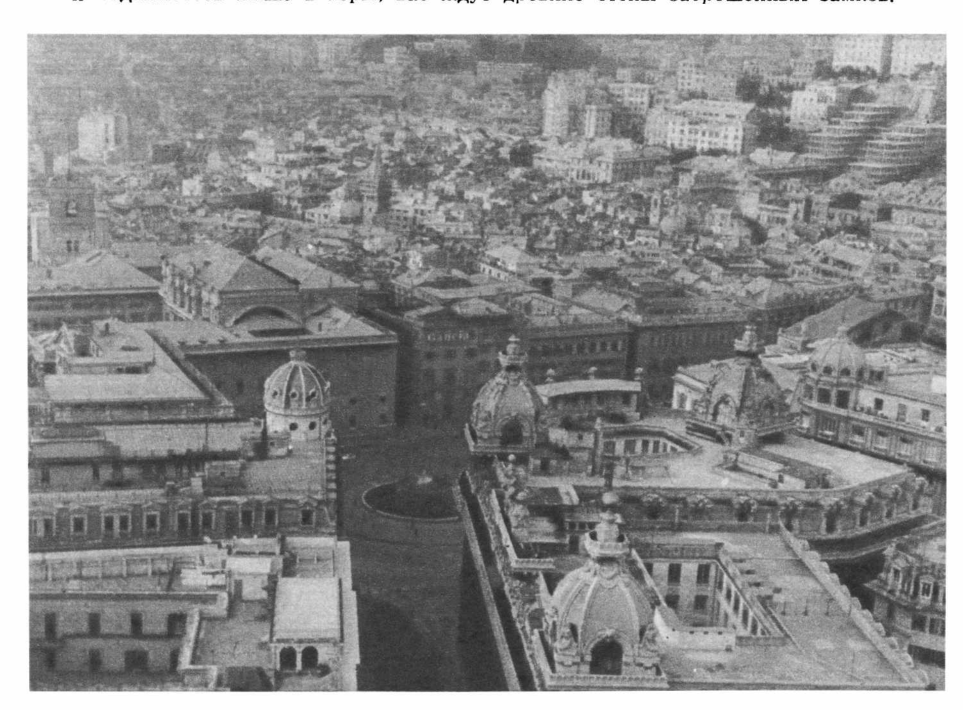
Владелец подобного кафе — человек побогаче. Да и посетители здесь, как видите, «приличные». Девушка развернула газету. Почему она такая невеселая? Уж не попалась ли ей на глаза заметка о скором прибытии в Италию американских ракетных установок?

Поздней осенью в Сицилии беспрерывно льют дожди. И тогда извозчики, их седоки, пешеходы, велосипедисты, спасаясь от непогоды, раскрывают зонтики.

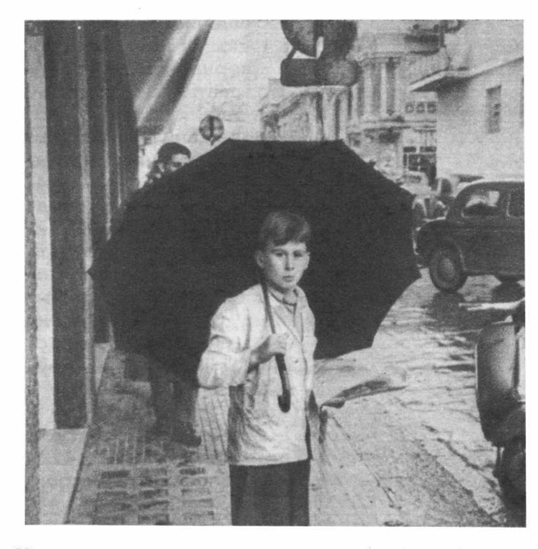
Вдоль сицилийского побережья, роскошного, вечно теплого, с богатыми отелями и туристскими приютами, немало невзрачных городков. Когда вы минуете эти городки и подниметесь выше в горы, вас ждут древние стены заброшенных замков.

Отправимся в другую часть Италии, в прекрасную Геную. Она перед нами с 60-метровой высоты.

Такой видят Генуую моряки, когда они подходят к ее порту.

Увидев на улице юного продавца бутербродов, мы окликнули его. Парнишка, услышав незнакомую речь, спросил переводчика: «Откуда «эти»? — и кивнул в нашу сторону головой.— Из Советского Союза? Не может быть!» И парнишка стал очень серьезным.

И снова дети — граждане маленького городка неподалеку от Терамо. Как все ребята на свете, они любопытны, тем более, что в горы пришла машина из Рима, а на этой машине приехали люди из Советского Союза. Пока мы, члены делегации ВЛКСМ, выступали здесь, в народном доме, мальчики и девочки не отходили от автомобилей. Когда мы уезжали, они долго кричали вслед: «Привет Москве!»

ЗА НОВЫЙ ПОДЪЕМ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. А. МИХАЙЛОВ,
министр культуры СССР

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к министру культуры СССР Н. А. Михайлову с просьбой ответить на некоторые вопросы, касающиеся культурной жизни страны.

Ниже мы публикуем ответы Н. А. Михайлова на вопросы корреспондента.

Вопрос: Декады литературы и искусства союзных и автономных республик в Москве стали у нас традицией. Декады каких республик предполагаются в ближайшее время?

Ответ: В конце марта текущего года начнется декада литературы и искусства Грузинской ССР. Затем будут декады Узбекистана, Казахстана.

Но не только подготовка к декадам,— вся деятельность всех творческих коллективов должна быть направлена к тому, чтобы творческие итоги этого года превзошли итоги 1957 года.

Вопрос: Что будет показано на декаде литературы и искусства Грузии?

Ответ: Деятели литературы и искусства Грузинской ССР активно готовятся к этому празднику, который, несомненно, явится праздником культуры не только Грузии, но и всех братских народов Советской страны.

В декаде литературы и искусства Грузии примут участие лучшие коллективы республики. В частности, в ней будут участвовать Театр оперы и балета имени З. Палиашвили, Драматический театр имени Шота Руставели, Драматический театр имени К. Марджанишвили, Русский театр имени А. С. Грибоедова.

Участвовать в декаде будут также Государственный симфонический оркестр, Государственная капелла, Государственный ансамбль народной песни и танца, Государственный ансамбль танца Грузии, Государственный квартет и другие коллективы республики.

Творческие работники Грузинской ССР подготовили несколько новых крупных работ, представляющих значительный идейный и художественный интерес.

Советские темы в репертуаре будут представлены пьесами А. Каплера «Грозовой год», А. Корнейчука «Гибель эскадры», Вс. Вишневского «Оптимистическая трагедия», Р. Табукашвили «Секретарь райкома». Надо заметить, что в театрах Грузии, так же как и в других, ощущается недостаток новых хороших произведений советской драматургии.

Из спектаклей декады следует прежде всего назвать балет «Отелло», созданный композитором А. Мачавариани, балетмейстером В. Чабукиани и художником С. Вирсаладзе. Музыка, режиссерский замысел, танец сливаются в нем в гармоническое и яркое целое. Балет, безусловно, будет не только хорошо принят зрителями, но вызовет большие отклики среди творческой интеллигенции и, конечно, войдет в репертуар других советских музыкальных театров.

Драматический театр имени Ш. Руставели покажет одно из выдающихся произведений мировой драматургии — «Царь Эдип» Софокла. В заглавной роли выступает народный артист СССР А. Хорава. Эту роль исполняет также народный артист Грузинской ССР С. Закариадзе и молодой артист Э. Манджгаладзе.

Работники грузинской кинематографии поставили новые фильмы. Среди них: «Советская Грузия» С. Долидзе, «Отарова вдова» — М. Чиаурели, «Парень из Сабудара» — Ш. Манагадзе, «Штурм Памира», «Свадьба соек» и другие.

В отличие от предыдущих творческих отчетов республик в дни грузинской декады будут показаны специальные программы по московскому телевидению. Создается выставка, посвященная дружбе русского и грузинского народов. Москвичи познакомятся с музыкальным и танцевальным искусством пионеров и школьников республики.

Коллективы и солисты Грузии предполагают осуществить в дни декады выезды на предприятия и в районы Московской области.

Вопрос: Какие наиболее интересные события культурной жизни будут происходить в других городах страны?

Ответ: Таких событий будет немало почти во всех городах.

Несомненный интерес представит показ пьес А. М. Горького на фестивале драматических театров, который состоится, вероятно, в городе Горьком.

В Смоленске будут проведены музыкальные дни, посвященные памяти основоположника русской музыки М. Глинки. В Туле — фестиваль пьес Л. Н. Толстого.

Предполагается широкий показ украинского искусства: в Одессе — пьес М. Кропивницкого, во Львове — проведение дней памяти И. Франка и т. д.

В Риге в большом летнем театре предполагается фестиваль балетного искусства. В Кишиневе на летней эстраде — фестиваль народной песни и танца.

Значительной будет цирковая программа. Выступлениями на стадионах, площадях, яркими и содержательными кавалькадами хотят отметить этот год артисты цирка.

Необходимо подчеркнуть, что художественные коллективы сейчас стремятся обслужить как можно больше зрителей непосредственно в районах, на предприятиях. Программы министерств культуры союзных республик на 1958 год намечают значительное расширение такого рода деятельности.

Вопрос: Какие наиболее интересные художественные выставки предполагается провести?

Ответ: Таких выставок будет несколько.

Выставка, посвященная Советской Армии и Военно-Морскому Флоту, откроется в Москве в дни празднования 40-летия со дня основания Красной Армии.

Осенью страна будет отмечать 40-летие Ленинского комсомола. В связи с этой датой предполагается устройство большой выставки живописи, скульптуры и графики. Значительное место на ней будет отведено работам творческой молодежи.

Во всех союзных республиках широко развито прикладное искусство и народное творчество. Министерство намерено провести в недалеком будущем Всесоюзную выставку прикладного искусства и народного творчества. Она ознакомит широкие массы трудящихся с этим видом искусства, поможет выявить новых талантливых мастеров, обогащающих своим творчеством изобразительное искусство.

Также предполагается устройство большой международной выставки живописи, скульптуры и графики, к участию в которой приглашаются художники Албании, Болгарии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Китая, Вьетнама, Корейской Народно-Демократической Республики, Польши, Румынии, Чехословакии, а также Югославии.

Конечно, организовать такую выставку трудно, и осуществить это можно только при равноправном и активном участии всех приглашенных стран.

Всемерно расширяется работа, связанная с продвижением выставок живописи, графики, скульптуры в районы и на предприятия. В текущем году будет большое количество передвижных выставок.

Неправильно, если такие выставки будут формировать только учреждения, подчиненные непосредственно Министерству культуры СССР. Необходимо, чтобы Министерство культуры каждой республики проявило в этом большую активность, инициативу, использовало все возможности для создания передвижных экспозиций, тем самым содействовало эстетическому воспитанию трудящихся, особенно молодежи.

Кроме названных, будут многочисленные выставки работ советских художников союзных республик. Они явятся предшественницами очередной Всесоюзной художественной выставки, открытие которой намечается в 1960 году.

Вопрос: Что можно сказать о Международном конкурсе имени П. И. Чайковского?

Ответ: Конкурс проводится в конце марта — начале апреля текущего года.

Это будет первый международный музыкальный конкурс в Советском Союзе. Для участия в нем приглашены сильнейшие молодые скрипачи и пианисты мира. К настоящему времени получено согласие от 42 пианистов и 21 скрипача — представителей многих стран.

В конкурсе примут участие и советские исполнители. Они определятся в результате всесоюзных конкурсов, которые проводятся в два тура. Ко второму туру допущено 13 скрипачей и 19 пианистов.

Среди молодых советских участников конкурса есть уже известные: например, скрипачи В. Климов, М. Яшвили, В. Пикайзен, М. Лубоцкий, пианисты А. Скавронский, Л. Власенко, Н. Штаркман. Есть и новые способные исполнители, которым предстоит проявить себя в этом трудном соревновании.

В члены жюри конкурса приглашены и дали согласие участвовать виднейшие представители музыкальной общественности многих стран мира. Среди них: А. Блисс — Англия, П. Владигеров — Болгария, К. Гуарниери — Бразилия, Д. Джорджеску — Румыния, Ф. Кинэ — Бельгия, М. Лонг — Франция, Г. Штомпка — Польша, Ма Си-цун — Китай, И. Маркс — Австрия, К. Цекки — Италия, Т. Хайникайнен — Финляндия, Е. Цимбалист — США.

Председатель Оргкомитета по проведению конкурса — Д. Шостакович.

В эти дни будут устроены музыкальные праздники. Музыкальные дни памяти П. И. Чайковского проводятся в Ижевске, неподалеку от которого родился великий композитор, и в Клину, под Москвой, где он прозел многие годы своей жизни.

По окончании конкурса намечается проведение гастролей лауреатов.

Конкурс, бесспорно, станет большим событием в музыкальной жизни не только нашей страны.

Вопрос: Какую роль должны сыграть в проведении всего намеченного министерства культуры союзных республик?

Ответ: Министерствам предстоит очень большая работа. Мы обязаны сделать все для того, чтобы результаты этого года были значительнее результатов предыдущего. Главное, исходя из решений XX съезда КПСС, обеспечить новый подъем культуры, искусства. Надо много и упорно трудиться, чтобы успешно реализовать указания, содержащиеся в решениях ЦК КПСС, в выступлении Н. С. Хрущева о связи литературы и искусства с жизнью народа.

Понадобится большая идеологическая и организаторская работа. Надо, чтобы каждый коллектив определил свое место в этой работе, имел ясное представление о том, что он обязан сделать в текущем году для успеха всего дела развития культуры в СССР.

На состоявшемся недавно совещании министров культуры союзных республик подчеркивалось, что для осуществления большого плана работ текущего года необходимо самым решительным образом вести борьбу с проявлениями бюрократизма; критиковать и устранять недостатки — их, к сожалению, немало; проявлять нетерпимое отношение к косности; вносить во всю работу больше инициативы, творчества; улучшать и совершенствовать всю деятельность министерств культуры.

Участники совещания единодушно подчеркивали, что необходимо всю работу в области культуры вести под повседневным руководством партийных организаций. Министерства культуры, каждое учреждение культуры должны быть тесно связаны с партийными органами, работать под их руководством, твердо и последовательно осуществляя линию партии в деле развития культуры и искусства нашей страны.

Высшее назначение литературы и искусства нашей страны — содействовать успешному строительству коммунистического общества.

Из этого должны исходить работники культуры и искусства во всей своей важной и благородной работе, имеющей огромное значение для коммунистического воспитания трудящихся.

Б. А. Семенов
(Свердловск).
РЯБИНУШКА.
Акварель.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

«Огонек».

Б. А. Семенов. ЗИМА НА ЧУСОВОЙ. Акварель.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

ПЕЧНИКИ

Рассказ

А. ТВАРДОВСКИЙ

Рисунки О. ВЕРЕЙСКОГО.

О печниках, об их своеобычном мастерстве, исстари носившем оттенок таинственности, сближавшей это дело чуть ли не со знахарством,— обо всем этом я знал с детства, правда, не столько по живой личной памяти, сколько по всевозможным историям, легендам и анекдотам.

В местности, где я родился и рос, пользовался большой известностью печник Мишечка, как звали его, несмотря на почтенные годы, может быть, за малый рост, хотя у нас вообще были в ходу эти уменьшительные в отношении взрослых и даже стариков: Мишечка, Гришечка, Юрочка...

Мишечка, между прочим, был знаменит тем, что он ел глину. Это я видел собственными глазами, когда он перекладывал прогоревший под нашей печи. Тщательно замесив ногами глину на теплой воде до того, что она заблестела, как масло, он поддевал добрый кусок пальцем, запроваживал за щеку, прожевывал и глотал, улыбаясь, как артист, желающий показать, что исполнение номера не составляет для него никакого труда. Это я помню так же отчетливо, как и тот момент, когда Мишечка влезал в нашу печь и, сидя под низкими ее сводами, выкалывал особым молотком у себя между ног, раскинутых вилкой, старый кирпичный настил. Как он там помещался, хоть и малорослый, но все же не ребенок, я не мог понять: когда меня, простудившегося как-то зимой, бабка попыталась отпарить в печке, мне там показалось так тесно, жарко и жутко, что я закричал криком и рванулся наружу, чуть не скатившись с загнетки на пол.

Мне сейчас понятно, что невинный прием Мишечки с поеданием глины на глазах зрителей имел в основе стремление так или иначе подчеркнуть свою профессиональную исключительность: смотрите, мол, не каждый это может, не каждому дано и печи класть.

Но Мишечка, подобно доброму духу старинных вымыслов, был добр, безобиден и никогда не употреблял во зло людям присущие его мастерству возможности. А были печники, причинявшие хозяевам, чем-нибудь не угодившим им, большие тревоги и неудобства. Вмазывалось, например, где-нибудь в дымоходе бутылочное горлышко — и печь поет на всякие унылые голоса, предвещая дому беды и несчастья. Или подвешивался на тонкой бечевке в известном месте кирпич, и, по расчету, бечевка выдерживала первую, пробную топку печи, все было хорошо, а на второй или третий день она перегорает, обрывается, кирпич закрывает дымоход, печь не растопишь, и понять ничего нельзя, надо ломать и класть заново.

Были и другие фокусы подобного рода. Кроме того, одинаковые по конструкции печи всегда разнились в смысле нагрева, теплоотдачи и долговечности. Поэтому печников у нас, по традиции, уважали, побаивались и задабривали. Надо еще учесть, какое большое место в прямом и переносном смысле занимала печь в старом крестьянском быту. Это был не только источник тепла, не только кухня, но и хлебопекарня, и универсальная сушилка, и баня, и прачечная, и, наконец, излюбленное место сладостного отдыха после дня работы на холоде, с дороги или просто когда что-нибудь болит, ломит, знобит. Словом, без хорошей печи нет дома. И мне это досталось почувствовать в полной мере на себе, и я так много и углубленно думал до недавней поры о печках и печниках, что, кажется, мог бы написать специальное исследование на эту тему.

Мне отвели здесь квартиру через дорогу от школы. Это крестьянская изба, подведенная под одну связь с двумя такими же избами, где жили другие преподаватели. Изба разгорожена на две комнаты, и перегородка приходится как раз посредине большой комбинированной печи, выступающей в передней в виде кухонной плиты, а на другой половине в виде мощной голландки. Эта печь и была долгое время причиной моего крайне угнетенного настроения, тоски и порой почти что отчаяния. Стоило мне в классе на уроке или в любом ином месте, на людях или в одиночку, за любым делом вспомнить о доме, об этой печи, как я чувствовал, что мысли мои путаются, я не могу ни на чем ином сосредоточиться и становлюсь злым и несчастным.

Эту печь очень трудно, почти невозможно было затопить. Еще плита так-сяк топилась, но плита не имела для меня, живущего покамест без семьи, большого значения. Но как только отваживались затопить голландку, чтобы согреть вторую комнату, где я работал и спал, нужно было открывать форточки и двери от дыма, наполнявшего всю квартиру, как в черной бане. Поначалу, видя растерянность сторожихи, я брался топить печку сам, но и у меня то же самое получалось. Дым валил из-за дверцы, из поддувала, сочился из незаметных щелей вверху печи и даже пробивался через конфорки плиты в передней. Всякий раз со стороны можно было подумать, что люди забывали открыть трубу.

Для растапливания этой печи было применено множество приемов и все богатство опыта и сноровки людей, имевших по должности своей дело с десятком, по крайней мере, действующих школьных печей.

Сторожиха Ивановна и ее муж, одноногий Федор Матвеев, помогавший ей, были настоящими мастерами этого дела. Притом у каждого была своя система или способ, прямо противоположные один другому, но одинаково приводившие к хорошим результатам. Коротко можно сказать, что Ивановна начинала с огня, а Матвеев — с дров. Я хорошо изучил эти два способа. Ивановна, маленькая, поворотливая, ухватистая женщина, зажигала в пустой печи трубочку бересты, горсточку стружек, обрывок газеты или несколько тонких лучинок и, добавляя по лучинке, по щепочке — что больше, то крупней,— выращивала живучий, сильный огонь, куда оставалось только подбрасывать полешко за полешком, пока дрова, изнутри прохватываемые пламенем, не подопрут под своды так, что уже и сунуть полено некуда.

Матвеев, наоборот, со свойственной ему, отчасти из-за инвалидности, медлительностью и основательностью сначала выкладывал в печи дрова, то в виде обычной клетки, то как-то крестообразно, то вертикально — шалашиком, выкладывал, пристраивал, перебирая, поленья одно к одному, обдуманно, тщательно, всякий раз как бы решая некоторую конструктивную задачу. И только потом подводил под это сооружение огонь, используя ту же бересту, стружку или газетную бумагу. И получалось так же хорошо, как и у Ивановны. Печь вытапливалась быстро, дрова прогорали ровно, никогда не пахло угарным газом, и никогда печи не остывали раньше того, чем им полагалось. Но моя печь дава-

ла одинаково скверный результат при том и другом способе.

Я уже не шутя начинал думать, не устроена ли в этой печи какая-нибудь шутка, вроде тех, что делали мастера в старину.

Столкнувшись с этой бедой, я постепенно вызнал всю историю злосчастной печи. Оказалось, что из-за нее никто не хотел жить в этой квартире. Помучилась, рассказывали, преподавательница истории Мария Федоровна — бежала. Летом жила математичка Ксения Аркадьевна, когда еще была не отделана соседняя квартира, но к осени перебралась туда, едва дождавшись окончания отделки.

Сложена печь была немцами-военнопленными, а потом дважды перекладывалась разными случайными печниками, но все неудачно. Мне было просто неловко поднимать перед директором вопрос о новой переделке печи. Но, так или иначе, ее нужно было переделать, только бы не даром, в четвертый раз.

Есть, говорили, на всю округу один человек — Егор Яковлевич,— он мог бы сложить печь с гарантией, но он последнее время редко и неохотно берется: живет на пенсии как старый железнодорожник, у него свой дом, сад, огород,— не хочу, и все. Посылали с его внуком из четвертого класса записку — не удостоил ответом; ходил к нему сам Матвеев раз, а другой раз видел его где-то на поселке — все то болен, то взялся уже работать в другом месте, а что дальше, там, мол, видно будет.

А дальше оттягивать уже было нельзя. Прошли октябрьские праздники, дело пододвигалось к зиме,— уже на своей квартире я мог только спать по фронтовой привычке, ребячьи диктанты и сочинения я правил в учительской, когда все расходились. Вдобавок ко всему я очень опасался, что жена моя Леля, несмотря на мои решительные предупреждения, могла нагрянуть сюда с пятимесячным сыном до приведения квартиры в порядок.

Все эти соображения, решения и оттяжки совершенно изнурили меня. Меня мучила не только сама печка, но и то, что она была предметом разговоров, забот, планов и предположений всех преподавателей, директора, сторожей и, я уверен, учеников: ребята всегда все знают о нашей внешкольной жизни. Да и сейчас, когда вся эта пустяковая история с печкой давно позади, я сам чувствую, что повествую об этом не с легкостью изложения забавного случая, а с волнением и серьезностью, каких это дело, конечно, недостойно. Но спросите у любого, особенно у женщины-хозяйки, пользующейся печным отоплением, что такое дурная печь в ежедневной жизни человека, как это влияет на настроение, как отражается на работоспособности,—вам скажут, что от плохой печки можно в короткий срок постареть. А я именно смотрел на все злоключения с этой печью глазами моей жены Лели, городской, неопытной в трудном быту молодой женщины-матери, которой предстояло жить со мной в этой квартире.

В то утро, когда я проснулся ранее обычного от света, который вступал в окна от снега, выпавшего ночью, мне пришла как бы вместе с этим светом ясная, простая и, казалось, надежнейшая мысль.

Я вспомнил райвоенкома, майора, с которым познакомился и разговорился, когда приходил к нему, чтобы встать на учет как офицер запаса. Пойду, дурак, к нему, он мне поможет: стоит посмотреть по картотеке, у кого из военнообязанных в графе «специальность» указано «печник» — вот и печник.

Майор принял меня в своем крошечном, как чулан, кабинетике с тремя бревенчатыми и четвертой тесовой стенкой, отделявшей его от общей большой комнаты с деревянным барьером.

Простецкое озабоченное лицо майора с морщинами на лбу, которые подкатывались от бровей к густым темным волосам, делали его лоб низким и придавали как бы свирепое выражение,— лицо это участливо вытянулось.

— Как вам сказать,— заговорил он, закуривая сигаретку,— печник — такая профессия, что ее не всегда указывают. Сапожник, кузнец — это другое дело. А печник,— вдруг улыбнулся он, обнажая свои большие прокуренные зубы с широким краем верхних десен,— каждый солдат — сам себе печник. Сейчас посмотрим.

Оказалось, есть печники, но один из них инвалид, без руки, другой живет в самом далеком углу района, третий работает председателем большого колхоза — нечего и обращаться, четвертый — двадцать шестого года рождения; это и майор сказал, что печник должен быть постарше. Были и другие кандидатуры, отклоненные нами по тем или иным мотивам.

— Вы вот что,— посоветовал мне майор под конец, уже будучи в курсе всей моей истории,— вы сходите лично сами к этому магу и кудеснику, к Егору этому. Я тоже слышал, что мастер редкий. Сходите, поговорите. А не выйдет — давайте сюда, что-нибудь придумаем,— улыбнулся он опять своей большезубой улыбкой, исподволь прикрывая рот рукой, как это делают люди с потерянными спереди зубами, особенно женщины.

Это последнее его предложение при всей участливости майора прозвучало для меня как слово простой, ни к чему не обязывающей вежливости.

На другой день я направился к Егору Яковлевичу по грязной, скользкой обочине шоссе, вдоль которого располагался поселок. Снег, выпавший на незамерзшую землю, держался только в садиках и палисадничках, где не было ходьбы.

Было воскресенье, на улицу еще мало кто выходил, и я этому радовался: я не хотел, чтобы все видели и знали, куда и зачем я иду. В то время у меня вообще было такое ощущение, как будто я хожу в тесных, мучающих меня сапогах, скрываю это, а все видят и знают мою беду, жалеют меня и немножко подсмеиваются надо мной. А я больше всего не терплю быть объектом жалости и насмешки. И эта чувствительность, мне кажется, особенно развилась во мне с тех пор, как я стал женатым человеком, главой семьи,— об одном самом себе такой речи не было.

А тут идешь, и тебе кажется, что все: и эта старуха в резиновых сапогах на колодце, и девочка, несущая хлеб под мышкой и жующая довесок, и два мальчика, поздоровавшиеся со мной на перекрестке,— все не только знают, куда и зачем я иду, но и знают, что я недавно женатый, неопытный и неуверенный в устройстве домашних дел человек, и, пожалуй, даже знают, что моя теща — городской врач, красивая и совсем еще не старая женщина, с некоторой натянутостью признающая себя бабушкой,— относится ко мне не очень уважительно и что я ее не то стесняюсь, не то побаиваюсь. И что у нее в квартире мы с Лелей и ребенком помещались в меньшей, проходной комнатке, а она — в большой, отдельной.

Я мало верил в успех, заранее составив себе представление об этом человеке, как обремененном стариковскими недугами и не очень заинтересованном в заработке. Хуже нет просить кого-нибудь сделать что-то, чего он не хочет делать или просто может не делать.

Свернув с наклонно натоптанной вдоль штакетника тропинки, где то и дело нужно было держаться за штакетник, чтобы не упасть, я прошел через калитку к застекленной веранде домика Егора Яковлевича.

Дверь на веранду оказалась запертой; через стекло я увидел, что там все завалено кочанами капусты, бурачками и морковью со срезанной ботвой. В одном окне дома показалось длинное строгое лицо со слабой, прозрачной бородкой, и жестом руки мне было указано, что нужно обойти кругом.

Я обошел дом, поднялся по грязным ступенькам открытого крылечка в сени и постучал для порядка в тяжелую, обитую какими-то тряпками дверь.

— Ну, ну! — отозвался изнутри хриплый, но довольно сильный голос.— На себя!

Я вошел в кухню очень просторную, в два окна. У окна справа сидел за столом старик — не старик, но уже в порядочных годах человек с длинным, строгим, нездорового, желтоватого цвета лицом и редкой, когда-то рыжей, а теперь от седины палевой бородкой. На столе стоял самовар, остатки, видимо, вчерашней закуски и пустая поллитровка. Человек спокойно и, как мне показалось, с подчеркнутым невниманием ко мне нарезал яблоко кружочками в стакан — чаевничал. Это и был Егор Яковлевич.

— Не могу,— коротко и с какой-то холодной грустью сказал он, едва я начал излагать свою просьбу.

Я стоял у порога и сесть мог бы либо у самого стола на свободном стуле, если бы меня пригласили, либо устроиться почти у самой двери на деревянном диване, заставленном какими-то ящиками, валенками, цветочными горшками, хламом. Здесь я мог сесть без приглашения, хотя разговаривать отсюда было неудобно, как через улицу.

Все же я сел и стал опять ему излагать дело, стараясь, конечно, ввернуть, что наслышан о его славе мастера. Всю свою канитель с печкой я старался представить в нарочито смешном виде, упирая на собственную беспомощность и наивность в этих делах.

Но все это он слушал как нечто само собой разумеющееся и ничуть не интересное ему, не прерывая меня: мол, говори себе что хочешь и сколько хочешь, мне все равно, и так и так чай пить. Он даже и не смотрел на меня, а смотрел больше в окно — на непогожую, слякотную улицу, на свои садовые кустики, на всю эту мокреть и неприютность надворья, видеть какую даже приятно, когда сидишь за чайным столом на привычном, излюбленном месте, в тепле, обеспеченном доброй, безотказной печкой. Да, он, видимо, знал цену этого утреннего стариковского часа с чайком и табачком, с неторопливым, небеспокойным и необременительным созерцанием и размышлением.

Я вскоре почувствовал, что в кухне очень жарко натоплено. «Реклама»,— подумал я и присовокупил к своему изложению еще одно подобострастное замечание насчет того, как тепло и как хорошо с улицы прийти в такое помещение.

— Нет, не возьмусь,— опять прервал он меня, отодвигая стакан с блюдцем и приступая к перекуру.

— Егор Яковлевич!

— Да что Егор Яковлевич, Егор Яковлевич,— вяло передразнил он, явно пренебрегая моим усердным величанием его по имени-отчеству.— Сказал, не могу. Ясно?

Я мог бы утверждать, что с такой крайней недоступностью и ленивым высокомерием со мной не мог бы говорить не только заведующий районным или областным отделом народного образования, но и любой иной высокопоставленный начальник с секретарями, телефонами и записью на прием. Не могу, не возьмусь, и все. Самый суровый и недоступный начальник при этом все-таки должен был бы сказать мне, почему он не может удовлетворить ту или иную мою просьбу.

— Почему, Егор Яковлевич?

— А потому,— отвечал он, не повышая голоса и не меняя своей грустной и значительной интонации,— по тому самому, что Егор Яковлевич один, а людей много: тому надо и тому надо. У меня вот всего две руки,— развел он своими большими, костлявыми руками в коротких рукавах застиранной майки и коснулся высокого лба пальцем.— Две руки и одна голова, больше нету.

В этих жестах, как бы только упрощающих сущность дела применительно к уровню моего понимания, невольно виделось, что Егор Яковлевич далек от того, чтобы недооценивать свое значение.

— Но, Егор Яковлевич,— отважился я намекнуть,— вы, может быть, сомневаетесь относительно оплаты, так я хочу сказать, что я, со своей стороны...

— Да нет, что там оплата! — с небрежностью слабо махнул он своей тяжелой, большой рукой.— Оплата моя известная, а говорю, не возьмусь. Сделаешь одному, другой придет. А лучше никому, и зато никому не обидно. Вот тоже вчера приходил человек,— указал он левой рукой, в которой держал папиросу, на пустую поллитровку,— приходил человек, так и сяк просил...

— А все-таки, Егор Яковлевич?..

— Я же вам русским языком говорю,— он опять отнес свою тяжелую кисть руки к пустой поллитровке, уже почти касаясь мизинцем стекла,— вот же человек приходил...

Он с такой убежденностью указывал мне на эту пустую бутылку, как на обозначение некоего человека-просителя, что я невольно стал смотреть на нее, как бы видя уже в ней натурального человека, который так же, как и я, нуждался в добром расположении Егора Яковлевича.

И тут меня оживила простая догадка, которая должна была, подумал я, явиться мне еще раньше, с самого начала беседы.

— А что, Егор Яковлевич,— сказал я решительно, подходя к столу,— может быть, по случаю выходного дня...— Я приподнял легонько за горлышко пустую бутылку для вящей предметности.

Егор Яковлевич поднял на меня светло-голубые, со стариковской краснинкой глаза, его бледные губы чуть заметно улыбнулись.

— С утра не употребляю.— И в тоне этого отказа была уже не только недоступность, но и осуждение и назидательность.— С утра не употребляю,— еще тверже повторил он и, опершись о край стола, приподнялся, желая, очевидно, дать понять, что аудиенция окончена.— Правда, вчера был вот человек...

И я решил для себя, что я для него просто «человек», как и тот, что в образе пустой бутылки стоял на столе: нас много, а он один.

Он проводил меня до сеней и, стоя в раскрытых дверях, зачем-то сказал мне вслед, может быть, все же тронутый моей огорченностью:

— Буду мимо идти, зайду, может, как-нибудь...

— Пожалуйста,— машинально отозвался я, недоумевая, для чего, собственно, ему заходить ко мне.

От Егора Яковлевича шел я в самом тягостном настроении. Как будто я пытался сделать что-то недостойное, но был упрежден и уличен. В самом деле, зачем мне было ходить к этому Егору, просить его, заискивать перед ним, роняя свое достоинство? Пусть этим занимается кто хочет, не мое это дело. А что же было делать? Ждать, покамест директор «лично займется этим вопросом», покамест освободятся какие-то печники на станции, покамест приедет жена, не поладив с матерью, решит, что хоть в сарае жить, только вместе, а тут ничего не готово?

Я совсем приуныл, начал представлять себе мое положение в самом наихудшем свете, и так как винить кого-нибудь одного я не мог в этом, то я начал сетовать на несовершенства нашего хозяйствования.

Строим уникальные домны, где укладываются сотни марок кирпича, возводим сооружения, назначенные увековечить наше пребывание, наш труд на земле, донести далеким потомкам образ величия наших дел и стремлений, а сложить печку, обыкновенную печку, какие, наверно, знала еще Киевская Русь, сложить это обогревательное устройство в доме работника интеллигентного труда, преподавателя родного языка и литературы,— задача неразрешимая!

Я шел и развивал все более неопровержимую аргументацию в направлении нетерпимости и ненормальности такого положения. Одна за другой складывались в моей голове фразы то лирико-патетические, то едко-иронические, проникнутые убедительностью, пафосом правды, ясной, как день. Я уже не сам с собой разговаривал, а как бы слагал речь, которую я готовился напрямик сказать с некоей трибуны или в беседе с каким-нибудь большим, руководящим человеком. А может быть, это были строки и абзацы статьи, которая со страниц печати должна была со всей горячностью и прямотой поставить вопрос о внимании к нуждам сельской интеллигенции. Но этого мне уже было мало. Я уже затрагивал существующие формы и методы преподавания, и т. д., и т. п. Постепенно, незаметно я уже оторвался от своей печки...

Мне так захотелось поговорить с кем-нибудь обо всех этих вещах, поделиться своими достовернейшими наблюдениями и неопровержимыми выводами, повторить вслух наиболее удачные места и выражения моей внутренней речи, щегольнуть цитатой, приведенной как бы между прочим, по памяти.

Я пошел к майору, не имея уже в виду его обещание «что-нибудь придумать» относительно печки, а просто так. Он жил неподалеку от райвоенкомата, в одной половине деревянного двухквартирного домика с двумя одинаковыми крылечками.

Мне сказали, что он уже в райвоенкомате, и я нашел его там, где было еще по-утреннему пустынно и тихо, в том же маленьком кабинетике. Он встал мне навстречу, быстро закрыв и сунув в стол какую-то толстую тетрадь. По моему лицу, возбужденному ходьбой и этими рассуждениями, должно быть, он подумал, что дела мои удачны.

— Ну, как?

Я рассказал о своем визите, причем теперь мне все уже представлялось в юмористическом плане, я неожиданно для самого себя изобразил картинно, как важничал Егор Яковлевич, как он пил чай, как отказал мне. Я даже показал его жест, обращенный к бутылке: «Вот, приходил человек...» Мы посмеялись вместе.

— Да. Ну, что ж,— сказал майор,— придется мне самому вам печь сложить.

— То есть как?

— А так, из кирпича! — засмеялся он, показывая свои большие зубы и поднимая руку ко рту.

Я только теперь, между прочим, отметил про себя, что в этой его улыбке было что-то очень располагающее и отчасти трогательное. Она сразу преображала его озабоченное, невеселое лицо.

— Так вы лично, что ли, будете класть печку?

— Лично. Заместителю поручил бы, но он не сможет.— Майор не без удовольствия наблюдал мою растерянность.— Завтра суббота? Завтра и начнем с вечера.

Все получалось так просто и в то же время не совсем ловко: как это майору, моему в некотором смысле начальнику, подряжаться ко мне на печниковскую работу?

— Не доверяете? Вы же заходили ко мне на квартиру, видели печку? Моя. Хозяйка довольна.

— Нет, зачем же! Спасибо, конечно! Но тогда уж нужно относительно всего договориться.

— Насчет гонорара? — с веселой готовностью подсказал он.— Не беспокойтесь, сойдемся.

— А все-таки?

— А все-таки оставим этот разговор. Еще не хватало, чтоб райвоенком кладкой печей прирабатывал к основному окладу! Дойдись такое до начальства — хо-хо!

— А если дойдет, что вы печи кладете?

— Это пусть доходит. В этом мне никто не указ. Я, например, сам все это шью,— он обмахнул себя рукой по кителю и брюкам,— получаю отрезы и шью. И на детей все верхнее шью. И вам мог бы сшить.

На другой день вечером он пришел ко мне со свертком под мышкой; там были старые летние солдатские штаны и гимнастерка, а также печниковский молоток, железный складной метр, моток проволоки, какие-то бечевки.

Он осмотрел, обошел печку и плиту, потом взял стул, сел лицом к голландке посреди комнаты и стал курить, глядя на нее.

— Да-а...— сказал он после некоторого размышления.

— Что?

— Ничего. Грязи тут у вас много будет.

— Это пожалуйста. Ивановна подмоет.

— А дрова у вас есть? — спросил он.

— Дрова? Есть, а зачем?

— А вот затопить.

— Это когда вы новую печку сложите?

— Нет, сперва эту попробуем затопить.

Мне показалось, что он шутит или ничего не помнит из того, как я ему расписывал эту печку.

— Да вы же только дыму наделаете. Неужели вы мне не верите?

— Верю, верю. А надо затопить. Где дрова?

Дрова нашлись в коридоре; среди них полуобгорелые поленья, побывавшие уже в этой печи.

Майор снял китель и с такой уверенностью приступил к делу, что я уже готов был предположить, что мы с Ивановной чего-то не доглядели и потому нас всякий раз постигала неудача. И вот он сейчас затопит печь, и она окажется нормальной. Это было бы очень хорошо, но тогда вся моя история с этой печью выглядела бы совершенно смешно и нелепо.

Я просто обрадовался, когда увидел, что печь у майора задымила так же, как она дымила у Ивановны, Федора и у меня.

— Нет, товарищ майор,— сказал я.

— Что нет?

— Не горит.

— Вот и хорошо! Это нам и надо! — засмеялся он.— Как не горит, почему не горит — вот что важно.

Подтопа прогорела; крупные дрова, не занявшись, только потемнели; дыму нашло, как обычно. Майор вышел на улицу посмотреть на трубу. Я тоже вышел. Было еще светло.

Сколько раз я, затопив печку, выбегал так на улицу, напряженно всматриваясь, не покажется ли дымок из трубы! Я еще с детства помню, что если очень всматриваться, хотя бы с целью узнать, ставят ли дома самовар, то над трубой начинается некоторое дрожание воздуха, вот-вот явится дымок, и так-таки нет его.

Майор вернулся в квартиру, захватил моток бечевки с навязанной на конце тяжелой гайкой и полез по приставленной лестнице на крышу. Я следил, как он, встав у трубы, начал спускать гайку в трубу и водить ею там, то опуская глубоко, с рукой, то приподнимая. Это было точь-в-точь, как таскают «кошкой» ведро, оставшееся в колодце.

В это время шедший по дороге высокий мужчина в куртке с рыжим меховым воротником и косыми карманами на груди остановился и, держась левой рукой за козырек фуражки, стал смотреть на крышу. В правой у него была легкая палочка. Когда майор, выбрав бечевку из трубы, спустился, человек подошел поближе, и я увидел, что это Егор Яковлевич. Он кивнул мне и, обращаясь к майору, спросил:

— Ну, как?

— Черт ее знает! В трубе вроде ничего нет, а гореть не горит.

Можно было подумать, что они не только давно знают друг друга, но словно бы вместе были заняты этой незадачливой печкой. Мы вошли в квартиру, где еще было дымно, и майор с Егором Яковлевичем заговорили о печи. Они все время говорили о н, имея в виду неизвестного мастера, клавшего печку.

— Морду ему набить,— с грустной убежденностью сказал майор.

Но старый печник примирительно возразил:

— Битьем тут не поможешь. Тут главное дело, что он не печник, а сапожник. Свести два дымохода — от плиты и от печки — это не его ума дело.— Говоря это, Егор Яковлевич водил по корпусу печи своей палочкой, как указкой, постукивая и точно ставя какие-то знаки.— Одно слово — сапожник.

Это было сказано так же, как если бы мастерство сапожника сравнивалось с чем-нибудь неизмеримо более сложным, например, с искусством, как у Пушкина: «Картину раз высматривал сапожник...»

Печники закурили и еще долго обсуждали вопрос. Они вели себя, как доктора после осмотра больного, не стесняясь присутствием близких его, понимающих лишь с пятого на десятое их терминологию, недомолвки, пожимания плечами и загадочные начертания в воздухе.

— Не знаешь дела — не берись,— заключил Егор Яковлевич, как мне показалось, не без намека на присутствующих.

Майор безобидчиво пояснил:

— Я что? Я по домашности и себе печку сложил, хотя какой же я мастер! А если человек в таком затруднении,— кивнул он на меня,— надо, думаю, как-нибудь помочь.

— Конечное дело,— сказал Егор Яковлевич, довольный скромностью майора.— Помочь тоже надо, только чтобы потом еще помощи не просить.

— Егор Яковлевич! — Я вдруг вновь почувствовал в себе прилив некоторой надежды.— Егор Яковлевич, право же! А?..

Майор как нельзя лучше поддержал меня:

— А я бы уж у вас, Егор Яковлевич, за глинотопа. Мне даже не без пользы при таком мастере поработать, ей-богу, так! — Он ощерил свою крупнозубую улыбку, прикрывая ее рукой с дымящейся в ней папиросой.

Нет, все-таки простые, заурядные люди в конце концов безошибочно находят пути к сердцам людей необыкновенных, с их, казалось бы, безнадежной неприступностью.

— Ну что мне с вами делать? Надо помочь,— сказал мастер, и это «надо помочь» в точности походило на слова обычных резолюций наших начальников из района и области: «надо помочь в части» того-то и того-то.

Егор Яковлевич сел на стул, как до него садился майор, перед печкой и, всматриваясь опять в нее, забывчиво бормотал себе под нос:

— Надо помочь, надо будет помочь...— И, взмахнув палочкой сперва в сторону майора, потом к печи, заговорил с какой-то нарочитой напевностью: — Так вот, друг милый, к завтраму ты мне эту дыру разберешь до кирпичика и, чтобы бою никакого, кирпичик к кирпичику сложишь. Понял?

Я отметил, что он говорил майору «ты», уже считая его в своем подчинении, хотя не мог не усмотреть висевший на стуле китель с майорскими погонами; и в этом он тоже походил на всякое наше начальство.

Майор сказал, что он сейчас же полезет на крышу; я, конечно, выразил готовность ему помогать, но Егор Яковлевич заявил, что на крышу лезть незачем.

—Труба ни при чем, нам и эта годится, только ее надо подвесить.

Этого не знал не только я, но и майор, как подвешивают трубы. Тогда Егор Яковлевич взял свою палочку за оба конца и разъяснил задачу с примерной популярностью, обращаясь опять-таки к одному майору:

— Возьмешь два таких брусочка, конечно, понадежнее, не меньше двух вершков. С чердака у трубы подобьешь плечики и вот так под плечики подведешь... Не только трубу, а и всю тебе печку вывесить можно. Как же ты разобрал бы печку в нижнем этаже, если во втором на ней другая? Все ломать из-за одной? Не-ет, брат...

И уже по этому первому практическому указанию я увидел, что старик не без оснований усвоил себе начальническую роль. Я так и не успел завести речь об оплате, как он одним кивком простился с нами и вышел, порядочно наследив на полу своими валенками в самодельных галошах из автомобильной камеры.

К раннему вечеру мы с майором разобрали печку, оставив нетронутой плиту и подвесив трубу указанным способом. Я лично опасался, как бы с этим подвешиванием не случилось беды, но майор справился с задачей так уверенно, как будто ему это было уже не впервые. Вообще он, как я увидел, был из тех хороших мужчин, чаще всего военных, что умеют все и ко всякому делу приступают безбоязненно, исходя из того общеизвестного положения, что не боги горшки обжигают.

Бруски, которые нам были нужны, он сделал из обрезка доски-шестидесятимиллиметровки, удачно расколов ее и выровняв топором, как фуганком. Печные дверцы, вьюшки, задвижки он с привычной сноровкой освободил из-под кирпичей и выпутал из концов проволоки, крепившей их в гнездах. Работать с ним было легко и приятно: он не угнетал неумелого и неловкого помощника своим превосходством, не раздражался и не подсмеивался, а лишь пошучивал изредка весело и необидно. Мы заготовили ящик для глины, глину, песок, чтобы все было под рукой, и, покамест умывались и переодевались, на примусе у меня закипел чайник.

— Чайку хорошо, — просто согласился майор, и мы с ним посидели в моей кухне-передней, где было почище, покурили, разговорились.

Майор посмотрел мои книги, перенесенные сюда, чтобы им не так пылиться, и, показав на растрепанный однотомник Некрасова, заметил, что его нужно переплести. И когда я сказал, что переплетчика здесь уж наверняка не найти, он вызвался переплести книгу и даже меня обучить этому делу. Конечно, без настоящего обреза под прессом не то, но все же книга будет сохранней. Книги он любил с той нежной уважительностью и бережливостью, какая бывает только у читателей из самых простых людей. Жалкую мою библиотеку он перебрал всю, разглядывая томик за томиком, задерживаясь больше на поэзии. Я сказал, что он, наверно, любитель стихов, а это не так часто встречается среди, так сказать, неспециалистов. Он улыбнулся застенчиво и в то же время с отвагой, подчеркнутой шутливой заносчивостью тона:

— Чего же вы хотите, сам пишу стихи. И даже печатаю. Да!

— Очень хорошо,— сказал я и, не зная, что еще сказать, спросил: — Простите, а вы под псевдонимом выступаете, наверно? Я вашей фамилии что-то не встречал в печати.

— Нет, печатаю под своей фамилией, только не так часто. И потом это окружная газета, ну еще и журнал «Советский воин», их тут вы не увидите.

С этими словами он как-то погрустнел, что заставило меня проявить больший интерес к его стихам. Я попросил его как-нибудь показать их мне. Он тотчас согласился и стал читать по памяти.

Здесь я хочу сделать оговорку, что не называю фамилии майора именно потому, что он печатается и, значит, кем-нибудь может быть установлено, что он и герой моего рассказа — одно лицо. А этого я решительно не хотел бы допустить, так как описываю его во всех натуральных подробностях. Я пробовал назвать его в рассказе вымышленным именем, но это как-то претило и не шло к нему, и я оставляю его просто майором.

Майор прочел несколько стихотворений, я их не помню; они были очень похожи на многое множество появляющихся в газетах и журналах стихов о целинных землях, солдатской славе, борьбе за мир, гидростройках, плотинах, девушках и маленьких детях — будущих сверстниках коммунизма — и, конечно, стихов о стихах. И они были не просто похожи невольной похожестью подражания, которого автор хотел бы избежать, но казалось, что его усилия как бы к тому только и были направлены, чтобы все у него было, как у людей, как полагается быть в стихах. Об этом я ему не мог сказать: уж очень он мне был по душе своей добротой, товарищеской участливостью, умелостью на все руки и не деланной, а подлинной скромностью. Я сказал что-то насчет какой-то неудачной рифмы, замечание было совсем пустяковым.

— Нет,— возразил он тихо,— рифма, что же... Рифма у меня есть...— И, поправляя стопку книг, выложенных на краю стола, повторил раздумчиво: — Рифма-то у меня есть...— В этом возражении была грустная недосказанность: он сам, может быть, что-то знал о своих стихах такое, чего я не коснулся и, как ему казалось, не понимаю. И вдруг он заговорил, точно оправдываясь и упреждая чью-то оценку и выводы относительно его стихов:

— Вы знаете, я не настолько глуп, чтобы считать это уже вполне чем-то таким заслуживающим... Но я не боюсь труда, я упрям, как бык, я могу не спать, не есть и не пить, если мне нужно чего добиться... Я начал писать на войне, то есть не когда был в роте, а когда бывал ранен: как ранение, так и новая тетрадка стихов; как ранение, так и творческий отпуск.— Он засмеялся сам своей шутке и продолжал: — А мне везло: меня ранило четыре раза и все не то чтобы легко, но и не так тяжело, как раз в меру — месяца на полтора в тыл. Попишешь, почитаешь вволю — и опять на фронт. Так и везло. Ну и теперь у меня должность такая, что выходной день у меня всегда мой. А вечер, а ночь? Тоже мои. И откровенно сказать, я без этого не могу, я за что взялся, должен постигнуть. Я не отступлюсь, покамест не постигну. Вроде этой печки, знаете. Вы думаете, я когда-нибудь учился на печника, курсы проходил? Но мне нужно было сложить печку,— нанимать некого, да и нанимать мне, сказать откровенно, не по карману: семейка, слава богу, сам-семь. Так я что сделал? Я дважды складывал ее: первый раз сложил начерно, протопил, сообразил, в чем секрет, а потом разобрал, как вот мы с вами эту.— правда, та еще и не просохла,— и уже набело вывел. Топится. Может, Егор Яковлевич найдет что-нибудь, но топится, работает.— И он опять засмеялся, но как-то надвое: тут была и некоторая похвальба своей удалью, но и готовность признать, что все это только забавно.

В разговоре выяснилось, что были мы одно время на соседних фронтах, и этот весьма условный признак соседства в прошлом еще больше сблизил нас, вроде того, как сближает людей столь же условный признак отдаленного землячества. Я вышел проводить его немного, потом долго еще не мог уснуть в своей холодной и пыльной комнате с разобранной печкой. Мне приходило на мысль, что этот милый майор, занятый службой и обремененный семьей, пожалуй, не должен бы изнурять себя еще и стихами. Мне было ясно, что стихи эти не были, в сущности, выражением глубокой внутренней необходимости высказывания именно в этом роде речи. О войне он писал так, что для этого вовсе не нужно было провести четыре года на фронте и быть четырежды раненным. В стихах о некоем социалистическом ребенке полностью отсутствовал автор — отец пятерых детей; из стихов об освоении целины только и запомнилось мне, что «целина — потрясена»; наконец, и в стихах о стихах было только повторение той истины, что стихи нужны в бою и в труде.

Может быть, он и писал все это только потому, что знал за собой способность освоить всякое новое дело не только без специальной подготовки, но и без особого к тому влечения души. Но нет, скорее всего позыв к авторству развился у него уже очень сильно; можно было не сомневаться, что на этом пути его ждет еще немало разочарований и горечи.

Проснулся я от стука в окно над моей головой, стучали палкой — негромко, но требовательно. Это был Егор Яковлевич, хотя еще стояла настоящая темень. Я включил свет и открыл ему. Он был в той же куртке с воротником и с той же палочкой-указкой. Никакого инструмента и спецодежды с ним не было. Покамест я одевался и прибирался, он курил, кашлял, прочищал нос и плевался, разглядывая все, что было приготовлено для работы.

— Так, значит. Отдыхаем! Так,— говорил он в перерывах кашля и сморкания.

Было очевидно, что он очень доволен, застав меня в постели и придя раньше майора, за которым я уже хотел отправиться. Но майор опоздал против старика не более, как минут на десять.

— Выходной же,— с улыбкой оправдывался он, развертывая свой сверток с рабочим костюмом.

— У кого выходной, а у нас с вами рабочий день,— холодно отозвался старик, назвав майора на этот раз на «вы», покамест он был еще в кителе с погонами. Но, может быть, эти слова относились и ко мне заодно с майором.— А вот что глину не замочили с вечера — это напрасно: больше месить придется. Ну и теплой водички не мешало бы. Не из нежности рук, а чтобы раствор был вязче.— Раствор — так он и называл все время глину, размешанную с песком, приравнивая ее к цементу. Кряхтя, он присел на корточках перед фундаментом разрушенной печи, прикинул своей палочкой и сказал: — Четыре на четыре, больше не надо.

— Егор Яковлевич,— майор протягивал ему свой складной метр.

Старик взмахнул палочкой:

— У меня вот тут все меры, какие нам нужно. А не веришь, можешь перемерить.

Но перемеривать не стали. Речь шла просто о том, что основание печи будет четыре на четыре кирпича. Егор Яковлевич переложил трость в левую руку, а правой быстро — один за одним — выложил кирпичи насухую, без глины, по намеченному квадрату, встал и показал на них палочкой:

— Вот так будешь вести.— Потом взял из ящика комок замешанной нами с майором глины, размял в руке, поморщился и бросил обратно.— Надо еще чуть песочку. Куда, куда столько! Сказано: чуть. Вот и довольно. Размешай хорошенько.

Мы приступили к работе, и с самого начала для каждого определилось его место. Я замешивал глину, подносил и подавал кирпичи, майор вел кладку, а Егор Яковлевич — я не могу подыскать более точных слов — возглавлял все дело и руководил им, по-прежнему действуя палочкой, как указкой, присаживаясь, вставая, покуривая и покашливая. Порой он как бы и отвлекался от печки, высказываясь подробно и назидательно о пользе раннего вставания, о необходимости строжайшего воздержания от вина перед работой, о своем кашле, который у него особенно зол бывает с ночи, о качествах кирпича различного обжига и многих других материях. Но я видел, что за работой он при этом следит так, что ни один кирпич не лег на место без его зоркого, контролирующего глаза, а порой и палочки, как бы невзначай легонько стукнувшей по нему. Егор Яковлевич был в

своей теплой куртке, а мы с майором одеты по-рабочему, в одних старгреньких гимнастерках, уже разогрелись и вытирали лбы и носы об рукав у предплечья: руки у нас были перемазаны; Егор Яковлевич видел это и не преминул использовать для профессионального назидания.

— Вздохни, друг, закури.— Он с коварным радушием протянул майору свою пачку «Севера». Тот выпрямился и беспомощно развесил обе руки. — Ага! Нечем взять? Должен руки сперва помыть? Так? А это значит, что ты еще не печник, а верно, что глинотоп.— Он сунул майору в рот папироску, дал прикурить и продолжал: — Зачем у меня должны быть обе руки в растворе? Нет, только одна, правая, а левая у меня должна быть в сухé. Смотри.— Он отстранил палочкой майора, положил ее в сторону и, только слегка движением рук вверх осадив рукава куртки, взял левой рукой очередной кирпич, а правую обмакнул в ведерко с водой и захватил ею небольшой шлепок глины.— Вот! Левой кладу, правой подмазываю и зачищаю. Понял? — Он быстро положил ряд кирпичей и хотя немного запыхался, но очевидно было, что на это дело он затрачивает гораздо меньше усилий, чем майор.— Левая всегда в сухé! И тут не только то, что я свободно могу закурить, и утереться, и нос оправить, но и в работе больше чистоты. Нужен тебе, например, гвоздь — берешь гвоздь, очки или что другое; ну, расстегнуть что-нибудь, застегнуть — пожалуйста.— Он показал, как он может все это сделать левой рукой.— А ты стой, как чучело в огороде.

Мастер наконец улыбнулся, очень довольный своим уроком и потому позволяя свои последние слова считать шуткой. Я очень был рад за майора: он не только не обиделся, но с восхищенной улыбкой следил за ходом изложения и показа, заслоняя рот рукой издали, чтобы не замазаться.

Он попробовал было действовать, как Егор Яковлевич, но вскоре же ему почему-то понадобилось переложить кирпич из левой руки в правую, и он сдался.

— Нет, Егор Яковлевич, разрешите уж мне так, как могу.

— Давай, давай,— согласился старик,— это не вдруг. А другой и мастер ничего вроде, а всю жизнь так вот, не хуже тебя...

Я уверен, что он был бы огорчен и недоволен, если бы майору удалось сразу же перенять его стиль. Пожалуй, что и майор понимал это и не стал состязаться. Затем Егор Яковлевич, видимо, разохотившись учить уму-разуму, поставил два кирпича на ребро, плотно один к одному, и, занеся над ними руку, как бы собираясь их взять, предложил:

— Вот так, подними одной рукой.

Но майор рассмеялся и погрозил Егору Яковлевичу пальцем.

— Нет уж, это фокус старый, это я могу.

— Можешь? Ну, то-то же! А другой бьется-бьется — не может. Случалось, на пол-литра об заклад бились.

Фокус был в том, как мне показали, что нужно было незаметно пропустить между кирпичами указательный палец, и тогда оба кирпича можно было легко поднять разом и переставить с места на место.

Упоминание о поллитровке заставило меня подумать об организации завтрака, тем более что уже совсем рассвело — было около девяти часов. Я сказал, что мне нужно ненадолго отлучиться, и отправился на станцию, где закупил в ларьке хлеба, колбасы, консервов и водки. На обратном пути я зашел еще к Ивановне и получил от нее целую миску соленых огурцов,— от них на свежем воздухе шел резкий и вкусный запах чеснока и укропа. Я был рад пройтись, распрямиться: у меня уже болела спина от работы, и я предполагал, что и майор отдохнет в мое отсутствие. Но когда возвратился, я увидел, что работа шла без передышки, кладка уже выросла в уровень с плитой, уже были ввязаны дверцы, и Егор Яковлевич был без куртки, в вязаной фуфайке — выкладывал первый полукруг сводов, а майор был вместо меня на подаче. Они работали быстро и ладно, майор едва поспевал за стариком, и притом они спорили.

— Талант должен быть у человека один,— говорил Егор Яковлевич, управляясь с делом так, что левая рука у него была «в сухé».

Туловище его, обтянутое фуфайкой, казалось чуть ли не тщедушным при крупных и длинных, с тяжелыми кистями руках, похожих на рачьи клешни; спор у них, должно быть, зашел с того, о чем речь была еще при мне,— с мастерства и стиля в работе, но он уже выходил далеко за первоначальные рамки.

— Талант должен быть один. А на что нет таланта, за то не берись. Не порти. Вот что я всегда говорю, и ты это положи себе на память.

— Но почему же один? — возражал майор спокойно и с некоторым превосходством.— А Ренессанс — эпоха Возрождения? Леонардо да Винчи?

Егор Яковлевич, очевидно, слышал эти слова впервые в жизни и сердился, что не знает их, но уступить не хотел.

— Этого мы с тобой не знаем, это нам неизвестно, что там когда было.

— Как так неизвестно, Егор Яковлевич? — изумился майор, оглядываясь на меня.— Всем известно, что Леонардо да Винчи был художником, скульптором, изобретателем и писателем. Вот спросите.

Я вынужден был подтвердить, что действительно так оно и было.

— Ну, было, было,— озлился припертый к стене старик,— но было когда? До царя Гороха... Когда всяк сам себе и жнец, и швец, и в дуду игрец.

— Это вы уже в мой огород?

— Нет, я вообще. Другое развитие развивается, другая техника — все, брат, другое.

Я прямо-таки подивился историчности взглядов Егора Яковлевича и, высказав это вслух, прервал спор приглашением закусить.

За столом Егор Яковлевич наотрез отказался выпить.

— Это потом, когда затопим... Ты выпей,— обратился он к майору,— тебе ничего.

— Ну, а вы, может, все-таки?..

— А я все-таки не могу: на работе. За меня думать некому.

Майор не настаивал и не обиделся:

— Ну, так я и выпью стопочку. Ваше здоровье!

Мы выпили с майором. Разговор у нас с ним завязался опять о литературе. Коснулись Маяковского, о котором майор говорил с обожанием, то и дело вычитывая из него стихи наизусть с таким увлечением, что даже забывал заслонять рукой свою улыбку. А я думал о том, почему он, при такой любви к Маяковскому, сам пишет совсем по-другому — ровненько, опрятно, подражая всем на свете, но только не своему кумиру. Но я не спросил его об этом, а сказал только, что ознакомление школьников с поэзией Маяковского часто наталкивает на такие слова и обороты, которые идут вразрез с законами изучаемой ими родной речи. Майор возражал горячо и почти уже раздраженно, называя меня, хоть и в шутку, консерватором и догматиком.

Егор Яковлезич вяло ел, прихлебывал чай, курил и молчал отчужденно и горделиво, пережидая нашу беседу. Если я этого ничего не слыхал и не знаю, как бы говорил он всем своим видом, сопением и кряхтением, так только потому, что все это мне без надобности, и неинтересно, и наверняка пустяки какие-нибудь. Но когда мы упомянули Пушкина, он сказал:

— Пушкин — великий русский поэт.— И сказал так, как будто это он один только знает, дошел до этого своим умом и говорит первым на всем белом свете.— Великий поэт! Эх! — Он прищурился и тоже прочел с подчеркнутым выражением умиления и растроганности:

Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?

— Это же Лермонтов,— засмеялся майор, но старик только покосился в его сторону и продолжал:

Ведь были схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!

— Это же Лермонтова «Бородино»,— с веселым возмущением перебивал его майор и толкал меня локтем.

...Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

Последнее слово Егор Яковлевич произнес громко, раздельно и даже ткнул пальцем в сторону майора: я же, мол, про то самое и говорю. И решительно не давал перебить себя:

— Эх! А «Полтавский бой»: «Горит восток зарею новой...»

— Вот это Пушкин, верно,— не унимался майор.— Только это поэма целая — «Полтава». А так это Пушкин.

— А я говорю, что не Пушкин? Кто же еще так мог написать? Может, Маяковский твой? Нет, брат.

— Маяковского тоже нет в живых. Что бы он еще написал, неизвестно.

— Хе! — Старик с величайшим недоверием махнул своей тяжелой рукой. — Хе!..

— Ну и корень вы, Егор Яковлевич! — Майор озабоченно покачал головой и сдвинул морщины на лбу под самые корни густого черного бобрика.— Ох, корень!

Старику, видимо, было даже приятно слышать, что он корень, но он тотчас дал понять, что и это ему не в новинку.

— Слава богу, восьмой десяток распечатал. Поживите с мое, тогда будете говорить.— Это уже относилось не к одному майору, но и ко мне и ко всему нашему поколению.

Но майор и на этот раз не отказал себе хоть в малом торжестве своего превосходства:

— Корень, корень! А «Бородино»-то все-таки написал Лермонтов.

Егор Яковлевич ничего не сказал и, поблагодарив, встал из-за стола, заметно подавленный. Я думаю, что он сам смекнул свой промах с «Бородином», но признать это было для него — нож острый, как и то, что он не слыхал про Леонардо да Винчи. Мне было его жаль, как всегда жаль старого человека, если он вынужден терпеть поражение от тех, у кого преимущества молодости, знания и памяти.

После завтрака работа пошла еще веселей; печники оба стали на кладку: Егор Яковлевич — со стороны кухни, майор — со стороны комнаты, а я — на свое место. Но работа шла молча, если не считать односложных замечаний, относящихся только к делу. Может быть, это было следствием их недавних разногласий, в которых верх явно был за майором, но, может быть, сама кладка печи все более усложнялась: пошли разные «обороты», душники, вьюшки, подключение плиты к общему дымоходу...— и это требовало особой сосредоточенности.

Я не пытался вывести мастеров из этого молчания, потому что мне теперь на подаче для двоих было впору только поворачиваться. А когда они делали перекур, я спешил заготовить, пододвинуть все, чтс нужно, так, чтобы легче управляться. Корпус новой печи уже поднимался к дыре в потолке, над которой была подвешена старая труба, и он, будучи меньше в объеме, чем прежний, выглядел как-то непривычно и даже щеголевато. Обогревательные стенки печи и зеркало были выложены в четверть кирпича, то есть в один кирпич, поставленный на ребро. Когда Егор Яковлевич начал делать из кирпичей выпуск под потолком, наподобие карниза, печь стала еще красивее, я уже мысленно видел ее побеленной: она будет прямо-таки украшением комнаты, когда все приберется и с приездом Лели переставится по-новому. Только бы она топилась как следует.

Для работы вверху нужно было подмоститься, пошли в ход мои табуретки, а затем и стол, который мы кое-как накрыли газетами. Теперь там, вверху, работал уже один Егор Яковлевич, и он был королем положения.

Когда ему понадобилось для карниза несколько кирпичей с выколотой четвертью, то есть с ровно выбитым углом, он велел это сделать майору. Майор испортил одну, другую кирпичину, за третью взялся, уже покраснев и надувшись, но и ту развалил на три части. Я ожидал нетерпения и язвительных замечаний со стороны Егора Яковлевича, но он, казалось, отнесся даже сочувственно к неудачам ассистента:

— Кирпич дерьмовый. Разве это кирпич?.. Дай-ка сюда...

Он ловко подхватил кирпич левой рукой,

которая до сих пор у него так и была «в сухе», подбросил его, укладывая на ладони, и, легонько, точно яйцом об яйцо, тюкнув по нему молотком, выколол то, что надо. Так же у него получилось и с другим, и с третьим, и со всеми кирпичами, только иные он обкалывал не с одного, а с двух и больше осторожных ударов.

— Да-а! — сказал майор.— Вот это да! Ну, черт!

Но старый мастер желал еще быть и великодушным. Он отнес завидную лихость своих ударов за счет неодинакового качества кирпичей.

— Попадается, что и ничего.— Однако не удержался от хитрой улыбки.— И гляди, подряд сколько попалось...

Мы с майором расхохотались, посмеялся и сам Егор Яковлевич, и я увидел, что он был с лихвой удовлетворен за свое поражение в другой области. Мы вдвоем обслуживали его и просто любовались, как он, кирпич в кирпич, подводил кладку под края старой трубы, как потом были выбиты из-под ее плечиков бруски — и ничего ужасного не произошло, и все было, как по шнуру, хотя Егор Яковлевич ни разу и за правило не взялся.

Сумерки уже притемнили комнату, когда Егор Яковлевич, кряхтя, слез со своих подмостков и наступил торжественный момент опробования новой печи. Я хотел было включить свет, но Егор Яковлевич запротестовал:

— Ни к чему, огня не увидим, что ли...

Он опустился перед печью, но не на корточки, а на колени и сел на задники своих огромных валенок, как сидят обыкновенно мужики в санях, возле костра или вокруг общего котла на земле. Выложив на сырой еще решетке щепочки и легкие чурочки, он вытер спичку, но не поднес тотчас к подтопе, а зажег клок газеты и сунул его в маленькую дверцу поддувала внизу и только потом сгоревшую до самых его ногтей и загнувшуюся крючком спичку ткнул под мелкие курчавые стружки. Газета быстро сгорела в поддувале, а в печи костерок разгорался медленно, слабо — я боялся дышать, глядя на него,— но разгорался. В полном молчании мы все трое смотрели на него. Вот он пошел и пошел веселей, охватывая уже и щепочки покрупней,— да, но поначалу это было так у меня и в старой печке, а вот что дальше будет? Егор Яковлевич подкладывал дровишки, располагая их по методу Ивановны, огонь цеплялся за них все увереннней и живей, и — дальше больше — печь запылала ярко и весело, и это было особенно красиво и приятно в сумерках, заполнявших комнату. Егор Яковлевич тяжело поднялся с колен.

— Ну, с новой печкой вас,— сказал он и стал в рабочем ведре мыть руки.

Так вот почему он не дал мне включить свет: так огонь в печи был виднее, красивее. Егор Яковлевич был поэт своего дела.

Когда мы с майором умылись и переоделись, я не без тревоги приступил наконец к вопросу о том, какую оплату Егор Яковлевич желал бы получить. «Моя оплата известная» — помнил я его слова и был готов на все, но меня тревожило то, что я не знал, хватит ли у меня наличных денег для расчета на месте. Печка горела отлично, уже были сунуты крупные дрова, и они занялись, и все было так хорошо, что я забыл выбежать и посмотреть, идет ли дым из трубы: идет, раз печка не дымит.

— Ну, что об этом толковать,— как-то отмахнулся Егор Яковлевич от вопроса,— что об этом толковать...

— Нет, а все же, Егор Яковлевич, я вас очень прошу сказать: сколько вы должны получить?

— Ну, сколько ему, столько и мне,— опять же не то всерьез, не то так просто сказал он, показывая на майора.— Вместе работали. Да и вас еще надо в долю: помогали.

— Егор Яковлевич,— вмешался майор,— тут у нас другие совсем отношения, другие счеты, мне ничего не полагается. Я сказал наперед, что я ничего не возьму, поскольку неспециалист...

— А я ничего не возьму, поскольку специалист. Понятно? Есть о чем толковать! Давайтека лучше по случаю запуска печи... Теперь уж и я не откажусь...

Я попытался соврать, что, мол, оплата эта, в сущности, для меня ничуть не обременительна, что большую часть суммы заплатит школа, но тут Егор Яковлевич прервал меня строго и обидчиво:

— Вот это вы уже совсем зря говорите, чтобы я еще со своей школы деньги взял... Не настолько я бедный, слава богу, и этого никогда не позволю...

Может быть, эта обидчивость у него явилась из досады, что майор и в этом вопросе упредил его, отказавшись от денег заранее, но, так или иначе, разговор этот мне пришлось прекратить.

— Ну, ладно. Хороший ты человек, Егор Яковлевич, не говоря уже, что мастер. Давай выпьем с тобой, будь здоров!

— Будьте здоровы! — Они чокнулись, точно между ними и впрямь что-то было, и наступило примирение и взаимная радость.

Потом постучалась Ивановна: она усмотрела дым из моей трубы,— следом приволокся и сам Матвеев; они тоже выпили с нами, хвалили печку и хвалили в глаза Егора Яковлевича. Он выпил три стопки, раскраснелся, расхвастался, что он клал, бывало, и может сложить не только простую русскую печку или голландку, но и шведскую и круглую — «бурак», и камин, и печку с паровым отоплением, и что никто другой так, как он, не

сделает, потому что у него талант, а талант — дело не частое. Пожалуй, он маленько стал нехорош, громок, но когда я хотел налить ему еще, он решительно накрыл рукой стопку:

— Норма! — И стал прощаться.

Я вызвался было проводить его — не только из-за его заметного охмеления, но и надеясь все же сговориться с ним по дороге о какой ни есть оплате. Но он церемонно поблагодарил за угощение, нашел свою палочку и раскланялся.

— Провожать меня? Я не девка...

— Корень все-таки! — сказал вслед ему майор.

И мы еще посидели, поговорили. Ивановна принесла новых дров для завтрашней топки и стала прибирать в комнате. Печка подсохла, даже немного обогрела комнату, и на душе у меня было так хорошо, как будто во всей дальнейшей жизни мне уже не предстояло никаких неприятностей и затруднений.

Майор все это слышал и, когда мы сели за стол, уставился на Егора Яковлевича каким-то странным — веселым и вместе смущенным — взглядом, посмотрел, посмотрел и вдруг спросил:

— Егор Яковлевич, ты на меня не сердит за что-нибудь? — Вопрос был необычным уже по одному тому, что майор обратился к старику на «ты».— Ну, может быть, я как-нибудь обидел тебя или что?

— Нет, почему же так? — удивился тот и, точно впервые видя его, в свою очередь, осмотрел майора в его кителе с погонами и трехэтажной колодкой орденов и медалей.

— Чем вы меня могли обидеть? Работали вместе, все хорошо, ссориться нам с вами незачем вроде...

Теперь Егор Яковлевич говорил майору «вы»,— по-видимому, он считал, что тот уже не находится под его началом, как это было во время работы.

„С художника спросится"

Р. Н. СИМОНОВ,

народный артист СССР

13 февраля исполняется 75 лет со дня рождения Евгения Багратионовича Вахтангова — выдающегося режиссера и актера.

Вахтангов был актером МХТ, учеником К. С. Станиславского, актером и режиссером Первой студии МХТ.

Спектакль Г. Бергера «Потоп» — одна из его первых режиссерских работ,— по воспоминаниям Н. К. Крупской, понравился В. И. Ленину.

Вахтангов был в числе режиссеров, убежденно ставших на сторону революционного народа.

Он руководил театральной студией, из которой в 1920 году образовалась Третья студия МХТ, переименованная в 1926 году в Государственный театр имени Евг. Вахтангова.

Умер Вахтангов в 1922 году.

Мы публикуем отрывок из находящейся в печати книги одного из учеников Вахтангова, главного режиссера театра, носящего его имя, Рубена Николаевича Симонова, «Вахтангов и современный театр».

...Одним из первых театральных режиссеров, наиболее глубоко воспринявших революцию, был Евгений Багратионович Вахтангов.

В первые годы революции, сложные для каждого художника, честно работавшего в этот ответственный период в советском театре, когда столкновение старого с новым, борьба направлений были особенно острыми, Вахтангов полон горячей, темпераментной борьбы за новое, социалистическое искусство. Сейчас, оглядываясь назад и мысленно возвращаясь к тому замечательному времени, я убеждаюсь, что самые горячие и действенные поиски нового происходили в среде театральных студий, где работал Вахтангов. Поэтому туда так устремлялась молодежь.

Вспоминается романтическая пора нашей молодости — двадцать первый год. Несмотря на голод и разруху, работали, кипели. Мы репетировали, выступали на исполнительских вечерах для публики.

Часто после репетиции в театре Габима, где Вахтангов ставил замечательный спектакль «Гадибук», Евгений Багратионович приезжал в «Мансуровскую студию» — так называлась студия по переулку на Остоженке. В час или два ночи Вахтангов начинал репетицию или беседу с нами. Он был уже болен, уставал. Посидев и поговорив, отпускал нас. Многие возвращались домой через всю Москву по опустевшим ночным улицам голодные, но счастливые сознанием того, что театр строится, театр будет, Вахтангов приведет нас к желанной цели.

Эти беседы Евгения Багратионовича были не менее интересны, чем репетиции. В них Вахтангов касался самых различных вопросов жизни и искусства. Но основное, что пронизывало все темы,— это наша современность, что пришло в театр вместе с революцией, каким должен быть театр, ставящий перед собой высокую цель служения народу.

...Вахтангов никогда не вставал на позиции узкопрофессионального служения искусству. Театр был для него делом жизни. Он стремился через театр служить обществу, человеку. Одна из болезней современного актерства — это «профессионализм», заслоняющий то, «ради чего» мы создаем наши образы. Тех из учеников, кто не думал об этом, а шел на сцену, ставя перед собой узкопрофессиональные задачи, Вахтангов уничтожающе критиковал.

Высокая цель рождает особую атмосферу в театре. Так было и в нашей студии.

Мне хочется рассказать о последней репетиции Вахтангова в студии уже на Арбате, 26, когда мы ставили «Принцессу Турандот».

Евгений Багратионович, мучаясь от боли, полулежит в зрительном зале в шестом ряду. В каждом случае, когда надо что-нибудь показать актеру или выправить мизансцену, он с невероятной легкостью, забывая свою болезнь, проходит через зрительный зал, вбегает по ступенькам на сцену и, сделав замечания, возвращается обратно.

Под утро начинается черновая генеральная репетиция. Мы проигрываем весь спектакль. Когда он заканчивается, Евгения Багратионовича на извозчике увозят домой. Больше в театре Вахтангов уже не появлялся. Эта последняя репетиция в театре состоялась в ночь с 23 на 24 февраля 1922 года.

Прикованный к постели, Евгений Багратионович продолжает руководить работой: его ежедневно посещают режиссеры спектакля, наши студийцы Ю. Завадский, Б. Захава, К. Котлубай, получая от него указания и замечания по выпуску спектакля. Он вызывает актеров Б. Щукина, И. Кудрявцева, Р. Симонова и ищет вместе с ними смешной, остроумный текст для масок Тартальи, Панталоне, Труффальдино. С огромным волнением ожидает Вахтангов дня показа «Турандот» своим учителям Станиславскому и Немировичу-Данченко и товарищам по Художественному театру и Первой студии.

Наконец этот день наступает. У нас, актеров, вышедших на сцену, помимо сценического общения с партнером и непосредственно со зрителем, было еще общение с отсутствовавшим в театре, лежавшим в своей квартире в Денежном переулке Вахтанговым.

...Весело и торжественно зазвучал марш «Турандот». Первыми появляются маски. Они звонким голосом оповещают зрителей: «Представление сказки Карло Гоцци «Принцесса Турандот» начинается».

В первом антракте Константин Сергеевич Станиславский едет на квартиру к Вахтангову, чтобы поздравить его с небывалым успехом...

После беседы с Вахтанговым взволнованный Станиславский возвращается в театр. Спектакль продолжается...

С каждым актом нарастает успех спектакля.

...«Дорогой, дорогой Евгений Багратионович! Странно себя я сейчас чувствую. В душе разбужен Вами такой безоблачный, легкокрылый, певучий праздник... и рядом с этим я узнал, что Вы больны. Выздоравливайте, милый, талантливый, богатый... Ваше дарование так разнообразно, так поэтично, глубоко, что нельзя не любить Вас, не гордиться Вами. Все Ваши спектакли, которые я видел, многообещающие и волнующие. Выздоравливайте! Крепко жму руку. Поздравляю с успехом. Жду от Вас большого, исключительного.

А. Луначарский. 1922 г.».

«Я в России. Я в Москве. Я в Камергерском. Я на «Турандот»,— писал В. И. Качалов в 1922 году после возвращения из-за границы.— Я в русском искусстве, я в великом, настоящем искусстве. Какое счастье — приобщиться, почувствовать связь с этим искусством, почувствовать, как в твои запыленные легкие вливаются струи чистого, свежего, весеннего искусства. Мою радость, гордость, умиление, мою веру, мою благодарность, мое преклонение примите вы, чудесная молодежь «Турандот». Какой вы замечательный режиссер!

Всей моей душой верю, что никакие опасности не грозят русскому театру, когда его держат такие чистые и крепкие руки. Верю, что этот «кубок пенный» вы не расплещете...»

Станиславский в телефонограмме, переданной в тот вечер из театра на квартиру, где лежал прикованный к постели Вахтангов, просит его жену Надежду Михайловну передать Евгению Багратионовичу:

«У телефона стоят старики Художественного театра и просят передать, что все восхищены, взволнованы. Этот спектакль — праздник для всего Художественного театра. Ради искусства мы требуем, чтобы он себя берег. В жизни МХТ таких побед наперечет. Я горжусь таким учеником, если он мой ученик. Скажите ему, чтобы он завернулся в одеяло, как в тогу, и заснул сном победителя».

Спектакль выдержал 1 035 представлений, он прошел на многих сценах Советского Союза, представлял советское театральное искусство и за рубежом.

...Вахтангов учил нас слушать современность, чем живет народ, чего ждет народ от нас в искусстве. Для того периода — 1921—1922 годов — он разгадал современность как утверждение жизни, молодости, радости, веры в будущее молодой республики...

Я вспоминаю заглавие замечательной статьи Вахтангова «С художника спросится». Это заглавие является вечным напоминанием каждому из нас о нашей ответственности перед народом. Ответственности идейной, политической, художественной, этической. Вне такого положения и отношения к искусству не мыслил Вахтангов создание своего театра.

Пусть же всегда живут в сердцах и горячо звучат в нас слова: «С художника спросится».

Пусть же, передавая новому молодому поколению эстафету вахтанговского служения театру, мы вместе с нашими знаниями произнесем, в назидание молодежи, слова учителя: «С художника спросится».

Пусть же, когда нас покидает чувство современности, ради чего мы отдаем свои жизни театру, встают перед нашим мысленным взором слова: «С художника спросится».

Пусть же, когда, отвлекаясь на мелочи, на неглубокую, легкую жизнь в искусстве, мы перестаем служить народу, предостерегающе прозвучат для нас слова: «С художника спросится»!

С. В. Герасимов. ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Нассир Шаура. ДОЛИНА БАРОДА.

Выставка сирийского искусства в Москве.

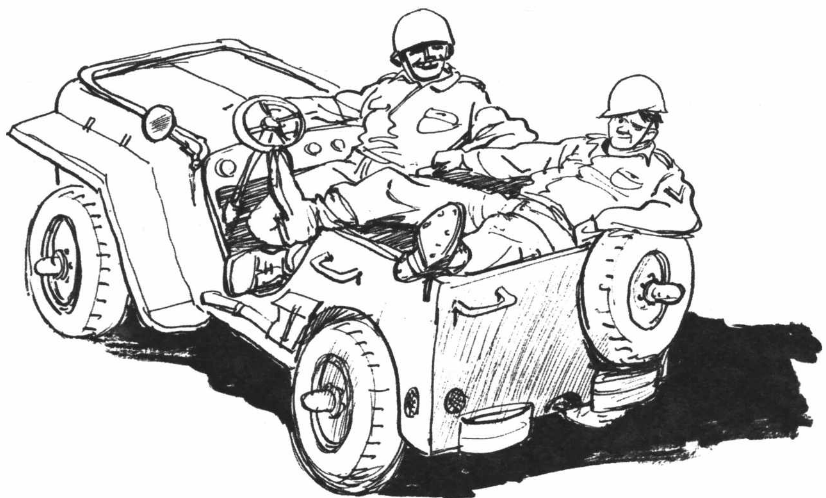
Назем Джа'фари. ОСЕНЬ.

Выставка сирийского искусства в Москве.

С. М. Акылбеков. НА ПОЛЯХ КИРГИЗИИ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

Мой напарник Берт

Рассказ

Гарри БОРН

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Сущую правду вы говорите: иной раз не знаешь, чего можно ожидать от человека. Возьмите хоть моего напарника Берта. Ничто его не волнует. Пропади все пропадом, лишь бы ему спокойно жилось. Как-то раз его обозвали сонным быком, и очень метко, скажу я вам. Он и впрямь похож на быка — такой же неповоротливый и грузный. И всегда кажется, будто он спит на ходу. Ума не приложу, как он попал в полуфинал на состязании флотских команд по боксу.

Но стоит заговорить с ним о футболе, мигом оживляется. Парень души не чает в своей команде. Для него нет ничего на свете дороже этих «роверсов». По понедельникам мне от него житья нет. Все уши прожужжит. То вратарь сплоховал, то судья ничего не смыслит в правилах. И пойдет и пойдет... А стоит завести речь о другом, он и рта не раскроет.

И вдруг такой случай. Прошлый вторник часов в десять вызывает меня Джонси, наш контролер, и говорит, да как-то уж очень приветливо, а сам не смотрит на меня:

— Срочное дело в Оксли, Джо. Кабель там поврежден. Вот тебе пропуск. Возьми с собой Берта.

Сказал он это и начал бумажки на столе с места на место перекладывать. Потом видит, что я все смотрю на него, и спрашивает:

— Ну, чего тебе еще?

— Не нукай, — говорю, — а скажи лучше, почему это именно я должен ехать туда.

Дело в том, что в Оксли за Лондонской окружной дорогой у янки большой лагерь. Не любят наши ребята туда ездить. И не только потому, что там янки. Хотя иной раз диву даешься, до чего их невзлюбили у нас. На мой взгляд, это не совсем верно. Всякий народ по-своему хорош; правда, у этих янки уж очень много странностей. Когда работаешь на них, чувствуешь, словно ты не у себя дома.

И потом они просто помешаны на телефонах. Всюду у них телефоны понаставлены, сотни телефонов. Даю слово, что в том лагере у них не меньше трех телефонов в каждой комнате. Дальше ехать некуда. Двух шагов не сделают, а чуть что — хватаются за телефонную трубку. И вот вам — сотни миль кабеля и проводов, головоломные соединения и десятки повреждений в день. Дело вовсе не в том, что ребята боятся трудной работы. Многие повреждения янки сами исправляют. Но ведь они вечно спешат, всегда им нужно срочно, немедленно, сию минуту, хоть разорвись, — не могут ждать.

И вот только у них там стрясется что-нибудь посерьезней, мигом вылетает наша аварийка с двумя монтерами, которым осточертели эти вызовы.

Вот так и мы с Бертом попали в лагерь к янки. Все шло у нас гладко, и через час я посылаю его к лагерной столовой проверить дальний конец кабеля, а сам продолжаю возиться у машины. Через десять минут кончил я, а Берта нет. Жду еще пять минут, думаю, забежал в столовку выпить кофе (что-что, а кофе варить янки мастера), все нет его. Я и пошел взглянуть, что с ним.

В столовой Берта тоже не видно, только двое солдат из военной полиции точат лясы, развалившись в «виллисе». И каких только рож не встретишь у этих янки! Правда, и наши далеко не все красавцы, но ведь многие девицы насмотрятся фильмов и думают, что всякий американский летчик — вылитый Грегори Пек. Не верьте этому. Повидали бы вы их столько, сколько я на своем веку, диву бы дались, как медицинская комиссия иной раз пропускает их! Эти двое солдат были здоровенные парни, откормленные, как боровы. Подхожу я к ним, а они перестали скалить зубы и как-то странно смотрят на меня.

— Не видали моего напарника, ребята? — спрашиваю.

Они переглянулись, и один, который поздоровее, говорит:

— Видали.

— Где же он?

Они опять переглянулись, и верзила цедит сквозь зубы:

— В коробку попал.

— Куда?

— В коробку, ну, в кутузку, в тюрьму, значит.— И, ухмыляясь, снова глядит на своего приятеля.

А я никак в толк не возьму, уставился на них и слова не могу вымолвить. Наконец спрашиваю:

— За что же это?

Они опять скалят зубы, и верзила, не переставая жевать свою жвачку, отвечает:

— За то, что пропуска у него не было.

Тут мне начало казаться, что не в лагере я, а сижу в кино и смотрю фильм про гангстеров. Но вот в голове моей стало проясняться. Ну, ну, дружище Джо, говорю я себе, без паники. Возьми себя в руки. Пораскинь умом. Не зря же тебе в войну три нашивки дали. Вижу, что эти торгаши — настоящие дубины и ничего путного от них не добьешься. Я назад, к машине, и в два счета — в другом конце лагеря, у тюрьмы. И те два типа — туда же на своем «виллисе». Я на них никакого внимания — и к охраннику.

— Где тут мой напарник? — спрашиваю, а сам прямо в дверь и вижу: мой Берт за решеткой сидит.

А случилось вот что. Возится он с кабелем, а те два долговязых подходят к нему и спрашивают:

— Покажи пропуск...

— Я уже показывал у ворот.

— Тебя спрашивают, где твой пропуск?

— Да говорю я вам, у ворот проверяли его, он у меня в куртке в машине остался.

— Какая там еще машина! Покажи пропуск!

Берт поворачивается к ним спиной и снова принимается за работу, как вдруг чувствует, что в затылок ему уперлось холодное железо и его толкают к «виллису» дулом автомата. Хотел он было звать меня на помощь, да язык у него прилип к гортани — слова не может вымолвить. И не от страха вовсе. Берт не из пугливых. Просто опешил. Не мог никак в толк взять, что за история приключилась с ним, как это у них наглости хватило так обойтись с ним, Альбертом Джеффрисом, тридцати восьми лет от роду, уроженцем здешних мест, отцом двух детей, прослужившим пять лет во флоте в Северной Атлантике и Средиземном море. Не успел он опомниться, как очутился за решеткой...

Тогда я иду к этим солдатам, развалившимся в своем «виллисе», да как скомандую:

— Освободить этого парня, живо!

А они оглядели меня с головы до ног и с места не двинулись, сидят, задравши ноги, как водится у этих янки, и верзила говорит:

— Этот парень будет сидеть, пока не покажет пропуска.

Правда, за пропуском ходить не далеко было — тут же он лежал в машине, в куртке Берта, да уж очень я разозлился. «Ну ладно же,— думаю,— не сдобровать вам, голубчики! Проучу я вас!» И показываю им на машину.

— Знаете, что это за штука на дверце? — говорю.— Это британский герб, и вы незаконно арестовали служащего королевы.

До сих пор, видно, эта история их здорово забавляла, а тут они совсем развеселились, стали хлопать друг друга по спинам, хохочут до слез, вот-вот лопнут от смеха.

Тут я понял, что их не проймешь, вскочил в машину и — к коменданту лагеря.

Через пять минут меня провели к нему в кабинет. Видели бы вы этого коменданта! Саженного роста детина, жир складками со всех сторон свисает, и с головы до пят увешан галунами да орденами. Не знаю я, был ли он когда на фронте (ведь им ордена дают просто за выслугу), только видно было, что, если и был, он и там жил припеваючи.

Сидит он за столом величиной с бильярдный и курит сигару на манер Черчилля.

Я ему сразу все выложил:

— Ваши люди моего напарника забрали, и, если через десять минут его не выпустят, все узнают об этом: профсоюз, член парламента, все газеты, и завтра же толпы людей у ворот лагеря будут требовать его освобождения.

Он пристально смотрит на меня и зовет своего адъютанта, а тот уже разузнал все и докладывает ему.

Вот началась потеха! Не видел я ни разу, чтобы такая важная птица так быстро с насеста слетела. У этого хоть ума хватило понять, что его солдаты кашу заварили и, не расхлебай он ее быстро, ему не поздоровится. Смешно даже, до чего эти янки огласки боятся.

Бьюсь об заклад, что быстрее он еще не поворачивался. Зазвонили телефоны, адъютанты забегали, словно у них живот схватило, приказы во все стороны посыпались. Смех, да и только! Не прошло и пяти минут, как три «виллиса», а в них комендант, адъютант и восемь солдат, да я на своей старенькой аварийке были уже у тюрьмы.

Те два мерзавца все еще там торчат со своим «виллисом», но чуть завидели коменданта, сейчас же вскочили, стали навытяжку, щелкнув каблуками так, что за сто метров слышно было.

Охранники тоже вытянулись, а комендант, грозный, как туча, вылез из машины да как рявкнет офицеру:

— Взять этих, а англичанина выпустить!

Снова все забегали. Комендант же давай честить последними словами тех двух солдат, а они уж и сами не рады, что все затеяли.

Вдруг все замолчали и уставились на дверь

Обращается к вам член родительского комитета школы № 5 города Орджоникидзе, Северо-Осетинской АССР. В журнале «Огонек» № 51 за декабрь 1957 года на одной из фотографий показаны занятия по домоводству в 7-й таллинской школе. Это очень интересно. Но, к сожалению, в школах нашего города не организуют аналогичные занятия для девочек. Интересно было бы познакомиться с опытом товарищей из Прибалтики. Ведь многие матери сами работают и не имеют возможности обучить дочерей кулинарному или швейному делу, очень необходимому в дальнейшей их жизни. Школа должна помочь родителям. Не правда ли?

Т. И. ТУБАЕВА

г. Орджоникидзе,
Северо-Осетинская АССР.

Товарищ Тубаева права. Как часто наши девушки, закончив школу, институт, научившись справляться с электронными машинами, в растерянности стоят у плиты: что надо положить в борщ, чтобы опять не получились щи? Как вывести вот это расплывшееся жирное пятно, что село на платье? Девушка беспомощно разводит руками: она выросла белоручкой...

В программу многих школ уже вводятся уроки домоводства. Товарищи из города Орджоникидзе могли бы позаимствовать, в частности, опыт эстонских и латвийских школ.

В 25 школах Риги начали преподавать домоводство. Здесь подумали и о кадрах учителей: предмет-то новый, необычный! Рижское педагогическое училище, которое готовит воспитательниц детских садов и учительниц начальных школ, ввело у себя расширенные курсы по домоводству. Не позабыта и сельская молодежь. Министерство сельского хозяйства Латвии открыло в Плявиньском районе, в поселке Вецбебре, годичную школу домоводства.

Наши корреспонденты побывали здесь на уроках. Вот что они увидели.

ОНИ УЧАТСЯ

Оказывается, совсем не так просто сразу вот тут, у прилавка, применить на практике все полученные в классе теоретические сведения о мясе; потому-то Анда Спицкус и Сармите Витола так придирчиво выбирают каждый кусок. Продавец понимающе улыбается: ведь это не обычная покупка: «покупательницам» поставят отметки.

«Огонек» отвечает

Н. ХРАБРОВА

Фото И. СЕМИНА.

— У вас скрипят ботинки? Не беда, смажьте рант льняным маслом или каким-нибудь другим жиром. На светлых кожаных туфлях появились пятна? Удалите их скипидаром, а потом намажьте туфли взбитым белком. Алдона Акис довольна:

— Мои старенькие туфли стали на уроке новыми!

— А мой замшевый пояс выглядит лучше, чем в магазине! — вторит ей Мирдза Слиеде.

Действительно, на уроке домоводства в руках девушек все вещи каким-то чудом обновляются: хорошеет ковер, почищенный щеткой, смоченной в скипидаре, и проглаженный горячим утюгом; блестят окна, протертые тряпкой с нашатырным спиртом,— насколько это удобнее, легче и быстрее, чем обычное мытье водой и мылом!

←

У них дела идут, увы, не так успешно. Как тут не вспомнить старую пословицу: «Первый блин комом»!

→

тюрьмы. На пороге стоит Берт. Взбешен он, да виду не показывает; лицо такое, как всегда. Оглядывается по сторонам, смотрит на двух солдат, на коменданта, на охранников и снова. на солдат, затем медленно идет через всю площадь, останавливается перед верзилой и тихим, сдавленным голосом говорит:

— Руки вверх!

Но все слышат эти слова.

Вокруг по-прежнему мертвая тишина. Никто с места не двигается, а верзила глядит на него, как завороженный. Глаза у Берта полузакрыты, брови сдвинуты. Он смотрит на него секунды три и повторяет:

— Говорю тебе, руки вверх.

Услышал ли солдат на этот раз, не знаю, но он только глаза таращит на Берта. И вдруг Берт, не сдвинувшись с места, наносит ему отличнейший боковой удар в челюсть, какого я давно не видывал. Тот валится, как подкошенный. А вокруг так тихо, что слышно, как жаворонок заливается в небе над лугом за оградой лагеря.

Тогда Берт переводит дух, лицо его проясняется, и он смотрит на меня, будто только заметил. Я тоже смотрю на него и встряхиваюсь, словно свежим воздухом на меня повеяло. Мозг мой начинает работать. И я говорю:

— Берт, пора нам на узел возвращаться.

Он вынимает часы, смотрит на них как ни в чем не бывало и отвечает:

— Да, дружище, пошли.— И идет к машине.

Остальные продолжают стоять как вкопанные и смотреть на нас. Я быстро завожу машину, вскакиваю в нее, громко захлопываю дверцу, и мы мчимся к воротам. Когда мы проезжаем мимо коменданта, Берт высовывается из машины и кричит:

— Желаю вам успеха! — И машет рукой.

Да, кажется, машет. Я как следует не разглядел: смотрел в зеркало, что висит сзади.

В тот же миг мы проскакиваем мимо охраны у ворот. Берт высовывает пропуск, держа его двумя пальцами, брезгливо, как дохлую крысу, и вот уже мы мчимся по Оксли-род. Берт молча сидит в углу, молчу и я. Он зажигает одну папиросу себе, другую мне, затягивается и говорит:

— Лучше бы тому парню поднять руки вверх.

И мы смотрим друг на друга и смеемся.

Перевела с английского
И. БОРОНОС.

С Яниной Анчевой мы познакомились в Вецбебрской школе. Что это? Вечер самодеятельности и Янина в роли пряхи? Нет, идут занятия по ткачеству, и девушка мотает нитки для основы будущей ткани. Право же, совсем нелишне снять с чердаков старые бабушкины прялки! ←

На кухне Вецбебрской школы идет соревнование: чей суп вкуснее? В роли дегустатора и судьи — преподавательница Вилма Камола. Ученица Дзинтра Микста довольна: по отзыву учительницы суп сварен отлично. →

ДОМОВОДСТВУ

— Этот латышский национальный костюм мы соткали, вышили, спряли и сшили сами! — не без гордости говорит ученица Вецбебрской школы Артия Звейниеце. →

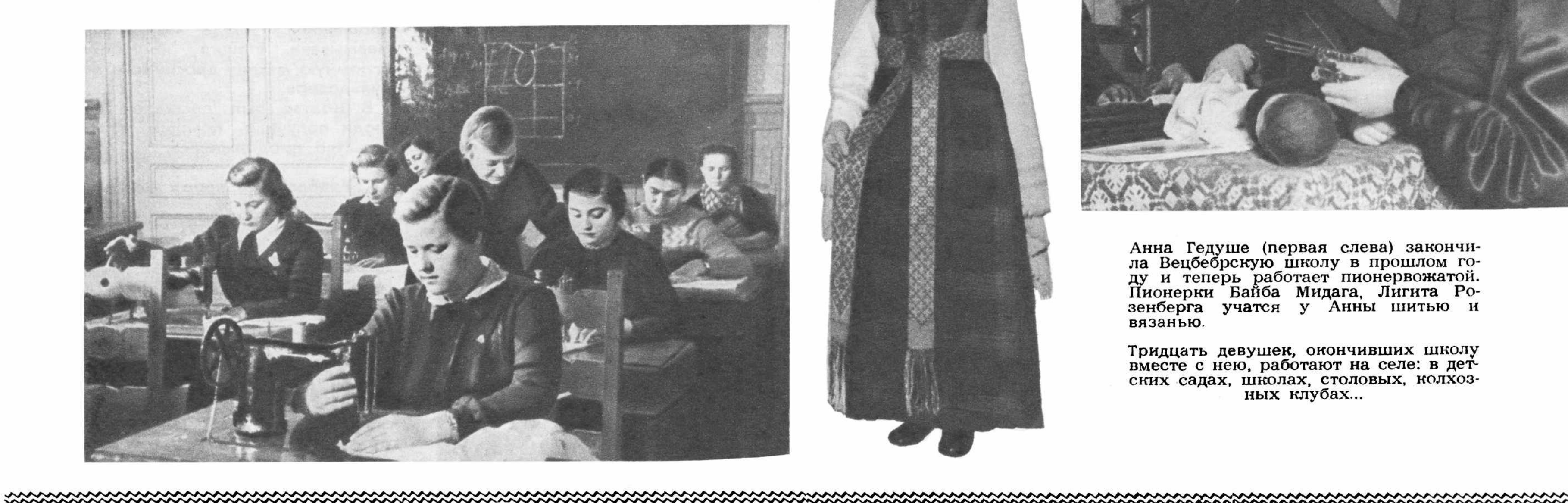
В швейном классе преподавательница Серафима Васильевна Берзинь учит девушек шить платья. Пока, правда, их продукция предназначается только для кукол в детском саду. ↓

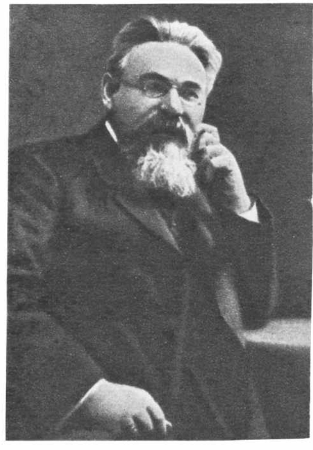
Анна Гедуше (первая слева) закончила Вецбебрскую школу в прошлом году и теперь работает пионервожатой. Пионерки Байба Мидага, Лигита Розенберга учатся у Анны шитью и вязанью.

Тридцать девушек, окончивших школу вместе с нею, работают на селе: в детских садах, школах, столовых, колхозных клубах...

Зеленое наследство Симиренко

Известные садоводы Симиренко жили в селе Млеев, бывшего Черкасского уезда, Киевской губернии. Платон Федорович, страстный коллекционер плодовых, ягодных, декоративных и цветочных растений, оставил о себе память еще и тем, что он был первым издателем «Кобзаря» Т. Г. Шевченко. Сын Платона Федоровича Лев учился в Одесском университете. В один и тот же день он получил и диплом и приказ о ссылке на восемь лет в Енисейскую губернию за участие в революционных кружках и родственные связи с А. Желябовым.

Л. П. Симиренко.

В Сибири молодой Симиренко встречался с В. Г. Короленко, был тесно связан с лучшими людьми русской интеллигенции. Будучи на положении ссыльно-поселенца, он нанялся садовником к богатому золотопромышленнику, выращивал в Сибири в кадушках карликовые яблони, груши, сливы, а также виноград, овощи, пальмы, которые летом росли под открытым небом, а зимовали в оранжереях. Однако эта работа не могла удовлетворить молодого естествоиспытателя. Тогда Симиренко создает городской парк в Красноярске, ставший дендрологической достопримечательностью Сибири.

На третьем году пребывания в Сибири за участие в подготовке побега одного из ссыльных Симиренко заключают в одиночную камеру, а затем высылают подальше от большого сибирского тракта, в Балаганск, на берег Ангары. Но и на новом месте он нашел для себя интересное занятие: проводит опыты по выращиванию огородных растений и цветов.

Таков был Лев Симиренко. Вернувшись на Украину без права выезда в столичные и губернские города, он застал дома разросшийся плодовый питомник и решил им заняться.

Шли годы. Питомник Симиренко стал представлять исключительную ценность. Достаточно сказать, что в нем было собрано девятьсот сортов яблонь, почти столько же груш, слив, вишен, черешен, персиков, абрикосов. Не меньше было сортов ягодных — клубники, смородины, крыжовника, малины, ежевики. Декоративные и цветочные растения тоже заняли значительное место в работах украинского садовода, который собрал более девятисот различных форм роз.

Отсюда через станцию Городище во все концы России ежегодно отправлялись тысячи саженцев. Интересовался этим питомником и А. П. Чехов.

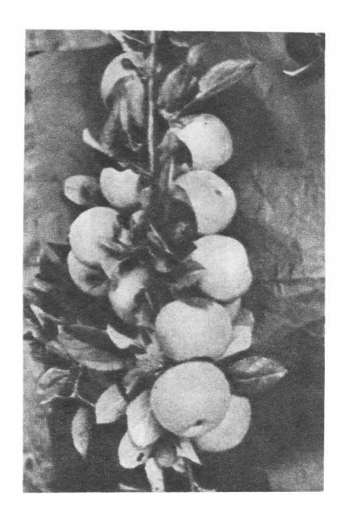
Л. Симиренко составил подробное описание коллекций питомника, издав книгу с богатыми иллюстрациями. Здесь впервые описан отобранный отцом и «выведенный в люди» сыном зимний сорт яблок, ставший знаменитым под названием «ренет Симиренко». Его зеленые, не весьма привлекательные по виду плоды превосходно сохраняются зимой, не морщатся, не вянут, лежа в погребе до глубокого лета, точно поджидая молодую смену ранних сортов нового урожая. Белая, сочная мякоть с очень приятным, пряным, винно-сладким вкусом имеет ту особенность, что ее можно есть с закрытыми глазами, не опасаясь червоточины, которая часто скрывается за красивой кожурой других яблок.

Лев Платонович назвал этот сорт в честь отца «ренетом П. Ф. Симиренко». «Ренет Симиренко» был отмечен многими призами как на международных, так и на русских выставках.

После Октябрьской революции и в период гражданской войны на Украине губернские революционные власти, придавая большое значение трудам Симиренко, назначили его заведующим национализированным садоводческим хозяйством, на базе которого была затем создана ныне широко известная Млеевская опытная станция. Но Симиренко не суждено было увидеть плоды своего труда на обновленной земле. В конце декабря 1919 года в расцвете творческих сил он погиб в своем рабочем кабинете за письменным столом от пули бандита.

«Ренет Симиренко» по своим качествам продолжает быть эталоном зимних сортов яблок и находится в мировой девятке. Он растет не только на Украине, но и в России, Средней Азии. Весной или ранним летом, когда свежих фруктов еще и в помине нет, садоводы могут вас угостить чудесно сохранившимися свежими яблоками.

В украинском институте садоводства нам сообщили, что в последние годы производство этого сорта яблок заметно увеличивается. По количеству деревьев «ренет Симиренко» уже занимает на Украине четвертое место, он идет вслед за такими популярными сортами, как «антоновка», «папировка» (белый налив) и «пепинка литовская». В колхозах и совхозах УССР насчитывается свыше одного миллиона деревьев «ренета Симиренко», а если прибавить выращенные на приусадебных участках, то эта цифра увеличится вдвое.

«Ренет Симиренко».

А. КЕКУХ,
В. ШУМОВ

РЕЛЬСЫ В ТАЙГЕ

Юл. СЕМЕНОВ Фото А. ГОСТЕВА.

Идут первые поезда по новой Сибирской железной дороге Сталинск — Абакан. Абазинскую руду, которую добывают в Хакассии, везут к домнам Кузнецка. И везут ее не так, как раньше,— кружным путем, за полторы тысячи километров, а наикратчайшим — всего за триста пятьдесят восемь. Новый путь из Абакана рудного в Кузбасс угольный проложен мужественными советскими людьми — строителями стальной магистрали.

По льду Томи

Это случилось как раз посредине новой трассы, примерно на 160-м километре от Сталинска.

Бульдозер осторожно спустился с берега на ледяной покров только недавно ставшей Томи. Под гусеницами расходилась белая паутинка, синий лед трещал, прогибался. Дул коварный ветер «сивус» — понизу стремительная колючая пороша и такой мороз, что плевок застывает в воздухе.

У бульдозериста Петра Невмываки мерзли щеки, но он не мог отпустить рычаги, чтобы растереть лицо снегом: каждая секунда грозила неожиданностями. Конечно, Невмывака не имел права ехать по такому льду, но и не ехать он не имел права: в занесенном снегом таежном поселке Колтасе в пекарне, бане, столовой, в общежитиях не было дров.

Десантникам железнодорожной стройки, заброшенным далеко в тайгу, надо было помочь. Задание это поручили ветерану стройки Петру Федоровичу Невмываке.

И он повел свой бульдозер по Томи с драгоценным грузом — пятью здоровенными кедрами. До берега каких-то десять метров. И вот именно здесь лед треснул. К небу хлынул пар, и Невмывака почувствовал, что ноги его по колено в воде. Валенки сделались мягкими, лодыжки застыли, стали бесчувственными, чужими. Бульдозер захлебывался. Невмывака до отказа выжал газ, поднял нож бульдозера и начал пробиваться к берегу, кроша лед. Подвигался медленно, шаг за шагом. У берега, когда лед стал крепче, стальной нож бульдозера треснул и половина его ушла под воду. Невмывака рванул бульдозер назад, стараясь поднять машину из воды, опираясь на кедры. Но стволы деревьев скользили под обледеневшими гусеницами, уходили назад, проламывая лед.

Когда Невмывака выбрался на берег, валенки его стали твердыми, как стекло. Окутанный паром, заиндевевший, бульдозерист прибежал в поселок, переобулся и помчался обратно к своей машине. Вернувшись на Томь, он вбил в стылую землю мертвяк, установил полиспаст, и вскоре тягач, пробившийся сюда по следам Невмываки, втащил на берег огромную махину вросшего в лед бульдозера.

В Колтас был доставлен лес. Люди получили помощь, строительство продолжалось.

Карбас идет через порог

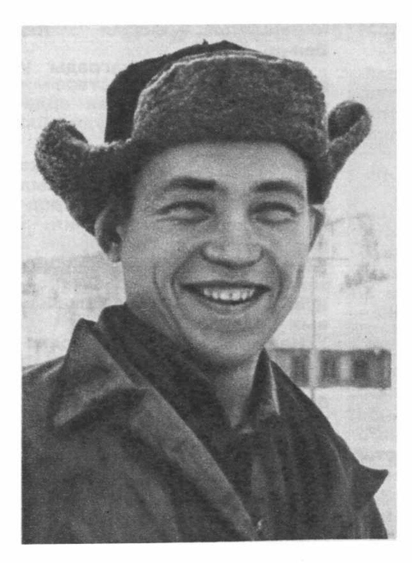
Тайга клиньями сбегает с сопок к Томи и, кажется, хочет пригвоздить реку к месту: «Стой! Будь подобной мне — такой же безмолвной, спокойной, величавой!» Но река неудержимо мчится вдаль, перекатываясь через каменистые пороги.

Минувшей весной на стройке размыло дороги, нарушилась связь с передовыми группами строителей в поселках Балыксу, Казынет. В Балыксу стала лесопилка (сгорели подшипники), кончилась провизия, не было стекла, лампочек. Петр Леонтьев получил задание: провести по бешеной, разыгравшейся в паводок Томи свой карбас — большую сибирскую лодку. В Топчуле карбас надо было нагрузить всем необходимым для стройки и возвращаться в Балыксу.

В Казырской выемке русло Томи сужается, река мчится вся в пене, как загнанная лошадь. Леонтьев направил карбас прямо на середину реки. Нарастал грохот. Карбас ударился днищем о камни, подскочил, скрылся в водяной пыли, завертелся на булыжниках, подгоняемый со всех сторон свирепым напором воды, и

Бульдозерист П. Невмывака.

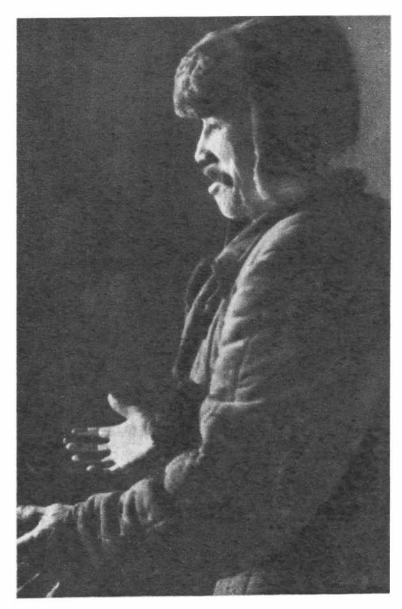

Карбасник Петр Леонтьев.

вдруг через какую-то долю минуты очутился в тихой заводи за порогом.

Леонтьев отер пот со лба, сплюнул за борт, улыбнулся.

Обратно он гнал карбас полным, с семьюстами килограммами груза. Около проклятой Казырской выемки пришлось стать. Вода отшвыривала карбас всякий раз, как только Леонтьеву удавалось подвести его к порогу.

Золотоискатель Никандр Собакин.

А в Балыксу люди ждали драгоценный груз: баббит для подшипников на пилораме, стекла для жилых домов, рабочие спецовки, без которых в тайге пропадешь.

— Э-э-эй, браток! — крикнул Леонтьев, завидев проезжавший по берегу «МАЗ».

В тайге у людей слух острый, особенно когда товарищ в беде. Шофер останавливает машину, подходит к берегу.

— Тебе что, карбаса?

— Будь другом, затащи ты меня на порог!

Помощник Леонтьева Саша Прокунин бледнеет. Виданное ли дело, на порог, встречь течению забираться! Сомнет ведь, разнесет в щепы...

Шофер привязывает карбас тросом к своей машине, садится за руль, включает газ. Леонтьев разделся, стал на корме. Встречный поток захлестывает судно, подсовывает под днище острые булыги. Вот порог уже в метре от карбаса. Леонтьев хватается за руль, налегает на него всем телом. Нос задирается почти вертикально, корма скребет по камням. Первый порог пройден! Но впереди второй, самый страшный. Снова нос судна исчезает в облаке водяных брызг. Карбас зарывается в буруны, корма его поднимается высоко вверх, потом с размаху ухает о камни. Шофер «жмет на всю железку», трос дрожит, как тетива. Пройден и второй порог. Леонтьев смеется, кричит громко, радостно:

— Э-э-эй! Взяли!

И эхо в горах многократно повторяет голос, словно приветствуя мужество человека.

Когда горит лес

Поселок Казынет родился чуть позже Балыксу — в марте прошлого года. Пришли на лыжах люди, нарисовали на карте, где будет столовая, а где общежития, поставили палатки.

За три месяца построили магазин, пилораму, электростанцию. Потом в Казынет прибыли механизированные колонны, и отсюда началось наступление на синюю стену молчаливых пихт.

В конце мая ударила сушь. Небо стало желтым и низким.

И вдруг совсем рядом с поселком на другом берегу реки загорелась тайга. Сначала была надежда, что река остановит огонь. Но нет! Пламя, подхваченное раскаленными струями воздуха, перекинулось на левый берег, на крыши домов поселка, прижавшегося к самой реке.

Нижний поселок, у Томи, сгорел в несколько минут. Пламя шло к речке Казынет, последнему рубежу, отделявшему от огня верхний поселок. Земля трескалась, и огромные головешки пихт «стреляли» на десятки метров.

Тогда бульдозерист Николай Петров, тракторист Хатиб Багаутдинов, лесоруб Борис Власов переправились через Казынет, пошли навстречу пожару. Они крушили деревья, рыли рвы, а пламя жгло их лица, калило рычаги машин.

Внезапно Николай Петров повернул свой бульдозер и ушел за реку, где дымилась земля, но огня не было видно.

Петров спешил к электростанции, туда, где стояла цистерна с бензином. Вокруг нее то там, то здесь вспыхивали маленькие костры. Петров разбросал гусеницами бульдозера костры, засыпал землей цистерну и снова вернулся на противоположный берег, чтобы продолжать бороться с огнем. Все боролись с пожаром, все, как один. Бессильное сломить волю людей, пламя ушло обратно в тайгу и там потухло, истощив грозную мощь.

Поселок был восстановлен за месяц. Работа на стройке дороги продолжалась.

Клад

Неподалеку от Балыксу сто лет назад открыли золотоносную жилу. До сих пор там находят кандалы и простреленные черепа: на прииске работали каторжане.

И вот сегодня старик-старатель Никандр Собакин, приблизив ко мне морщинистое, изъеденное оспинами лицо, шепчет на ухо:

— Они, каторжане-то, и зарыли от начальства слиток золота весом в двенадцать пудов. А потом — обвал... С тех пор и ищут люди клад — дьяволово это золото.

Старик щурится, качает головой, отрывая дрожащими пальцами от газетного листа клочок бумаги, чтобы свернуть цигарку. Газета многотиражная, здешняя. Рядом с названием лозунг: «Смонтируем мост через реку Шора за 10 дней!»

Да, здесь умели строить мосты и за десять и за три дня. Здесь умели не спать сутками. Умели не мерзнуть в палатках в сорокаградусный мороз.

...Мы едем по таежной железной дороге. В сторону от полотна и шага не сделаешь: высоченные сугробы. Около Казынета наш мотовоз останавливается — идет балластировка пути. Работает молодежь — парни и девушки, прибывшие по комсомольскому призыву.

Едем дальше, вдогонку несется песня:

Машинист Владимир Павлович Елецкий.

Наш паровоз, вперед лети!
В Коммуне — остановка.

В Междуреченске, новом таежном городе, мы повстречали старого машиниста Владимира Павловича Елецкого.

— Тридцать годов на транспорте работаю, — сказал Елецкий, — а нет моему сердцу милее этой дороги таежной...

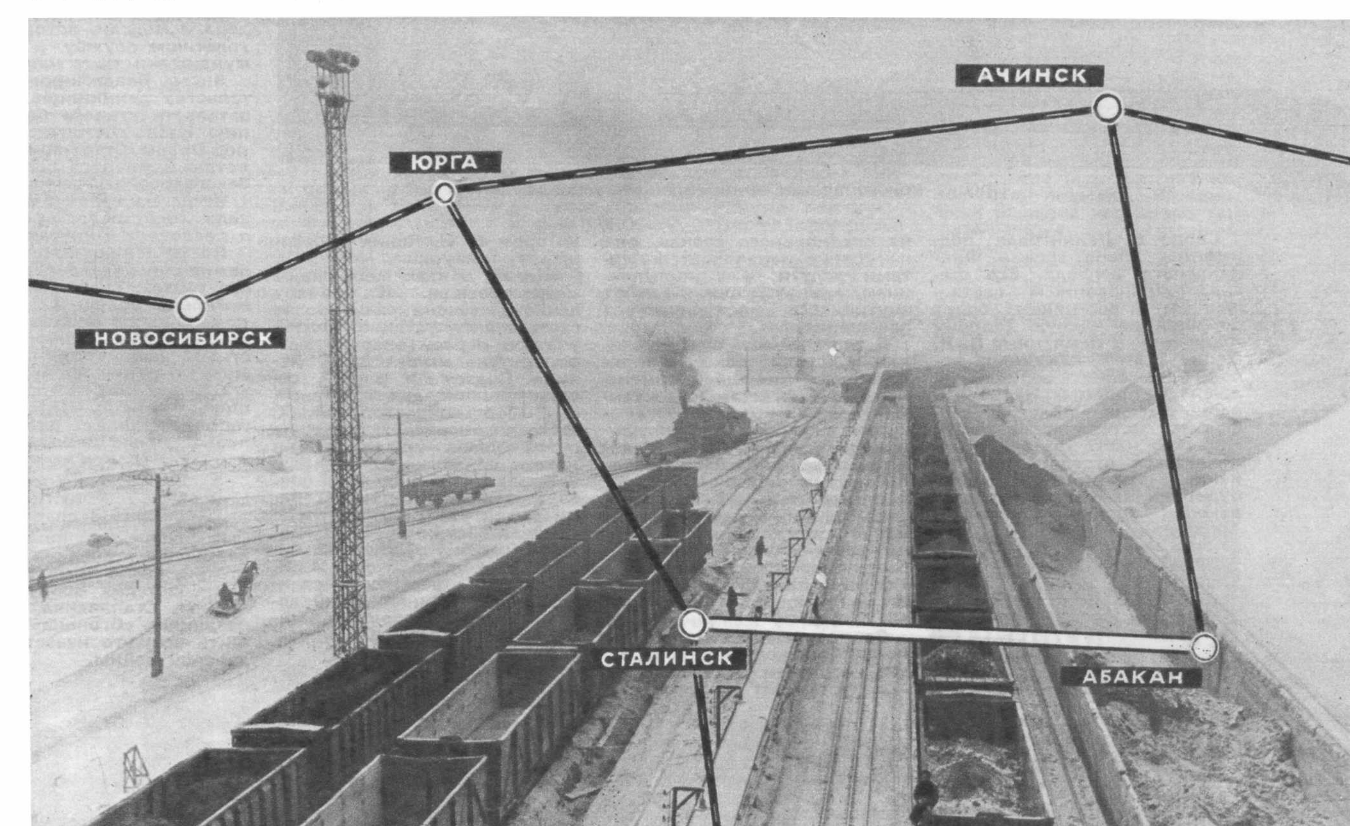
Идет по тайге первый состав с абазинской рудой. В снегу по обеим сторонам стоят люди, кричат:

— Руды бросьте кусочек, посмотреть!

Серую, скромную на вид руду люди держат в руках так нежно, как будто это самое хрупкое, самое дорогое вещество на свете.

Никандр Собакин искал клад — золото, дьяволов металл, зарытый каторжанами. Ныне клад этот найден: замечательные человеческие характеры.

По новому, кратчайшему пути пришла абазинская руда на Кузнецкий комбинат. На снимке внизу — схема старой и новой дорог из Сталинска в Абакан.

НА ВЫМПЕЛЕ — ИМЯ ЖЕН ФУ-ЧЕНА

— Что это у вас за награды?..

Фото Б. Визуля.

Недавно на окраине Перми, на плацу против Красных казарм, при боевом знамени выстроились солдаты. К стене дома в торжественной тишине была прикреплена мемориальная доска. На ней начертано: «В этом доме в 1918 г. размещался братский китайский батальон во главе с командиром Жен Фу-чен, принимавший участие в борьбе с белогвардейцами и интервентами».

Вскоре в казарме произошла знаменательная и волнующая встреча. В гости к советским воинам пришли участники гражданской войны на Урале и китайские товарищи: рабочие и специалисты, проходящие практику на одном из пермских предприятий.

Среди участников встречи был и Константин Алексеевич Морзо-Морозов, старый большевик, красногвардеец, лично знавший многих командиров и красноармейцев прославленного китайского батальона.

— Здесь, на Урале, в районе Перми, Воткинска, Барды, Верхотурья, отряды Жен Фу-чена наводили ужас на белогвардейцев,— рассказывал Морзо-Морозов.

По рукам пошла чудом сохранившаяся старая фотография: группа красноармейцев и командиров—китайцев; в центре в белой куртке и папахе — легендарный Жен Фу-чен.

Тут же было решено: фотографию увеличить, а в комнате боевой славы, рядом с портретами ветеранов части — Героев Советского Союза, поместить портреты Жен Фу-чена и его славных соратников.

Советские воины рассказали китайским друзьям о боевой учебе, а китайцы — о своих производственных делах.

— Сейчас я уже бригадир каменщиков, — сказал Лю Вен-де.

— Что это за награды у вас? — полюбопытствовали солдаты, рассматривая ордена и медали на груди Лю Вен-де.

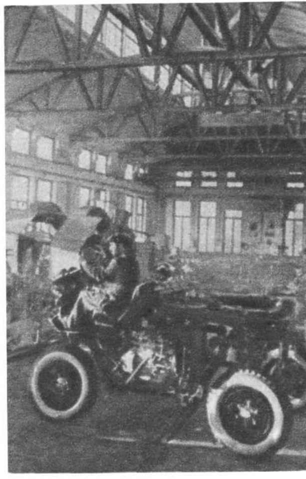
Оказалось, что несколько лет назад Лю Вен-де был танкистом Китайской Народно-освободительной армии, а потом воевал добровольцем в Корее против американских захватчиков и лисынмановцев. Там он получил два боевых ордена.

Недавно на землях колхоза «Наука», возле деревни Елово, Пермской области, на братской могиле китайских красноармейцев был установлен обелиск. А в пермской школе № 59 хранится алый переходящий вымпел. Он вручен школьному отряду «следопытов революции», совершивших поход по местам исторических битв.

На вымпеле — имя Жен Фу-чена.

А. ГРИГОРЬЕВ

Подарок земледельцам гор

В сборочном цехе стоят новые машины.

Фото В. Джейранова.

Случись жителю равнин попасть в горы, навсегда останутся в его памяти разноцветные лоскуты пашен на крутых склонах и согбенные фигурки людей, вручную обрабатывающих землю. Скоро эта картина отойдет в прошлое. В одном из конструкторских бюро Грузии долго работала группа инженеров под руководством главного конструктора А. З. Абжандадзе над созданием машины, облегчающей труд горного земледельца. И вот машина была создана, испытана в районах Грузии и Азербайджана и получила хорошие оценки практиков.

Мы на Заводе имени 26 комиссаров — старейшем предприятии Тбилиси. В сборочном цехе № 1 стоят новые машины с маркой «СШ-24 Г» — самоходное шасси, горное.

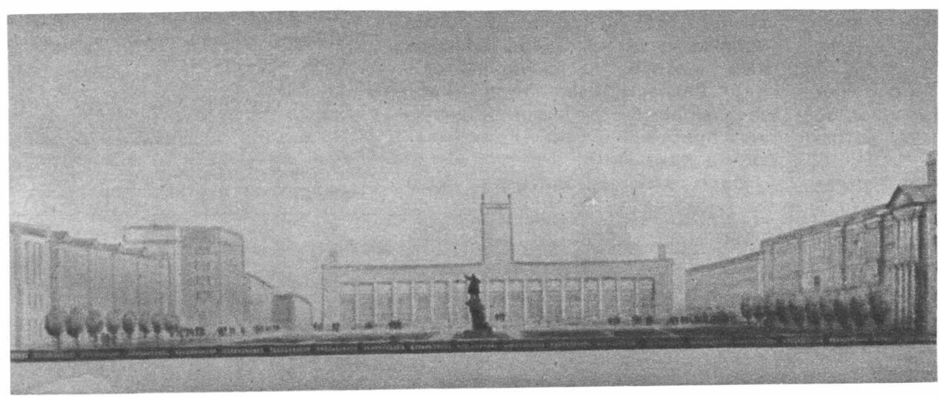
Вот что рассказывает начальник цеха Леон Миронович Аланакян:

— Новая машина может работать на склонах крутизной до 25 градусов, сохраняя при этом вертикальное положение, обе оси у нее ведущие. Большое достоинство самоходного шасси в том, что на него можно навесить различные прицепные механизмы, орудия, аппараты спереди, сзади, по бокам, под рамой, с любой стороны. Машина испытывалась на уборке чая. В дальнейшем ее можно использовать на уборке кукурузы и хлопка, для вывозки леса с гор и для доставки продуктов в труднопроходимые края. Чудесная, универсальная машина!

С нынешнего года завод имени 26 комиссаров начинает ее серийное производство.

И. МЕСХИ

Новое здание Финляндского вокзала

Проект нового здания Финляндского вокзала.

Скоро в Ленинграде поднимется новое здание Финляндского вокзала. Его фасад, облицованный светло-желтым известняком, будет обращен на южную сторону площади — к памятнику В. И. Ленину. Меж каменных колонн — высокие зеркальные дверные проемы. Над ними вдоль фасада — пояс барельефов на исторические темы. Нижнюю часть фасада предполагается отделать полированным гранитом. Издалека будет видна башня, увенчивающая здание. Собранная из специального стекла, она на солнце переливается цветами радуги, а с наступлением темноты искрится от внутреннего электрического освещения.

В главный зал смогут вливаться сразу два людских потока — с площади имени Ленина и из вестибюля станции метро, которая органически входит в общий ансамбль вокзала. Стены главного зала украсятся живописью на историко-революционные темы. В кассовом зале станции метро огромное панно, посвященное крупнейшему событию в истории революционного движения в России — приезду В. И. Ленина в Петроград 3 апреля 1917 года.

За старым вокзалом, в конце Финского переулка, будет построен павильон. В нем установят паровоз, на котором В. И. Ленин переезжал границу...

Новый вокзал сооружают метростроевцы. К началу дачного сезона они хотят сдать в эксплуатацию второй участок первой очереди метрополитена имени В. И. Ленина. Подземная дорога соединит площадь Восстания с Выборгской стороной. С этого момента вступит в строй левое крыло здания нового вокзала.

Проект Финляндского вокзала разработан архитекторами института Ленгипротранс П. А. Ашастиным, Н. В. Барановым, Я. Н. Лукиным, инженером-конструктором А. И. Рыбиным, а вестибюль станции метро «Финляндский вокзал» — архитектором Ленметропроекта А. К. Андреевым.

К. ЧЕРЕВКОВ

Дневник ОГОНЬКА

Подвиг генерала Станкевича

— Знал я одного Станкевича. Вместе сражались против деникинцев на Южном фронте,— говорил в раздумье седобородый колхозник, внимательно читая надписи на братских могилах у Кремлевской стены.

В числе фамилий похороненных здесь участников гражданской войны значился и некий Станкевич.

— Может быть, это мой командир? Где бы разузнать?

Старик, волнуясь, начал вспоминать, как в июне 1919 года ему, тогда молодому бойцу-разведчику, вручал орден Красного Знамени начальник 42-й дивизии Станкевич. Но никто из оказавшихся поблизости офицеров не смог ответить на вопрос седобородого ветерана.

Прошло более года, и вот мне, присутствовавшему при этой беседе, удалось случайно обнаружить в архиве Советской Армии документы, рассказывающие о геройской судьбе мужественного советского патриота Антона Владимировича Станкевича.

Прослужив 40 лет в старой русской армии, пройдя путь от рядового до генерал-майора, А. В. Станкевич с первых дней Советской власти добровольно вступил в ряды красных воинов. На Южном фронте он командовал сначала 42-й стрелковой дивизией, затем был назначен помощником командующего 13-й армией. Беззаветно преданный Родине, он умело руководил войсками, заслужил всеобщую любовь подчиненных.

В ожесточенных боях под Орлом, когда полчища Деникина рвались к Москве, белогвардейцам удалось с помощью изменника захватить А. В. Станкевича в плен.

— Генерал Деникин предлагает вам перейти на нашу сторону. Через две — три недели наша армия возьмет Москву, и с Советами будет покончено. Подпишите это заявление, признайте, что вы заблуждались и теперь добровольно уходите от красных, — настойчиво требовали от Станкевича белые офицеры.

Красному командиру предлагали деньги, обещали, что его пошлют к «союзникам» и он будет там богатым и знатным человеком. Затем принесли полный комплект генеральского обмундирования. На мундире блестели многочисленные ордена и медали, которыми был награжден Станкевич за многолетнюю службу в старой армии. Ему сказали: «Надень мундир — и ты с нами, и жизнь твоя спасена».

Антон Владимирович с негодованием отверг все домогательства деникинцев. Тогда после жестоких пыток и издевательств старого боевого генерала приговорили к повешению. Казнь состоялась в октябре 1919 года в селе Золотарево, под Орлом. Оттолкнув палача, Станкевич сам накинул на себя петлю и умер со словами, обращенными к народу. Изверги-белогвардейцы выжгли на его груди пятиконечную звезду.

Когда наступающая Красная Армия освободила Орел и село Золотарево, крестьяне, очевидцы казни, рассказывали о последних минутах жизни героя-воина.

По решению Советского правительства тело Антона Владимировича было перевезено в Москву. 10 ноября 1919 года его торжественно похоронили у Кремлевской стены в одной могиле с молодым красным командиром товарищем Мокряком, павшим смертью храбрых на Южном фронте 26 октября 1919 года. (Обидно, что имя тов. Мокряка, ставшее известным нам из архивных документов, не занесено на мраморную доску на братской могиле.)

С волнением и гордостью перечитываем мы на пожелтевших страницах «Правды» 1919 года статьи, очерки, стихи о героях Южного фронта. Особенно запоминаются строки, посвященные памяти А. В. Станкевича:

Ты был товарищем и братом
Красноармейцу до конца.
И честно пал на поле ратном
Со славой лучшего борца.

К сожалению, нам не удалось разыскать фотографии товарищей Станкевича и Мокряка. Я убедительно прошу всех, кто служил с ними до революции в старой армии или в рядах Советских Вооруженных Сил, а также знакомых и родных тт. Станкевича и Мокряка, если возможно, прислать в редакцию «Огонька» сохранившиеся фотоснимки и сообщить все, что известно о жизни и делах этих героев гражданской войны.

В. ШТЫРЛЯЕВ

Это доступно всем

Галина Александровна Мальцева остановилась и крикнула:

— Мальчики!

А мальчики продолжали тузить друг друга.

Стало уже темно, и большие дома смотрели во двор разноцветными окнами. Мальцева подошла к одному из драчунов. Сопя носом, в нахлобученной до бровей шапке, он с досадой отвернулся от Галины Александровны.

— Ты почему домой не идешь?

— А что?

— Мама где?

— На работе.

— Уроки сделал?

Вопрос остался без ответа. Наверное, потому, что напоминание об уроках портило мальчугану настроение, а может быть, и оттого, что он уже нашел для себя более интересное занятие, чем слушать нравоучения. Поддав ногой булыжник, мальчик побежал за ним.

Галина Александровна задумалась. Вот уже полтора года в Москве, при домоуправлении № 81 Ленинградского района существует комиссия содействия, в которой она, Мальцева, руководит культурно-массовым сектором. За это время сделано немало полезных дел: отремонтированы квартиры, озеленены дворы, разобрано немало жалоб. Ну, а дети? Чем занят досуг ребят?

Вскоре для занятий с детьми было найдено помещение — комната, соседняя с красным уголком. Немало потрудились активисты дома, очищая ее от хлама. И однажды на парадных дверях появились объявления: «Организуются следующие кружки...»

Сначала в красном уголке дети сами заносили свои фамилии на чистые листы бумаги, потом выяснилось, что от желающих нет отбоя; в кружках пришлось организовывать группы. И вот наконец начались занятия.

Не беда, что нет пока музыкального инструмента. Первые упражнения в балетном кружке маленькие балерины делали просто под счет Галины Александровны: раз, два, три; раз, два, три... Не страшно, что нет еще балетных пачек. Со временем все будет, все впереди. Главное — упорно заниматься, иметь желание. Перед каждым занятием Галина Александровна рассказывала девочкам историю балета.

Спустя три месяца мы попали на очередную репетицию.

— Ирочка, ты вьюга. Понимаешь? Ты должна заморозить Снегурочку, Юлю. Кружись веселей,— говорит Галина Александровна.

«Вьюга» — Ирочка Соколова — кружится возле Снегурочки — Юли Саратовцевой.

В кружке «Умелые руки».

Чуть раскачиваются снежинки — девочки в белых пачках.

Самая маленькая балерина, Ира Гербко, в школе еще не учится, и когда мы спросили, сколько ей лет, она показала на пальцах — шесть.

Рядом, в соседней комнате, собрались домохозяйки: Елена Максимовна Ерошенко, Евгения Дмитриевна Куракина, Софья Игнатьевна Александрова. Они готовят костюмы для выступления маленьких балерин.

Когда репетиция закончена, на смену девочкам является ватага ребят. И там, где вьюга замораживала Снегурочку, с шумом устанавливаются скамейки, появляются баночки, кисточки, краски. Это пришли «умелые руки».

Вначале родители будущих умельцев испытывали крайнее беспокойство. Вместе с пустыми, ненужными баночками из дома стали исчезать весьма полезные в хозяйстве стаканы, графины, коробки. «И зачем столько посуды выносить из дома?» — недоуменно вопрошали родители. Но вот постепенно предметы обихода стали возвращаться, и каждый из них был так искусно разукрашен, что родители только диву давались.

Работает при домоуправлении и кружок рисования, которым руководит заслуженный художник РСФСР Адриан Михайлович Ермолаев.

Скоро, когда будет получено новое помещение, откроются кружки: лепки, музыкальный, драматический. Драмкружком берется руководить артистка Любовь Владимировна Невская, живущая в этом доме.

— К нам часто приходят товарищи из других домоуправлений. Хотят по нашему примеру и у себя организовать кружки,— рассказывает Галина Александровна Мальцева.— Ведь это доступно всем. Только пусть не пугают организаторов первые неудачи.

Н. ТАРАСЕНКОВА
Фото И. Тункеля.

Тише, идет репетиция!

Еще один университет

На широкой красивой улице Фрунзе в Уфе выросло новое здание, на фронтоне которого золотыми буквами написано: «Башкирский государственный университет».

В новом вузе Башкирии на дневных и заочных отделениях учится 5 тысяч студентов. Они приехали сюда из самых отдаленных районов республики — Хайбуллинского, Мечетлинского, Зианчуринского, Зилаирского,— районов, где до Великого Октября не было ни одного грамотного человека. Сейчас в университете студенты обучаются на пяти факультетах: историко-геологическом, физико-математическом, географическом, биологическом и иностранных языков. В Башкирском педагогическом институте, на базе которого создан университет, было 19 кафедр, а сейчас их в университете 28.

Э. ВОЛОВИЧ

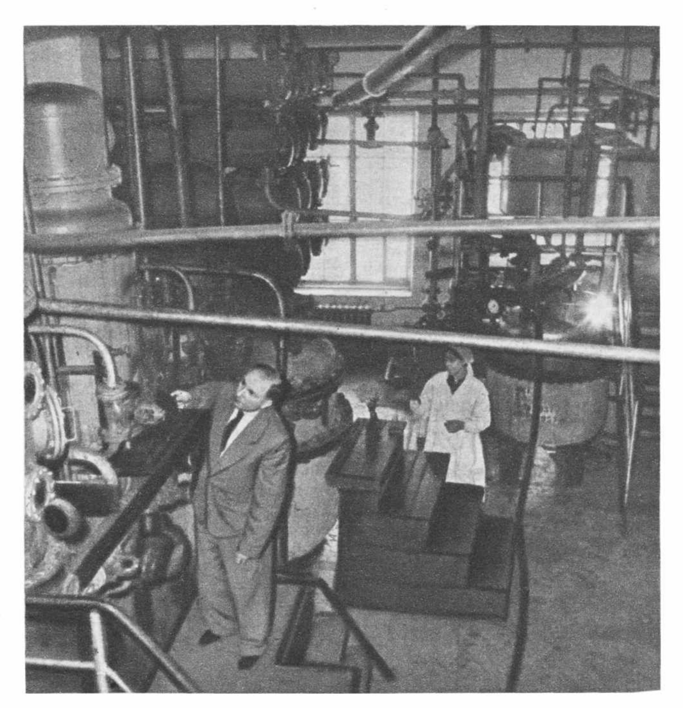
г. Уфа.

ЛИМОННАЯ КИСЛОТА... ИЗ ХЛОПЧАТНИКА

Над полем хлопчатника медленно проплыл самолет, оставив в небе пыльный след. Дымка вскоре осела, а коричневатые, пожухлые листья растения мигом увяли и упали на землю. Так удаляются они перед уборкой и лежат потом, всем мешая,— обыкновенный сор. Хотя, пожалуй, не совсем обыкновенный. В этом «мусоре» — лимонная кислота, в которой нуждаются и пищевики, и медики, и фотографы, и красильщики...

До сих пор для получения блестящих белых кристаллов кислоты изводят большое количество ценных продуктов: в США — сахар, в Италии — лимоны, в СССР — сахар и махорочный табак. Ученые давно искали растение или вещество, способное заменить свеклу, цитрусы и махорку, но промышленного значения их опыты почти не имели.

В 1953 году в Ташкенте при Узбекской Академии наук открылась лаборатория химии хлопчатника. Под руководством доктора химических наук А. С. Садыкова сотрудники должны были заняться новым делом — выяснить, какие продукты можно извлечь из растения на всех стадиях его развития. Особое значение придавалось изучению листьев.

Главный инженер никотинового завода в Бабушкине А. И. Медников и аппаратчица О. Н. Шлыкова в цехе лимонной кислоты.

Фото Р. Лихач.

— Ведь лист,— объяснял Абид Садыкович Садыков молодым лаборантам,— грубо говоря, завод, где происходит синтез самых разнообразных веществ. Одним словом, приготовьтесь к открытиям,— шутил Садыков.— Я не поручусь, что мы не встретимся с соединениями, которые покажутся необычными для хлопчатника.

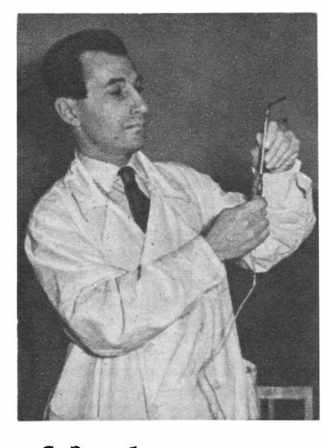
Памятуя слова профессора, химики почти не удивились, когда обнаружили в листьях растения на всех стадиях его развития лимонную кислоту. Особенно много ее приходилось на конец вегетации.

После длительных опытов и кропотливых расчетов удалось наконец доказать, что сор, бросовые листья содержат столько же лимонной кислоты, сколько махорка, и даже больше, чем... сам лимон.

Теперь перед учеными встала новая задача: нужно было испытать способ извлечения кислоты из листьев в заводских условиях, привлечь инженеров, которые разработают промышленную технологию. Исследованиями узбекских химиков заинтересовался никотиновый завод в подмосковном городе Бабушкине. Его цех лимонной кислоты нередко простаивал: не хватало сырья — листьев махорки. Садыков приехал на завод. Начались испытания. Результат превзошел все ожидания. Оказалось, что несложная технология, с помощью которой кислоту получали из махорки, полностью применима и к хлопчатнику. С 1957 года цех в Бабушкине целиком перешел на новое сырье.

В Узбекской ССР решили построить свои заводы, добывающие лимонную кислоту,— ближе к источникам сырья.

Н. ВЕРИНА

С. Заграбян подготавливает посылку английским врачам.

Фото В. Мусинова.

ПОСЫЛКА В ЛОНДОН

Сурен Заграбян, московский хирург, впервые выезжал в длительную зарубежную командировку. В его удостоверении, выданном Министерством здравоохранения СССР, говорилось, что он направляется в Лондон для изучения современных методов нейрохирургии. Срок командировки — два месяца. Ровно столько и должны были продолжаться занятия на международных курсах усовершенствования нейрохирургов в лондонском «National Hospital».

Из тридцати с лишним стран съехались сюда представители этой сложной и сравнительно молодой отрасли хирургии. Руководитель семинара профессор Мак Киссок, один из выдающихся нейрохирургов мира, любезно встретил советского врача. На третий день занятий, когда Мак Киссок успел уже познакомиться со всеми слушателями курсов и оценить их знания, Сурен Заграбян получил официальное приглашение, которое его очень обрадовало. Текст письма гласил: «Медицинский Совет на своем заседании нашел возможным рекомендовать вас клиническим ассистентом в Национальный госпиталь». С этого дня и началось творческое сотрудничество лондонского профессора Мак Киссока и врача из Москвы.

Советского хирурга видели за эти два месяца на сложнейших операциях в клиниках Лондона, Эдинбурга, Оксфорда. На всеанглийской конференции нейрохирургов он поделился своими экспериментальными исследованиями.

— Я с удовольствием рассказал англичанам о нашем методе лечения при заболеваниях и поражениях головного и спинного мозга,— вспоминает свои недавние встречи Заграбян.— В технике операций у нас оказалось немало нового и для передовой нейрохирургии Англии.

Недавно Сурен Гегамович отправил в Лондон на имя профессора Мак Киссока небольшую посылку. В ящик было вложено несколько так называемых погружных ламп.

— Лобная лампа, которую я видел у англичан,— рассказывает нам Заграбян,— не дает возможности проникнуть так далеко, как наша. Мои английские коллеги не применяли в своей практике погружных ламп, что, несомненно, затрудняло ответственные этапы операции.

В дар английским врачам ушла маленькая посылка Сурена Заграбяна.

А. ЕФИМОВ

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Новый роман Олеся Гончара

Украинского писателя Олеся Гончара, как и всякого крупного художника, легко узнать по присущей только ему индивидуальной манере повествования. Гончара узнаешь по особой задушевности, по сказовой напевности авторской речи, по тому редкому умению стремительно развернуть повествование, построить сложный, многоплановый сюжет, в котором ощутимо отразятся и само дыхание истории, несколько медлительной в своем эпическом развитии, и бешеный бег событий, их напряженный драматизм, и та естественная перегруженность фактами, которыми богата жизнь. Вместе с тем через все это пройдет нить четкого авторского замысла, которая позволит разглядеть смысл разрозненных на первый взгляд действий, уловить логику исторического процесса.

Все эти черты столь емкой манеры Гончара присущи и его новому роману — «Перекоп»,— недавно вышедшему в авторизованном переводе И. Карабутенко и А. Островского в издании «Роман-газеты». Как многочисленные реки, увлекая множество речек и ручейков, катят свои воды в море, так и множество разнообразнейших событий и человеческих судеб устремляется в романе Гончара к грандиозному событию незабываемых лет революции и гражданской войны — героическому штурму Перекопа. Предыстория всех этих событий описана в предыдущем романе О. Гончара — «Таврия». Страницы нового романа овеяны пороховым дымом легендарных битв гражданской войны, кровавых сражений против белогвардейщины и интервентов.

Грозные иностранные дредноуты маячат у причалов Таврии. Изгнанные из Херсона греческие корабли ворвались в Хорлы, подняли пальбу, разворотили снарядами здание ревкома. Ведет в глубь Таврии свой небольшой отряд ревкомовцев бывший грузчик, а потом фронтовик Дмитро Килигей. И удивительно ли, что в каждом селе отряд Килигея пополняется новыми силами и скоро разрастается в грозную повстанческую армию. И такой гнев переполняет сердца повстанцев, такая жажда свободы у каждого, что от плохо вооруженных людей, многие из которых никогда раньше не держали в руках оружия, бегут не только потрепанные кадеты, но и чванливые, вооруженные до зубов интервенты.

И вот уже растет, ширится, гремит по всей Таврии слава повстанческой армии Килигея. Со многими героями знакомимся мы на первых страницах романа, но среди них больше всего, пожалуй, останавливает внимание юный Данько Яресько, недавний подпасок, а теперь ладный хлопец, лихой конник, чье сердце в эту горячую пору взволнована первая любовь. Любить бы ему в полную силу свою Наталку да трудиться на только что полученной земле,— так нет, суровое время заставляет мотаться в седле и лихо орудовать клинком.

С каждой главой романа все шире становится круг событий, попадающих в поле зрения читателя, и вместе с тем все плотнее концентрируются они вокруг главного — героического штурма Перекопа. И подлинной кульминации повествование достигает в последних главах, посвященных штурму Перекопа, переправе через Сиваш.

Тяжелой ценой добыта победа. Назначенный комендантом Перекопского вала Дмитро Килигей встречается с Данько Яресько на поле боя, где только что повержен враг. Закаленный в боях Килигей советует отъезжающему в школу красных командиров Даньке:

— А это, Яресько, навсегда запомни...

И молодой боец видит «бескрайнее перекопское поле боя под небом осенним с тысячами полегших в вечном порыве, навсегда окаменевших в штурме...» «Через всю жизнь,— замечает автор,— понесет Яресько это суровое зрелище в своем сердце».

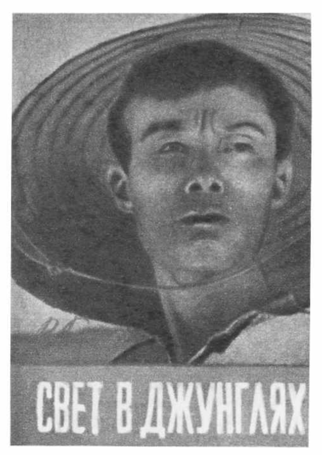
Думается, что это случится и с читателем, ибо лучшие страницы «Перекопа» трудно забыть.

Вл. НИКОЛАЕВ

Олесь Гончар. Перекоп. Роман. Гослитиздат. 1957. «Роман-газета», № 22. Стр.77; № 23, стр. 96.

Секрет удачи

Есть такая восточная пословица: «Чтобы понимать, нужно любить». Мудрые слова эти вспоминаются, когда читаешь книгу Романа Кармена «Свет в джунглях». В книге этой нет захватывающего сюжета, язык непритязателен, но читаешь ее от начала до конца с неослабевающим интересом.

Р. Кармену и двум его товарищам — кинооператорам В. Ешурину и Е. Мухину — посчастливилось стать очевидцами освободительной борьбы вьетнамского народа.

Много тысяч метров пленки сняли Р. Кармен и его товарищи во Вьетнаме. По экранам страны прошел умный, искренний фильм о Вьетнаме. Но сколько событий, сколько черточек жизни, характера народа не могло попасть в объектив киноаппарата! И на помощь кинооператору приходит журналист, записавший в блокнот беседу с президентом Хо Ши Мином и с крестьянином Нгуен Нонг Дао, мечты и дела доктора Фам Нгок Тхака, эпизод, когда военный политработник перед началом спектакля просил зрителей — солдат народной армии — не стрелять в актеров, исполнявших роли французских колонизаторов и вьетнамских помещиков.

Можно долго перечислять все то, чему читатель, не побывавший во Вьетнаме, стал свидетелем благодаря живым заметкам советского кинооператора. Но не только свидетелем. Каждый, кто прочел книгу, будто приобрел искренних друзей с именами, фамилиями, адресом.

Мне довелось видеть некоторых из них через год после того, как происходили события, описанные в заметках Р. Кармена. Я познакомился с переводчиком Ваном, поэтом Тхи, доктором Фам Нгок Тхаком. Я видел этих людей в мирной жизни. И могу сказать, что самоотверженная работа их в мирное время вызывает такое же восхищение, как и героическая борьба — в военное.

Кармен понимает Вьетнам, потому что любит его. Свою любовь он умело передает и читателю. В этом секрет удачи книги «Свет в джунглях».

Г. БОРОВИК

Р. Кармен. Свет в джунглях. Заметки кинооператора. «Советский писатель». 1957. Стр. 328.

Д. Н. Мамин-Сибиряк и В. Г. Короленко

В 1885—1886 годах Мамин, проживая в Москве, встречается с Н. Златовратским, В. Короленко, А. Эртелем. 18 ноября 1885 года он пишет матери: «Познакомился с Короленко... Очень солидный человек, хотя и молодой. Был в ссылке в Восточной Сибири и рассказывает про свое житье там интересные вещи». 7 марта 1886 года Мамин пишет об успехах Короленко: «Нужно радоваться, что является талантливый человек, ему и книги в руки».

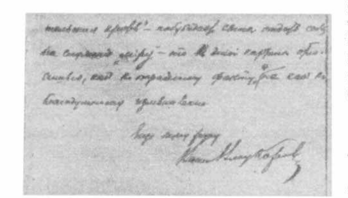
К 1887 году Мамин напечатал уже романы «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», рассказы «Бойцы», «Родительская кровь», «Летные». В 80-х годах начиналась широкая литературная известность Короленко. В письме брату в 1885 году В. Короленко писал, что его произведения в «Волжском вестнике» оплачиваются таким гонораром, который получает «только Мамин (Сибиряк)».

И. Г. Остроумов (1860—1939), секретарь редакции «Екатеринбургской Недели», зная Короленко со времен его пермской ссылки, в 1887 году обратился к нему с просьбой сотрудничать в газете. Владимир Галактионович ответил отказом, просил передать привет Мамину и попутно высказался о творчестве Мамина. Остроумов позже вспоминал «...Еще в 1887 г., когда я работал в «Екатеринбургской Неделе», В. Г. Короленко в своем первом письме ко мне просил передать Дмитрию Наркисовичу свой товарищеский привет,— очевидно, не сомневаясь, что я с Маминым часто встречаюсь в таком небольшом городе, как Екатеринбург в те годы».

О письме Короленко Мамин не узнал, так как Остроумов находился с ним в натянутых отношениях, по ряду вопросов полемизировал в печати.

Здесь впервые публикуется отрывок из письма В. Короленко И. Г. Остроумову о Д. Мамине-Сибиряке. Это письмо было найдено осенью 1957 года исследователем творчества Д. Мамина-Сибиряка А. Наумовой и хранится в Государственной ордена Ленина библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Б. УДИНЦЕВ

Если видаетесь с Маминым, передайте ему мой поклон. Вот хороша голова! Что он пишет слишком много,— это теперь общее место, избитый (хотя и справедливый, конечно) отзыв. Но что при этом он проявляет поразительный запас творческой силы,— это тоже несомненно. Писать так много — и при этом быть в состоянии давать такие картины, как, например: «Летные» в «Наблюдателе» — этому можно позавидовать. Вот М. Белинский [1] — тоже пишет много, но что это за писание: сухость, фальшь, ходульность. У Мамина же лица все живы, очерчены верно и сильно, точно высечены из уральского камня: грубовато, но крепко и талантливо. Я ужасно жалею, что, закружившись в Москве,— не успел с ним познакомиться поближе. Что мне особенно нравится в нем — это его «уральская» трезвость, несмотря на всю спешность работы,— всегда у него видна ясность ума, а в наше время это качество редкое: теперь даже в хороших людях заметно какое-то туманное, слякотное нытье, какое-то легковесное прекраснодушие, желание улизнуть от мрачной действительности в область хотя и фантастическую, но дающую возможность изливаться и чаять чего-то, на что нет никакой надежды. Вот Эртель какое-то все «интеллигентное сектантство» призывает, которое дескать должно внести в народ, к мужику «апофеоз труда»! В тумане, каким он облекает эту идейку — будто и маячит что-то; а сдуньте туман, переведите на простой язык,— выйдет просто призыв — поучать мужика труду, да еще физическому, а не тому, к чему действительно интеллигенция способна (в «Минеральных водах» доказывается, что интеллигенция ни к чему не способна). Вообще — это нечто «неподобное» и читая, поневоле, право, испытываешь неприятное инстинктивное ощущение — размягчения мозга. Ну, да я увлекаюсь немного рецензентской жилкой, мне отчасти присущей. Я хотел только сказать, что у Мамина бывают растянутости, длинноты, но никогда не бывает благодушных глупостей, и если он нарисует картину, как «родительская кровь» побуждает сына отдать себя на служение «миру» — то к этой картине относишься, как к отрадному факту, а не как к благодушному измышлению.

Еще жму руку.

Ваш Влад. Короленко.

---

[1] Максим Белинский — псевдоним писателя И. И. Ясинского (1850—1931).

Стекло из Карловых Вар

Зденек КРОПАЧ

Шестьдесят шесть лет назад, в 1892 году, на окраине западночешского города Карловы Вары некий Людвик Мозер построил небольшой стекольный заводик. В те времена курорт Карловы Вары уже начинал приобретать мировую известность. В чистенький городок в романтической долине, скрытой обступившими ее со всех сторон горами, начали съезжаться первые гости. В 1893 году курорт посетили тридцать пять тысяч больных.

Мозер решил использовать славу Карловых Вар в своих целях — поставлять богатым отдыхающим хрупкую стеклянную красоту: вазочки, рюмки, граненые бокалы для вина. Курортники начали увозить с собой небольшие стеклянные вещички; маленькая наклейка на их донышке разносила по свету имя «Мозер».

Нигде в мире не умели делать со стеклом такие чудеса, как карловарские мастера; никто не умел тонко выгравировать такие изящные узоры, орнаменты, рисунки. «Хорошим тоном» стало не только посещение Карловых Вар, но и приобретение местного стекла.

Стекло Мозера вызывало восхищение на выставках. Английский король, папа римский, а позже турецкое правительство и абиссинский император заказывали карловарское стекло для торжественных церемоний. На роскошном сервизе папы впервые в истории стекольного мастерства, был применен особый метод плоского гранения. До сего дня в профессиональной терминологии он носит название «папского гранения...»

Сын Мозера вел завод в духе старых традиций. В 1939 году он вынужден был бежать за границу, спасаясь от гитлеровских нацистов. Фашистская оккупация Чехословакии угрожала уничтожением доброй славы карловарского стекла. Это уже не были прежние хрупкие стеклянные вещички безукоризненного качества и красоты. Главное было количество; качество не интересовало немцев.

В освобожденной Чехословакии карловарское стекольное искусство достигло нового расцвета. Завод Мозера был национализирован и передан народу. Старые мастера вернулись к тонкой, скрупулезной работе, которая приносит их стеклянному чуду мировую славу. Вероятно, никто в мире не знает секрета сине-фиолетового александрита или золотисто-желтого элдора, которые украшают маленькие рюмочки ликерной коллекции. Великолепные стеклянные сервизы по-прежнему восхищают холодным блеском самых тонких ценителей. В 56 стран посылает карловарский завод винные гарнитуры, вазы, блюда, шкатулки, флаконы для духов.

На фабрике «Карловарское стекло» («Мозер») в Чехословакии. Франтишек Рорбах набирает стеклянную массу, чтобы создать тончайшие изделия.

Фото Александра Гампля, ЧТА.

Образцы чешского стекла марки «Мозер».

Изделия из чешского хрусталя марки «Мозер».

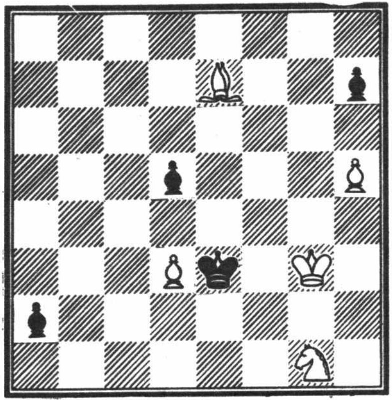

Под редакцией международного гроссмейстера
Сало **ФЛОРА**

«Красивая штучка!»

А. А. Троицкий, В. Н. Платов, Л. И. Куббель стали учителями группы шахматных композиторов, которые теперь занимают ведущее место в этой области искусства. В. Н. Платов считается одним из классиков шахматного этюда. Многие этюды он составил вместе со своим братом М. Платовым. Приводим один этюд братьев Платовых, опубликованный почти 50 лет тому назад.

В. и М. Платовы.

Белые начинают и выигрывают.

1. Се7—f6 d5—d4 2. Kgl—e2!! (Легко убедиться, что шаблонное 2. Kf3 приводит к ничьей после 2...alФ 3. С : d4 + Ф : d4 4. К : d4 Кр : d4 5. Крg4 Кр : d3 6. Крg5 Кре4 7. Крh6 Крf5) 2...a2—a1Ф 3. Ке2—с1!! Фа1—а5 4. Cf6 : d4 + и белые выигрывают. (Не помогает и 3...h6 4. Се5).

Хорошо известно, что В. И. Ленин увлекался шахматами, интересовался также шахматной композицией и прекрасно решал этюды и задачи. По поводу этюда братьев Платовых В. И. Ленин в письме к брату Д. И. Ульянову от 17 февраля 1910 года отозвался следующим образом: «...В Речи увидал сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился... Красивая штучка!»

А. Алехин—работник уголовного розыска

Известно, что чемпион мира Александр Александрович Алехин по образованию юрист. Он окончил Петербургскую школу правоведения. В 1920—1921 годах работал по специальности в уголовном розыске.

В справке Центрального государственного архива СССР говорится: «В документальных материалах архива и его фонда Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР (НКВД) в личном деле и списках сотрудников имеются сведения о работе Алехина Александра Александровича, 1892 г. рождения, в Главном Управлении милиции (Главмилиция) в должности следователя Центророзыска с 13-го мая 1920 г. по 13 февраля 1921 г.».

Перелистывая пожелтевшие страницы дела, мы нашли заявление А. Алехина о приеме на работу, в котором на листе ученической тетради размашистым, неровным почерком он писал: «Прошу зачислить меня на имеющуюся в настоящее время в вверенном Вам управлении вакантную должность. Александр Алехин. Москва.»

Более подробные сведения о работе Алехина в уголовном розыске мы получили из бесед с бывшим организатором и руководителем Центрального регистрационного бюро уголовного розыска доктором П. С. Семеновским. Он знал А. Алехина довольно близко, играл с ним в шахматы.

Очень часто около играющих собирались болельщики. Их поражала способность Алехина играть «вслепую» — не глядя на шахматную доску.

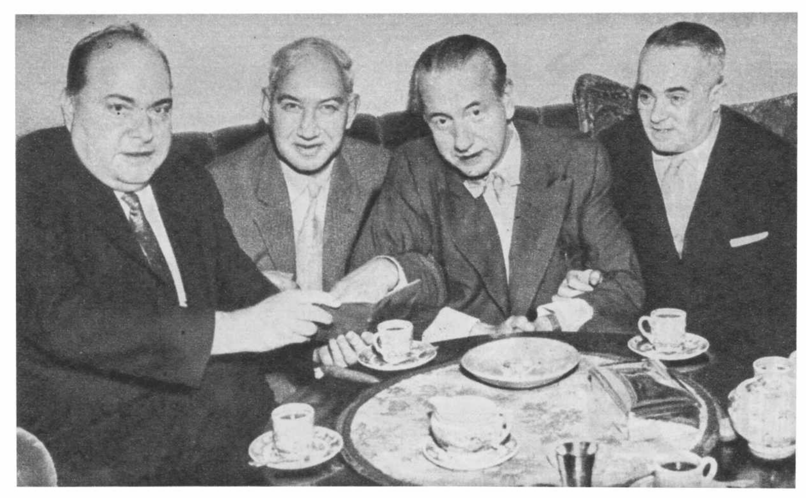
В молодом следователе П. С. Семеновский находил широко эрудированного собеседника.

Вспоминая Алехина, доктор Семеновский рассказывает, что он хорошо знал юриспруденцию, историю, литературу, свободно и занимательно говорил на эти темы, но Александр Александрович преображался, когда речь заходила о шахматах, о которых он мог с увлечением беседовать часами.

Л. РАССКАЗОВ

Победа юбиляра

В Гетеборге в январе состоялся турнир в честь 50-летия гроссмейстера Г. Штальберга. Из Советского Союза были приглашены его однолетки: В. Рагозин и С. Флор. Турнир прошел, как говорится, «в теплой и дружеской атмосфере». Он закончился победой юбиляра — более опытного шахматиста, чем «молодые» В. Рагозин и С. Флор, родившиеся на несколько месяцев позже.

Гроссмейстеры Г. Штальберг, В. Рагозин, президент ФИДЭ Ф. Рогард и гроссмейстер С. Флор.

XXV шахматный чемпионат СССР

В Москве шахматные турниры чаще всего проходят в Колонном зале Дома союзов, в Концертном зале имени Чайковского или в клубе железнодорожников. Для юбилейного чемпионата избран конференц-зал Дома науки в Риге. Шахматная «конференция» длится уже третью неделю в исключительно напряженной атмосфере. Рига охвачена шахматной горячкой. Это чувствуется на каждом шагу. Особенно рижане «болеют» за своего земляка М. Таля — симпатичного черноволосого чемпиона страны. Он собирает полный зал любителей. Когда у Таля был выходной день, в зале оставалось много свободных мест.

Большой симпатией у рижан пользуется также другой их земляк — светловолосый А. Гипслис. Но оба недавно огорчили рижскую публику. В пяти партиях с гроссмейстерами Гипслис набрал 3,5 очка, а затем встретился с мастером А. Суэтиным. Зрители уже готовились приветствовать земляка аплодисментами, но неожиданно нервы самого молодого участника турнира не выдержали. Он зевнул мат. Трудно описать, с каким плохим настроением болельщики покинули в субботний вечер Дом науки. Вдобавок к шахматной трагедии Гипслиса рижанам на следующий день испортил настроение Таль. Быстро проходило доигрывание незаконченных партий. Несыгранной осталась только одна: А. Банник — М. Таль. (Они играли пропущенную партию.) Это было, так сказать, соло, исполненное Талем, однако закончилось оно неудачно для чемпиона страны.

Какая неприятная неделя для шахматной Риги! Теперь Талю, очевидно, придется сдать титул чемпиона. Рижан волнует уже другой вопрос: войдет ли Таль в четверку, которая должна поехать в Порторож на межзональный турнир?

С завидным спокойствием ведет борьбу Б. Спасский. Он не пожалел даже своего тренера А. Толуша. После 12-го тура Спасский стал лидером чемпионата.

Первое поражение потерпел Е. Геллер от В. Корчного. Но все-таки Геллер настроен оптимистически и готовится к решающему финишу. Теперь только известная московская «шахматная крепость» — Т. Петросян устоял от поражения. Он наиболее близкий соперник Спасского.

В чемпионате трудно выиграть партию. Но если выиграть три партии подряд, естественно, акции резко повышаются. Это удалось сделать М. Тайманову. Появились единицы, вместе с ними улыбки и надежды на счастливое попадание.

Д. Бронштейн 30 января «отметил» день рождения Спасского, которому исполнился 21 год. После этого Бронштейн понял, что с такой щедростью можно не попасть в Порторож, и в превосходно проведенной партии нанес поражение Толушу.

Несомненно, Бронштейн и многие другие участники нервничают. Сыграно уже двенадцать туров, а конкурентов много. А. Котов после неудачи с Талем, Таймановым, Полугаевским больше не нервничает. Московский гроссмейстер считает турнир для себя законченным.

Трудно предсказать, кто же будет новым чемпионом страны. Что же касается отбора на межзональный турнир в Портороже, можно сказать, что хорошие шансы имеют Спасский и Петросян. За два остальных места предстоит напряженнейшая борьба между Ю. Авербахом, Д. Бронштейном, И. Болеславским, Е. Геллером, М. Талем и М. Таймановым. В этой шестерке все, кроме Болеславского, в прошлом были чемпионами СССР. Теперь требуются максимальные усилия, чтобы попасть на 4-е место. Вот какая пошла трудная жизнь!

Что же требуется от участников в заключительной стадии чемпионата? Конечно, искусство, но не только оно. Вопрос решат прежде всего нервы и еще раз нервы.

г. Рига.

Интересная партия

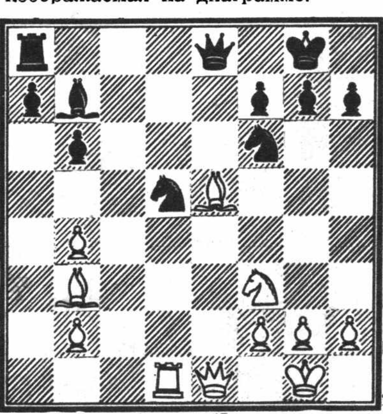
Все шахматисты до сих пор хорошо помнят последний тур в предыдущем чемпионате страны. Игралась решающая партия: М. Таль — А. Толуш. Победа рижанина Таля означала для него многое: первое место, звание чемпиона СССР и титул гроссмейстера.

Партнеры последнего тура прошлого чемпионата встретились в Риге в XXV чемпионате в первом же туре. Интересно. Реванш? Нет, реванш не состоялся. Снова победил Таль.

Приведем поединок из первого тура:

Защита Нимцовича.
М. Таль — А. Толуш

В хорошо изученном модном варианте после 1. d2—d4 Кg8—f6 2. с2—с4 е7—е6 3. Кb1—с3 Cf8—b4 4. е2—е3 с7—с5 5. Кg1—f3 d7—d5 6. Cf1—d3 0—0 7. 0—0 Кb8—d7 8. а2—а3 с5 : d4 9. Кс3 : d5 е6 : d5 10. а3 : b4 d5 : с4 11. Cd3 : с4 Кd7—b6 12. Сс4 — b3 d4 : е3 13. Сс1 : е3 Кb6—d5 14. Се3—с5 Лf8—е8 15. Лf1—е1 Ле : е1 + 16. Фd1 : е1 b7—b6 17. Сс5 — d4 Сс8—b7 (лучше было 17... Cf5) 18. Ла1—d1 Фd8—е8 19. Cd4—е5 получилась позиция, изображаемая на диаграмме:

Внешне позиция кажется простой и примерно равной. На самом деле два слона белых «кусаются» и у черных серьезные затруднения. Толуш долго думал. На 19...Лd8 следует 20. Фd2 с неприятной связкой. В случае же 19...К : b4 белые могут играть просто 20. С : f6 или еще сильнее, как показал Таль, 20. Ф : b4 С : f3 21. Ле1 Cb7 22. С : f6 Фс6 23. С : f7 + Крh8 24. С : g7 + Кр : g7 25. Cd5 Ф : d5 26. Ле7+ с неотразимой атакой у белых. Поэтому Толуш искал контригру ходом: 19... Фе8—b5 20. Се5 : f6 g7 : f6 (делать такие уродливые ходы, конечно, неприятно. И Толуш сделал его не от хорошей жизни. Он, конечно, понял, что и после 20...К : f6 21. Фе7 Cd5 22. С : d5 К : d5 23. Фb7 черные медленно, но верно гибнут. А это не в шахматном характере бодрого Александра Толуша. Он предпочитает погибать стоя!). 21. Фе1—е4 Фb5 : b4 22. Кf3—d4 f6—f5 23. Фе4—е5 Кd5—е7 (или 23...Фе7 24. Фg3+ и белые выигрывают). 24. Фе5—f6 Cb7—d5 (атака Таля стала неотразимой. На 24...Лf8 выигрывает быстро 25. h3 Cd5 26. Лd3) 25. Кd4—с6! (Эффектный ход, вызывающий восторг и аплодисменты у рижан.) 25... Фb4 : b3 26. Кс6 : е7+ Крg8—f8 27. Лd1—е1 Cd5—е6 28. Ке7 : f5 черные сдались.

Гроссмейстер Михаил Таль.

Дружеский шарж Л. Самойлова.

14 февраля — 8-я годовщина Советско-Китайского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи

ПЕКИНСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Л. КАССИС

Школьница.

Кто бы из советских людей ни побывал в Китае — будь то ученый, инженер или просто турист,— все неизменно становятся влюбленными в эту замечательную страну, ее чудесный народ.

Прожив в Китае два с лишним года, мне приходилось встречать людей самых различных профессий и возрастов, людей с разными характерами и разного социального положения. Они и сейчас как бы стоят перед глазами — грузчики шанхайского порта и рабочие пекинских заводов, делегаты слета передовиков производства и артисты Шаосинской музыкальной драмы, крестьяне из кооперативов и пионеры, студенты, врачи, учителя — все, кого мне посчастливилось рисовать или просто видеть...

Вспоминается день, когда я впервые решилась рисовать на улицах Пекина. Первое же мое «приземление» вызвало такое стремительное скопление народа, что регулировщик с перекрестка прибежал выяснять, не случилось ли какого происшествия. Увидев, что несчастного случая не произошло, милиционер вежливо попросил толпу разойтись и удалился

В бывших императорских дворцах и древних парках — повсюду дыхание новой жизни. Это парк Бэйхай.

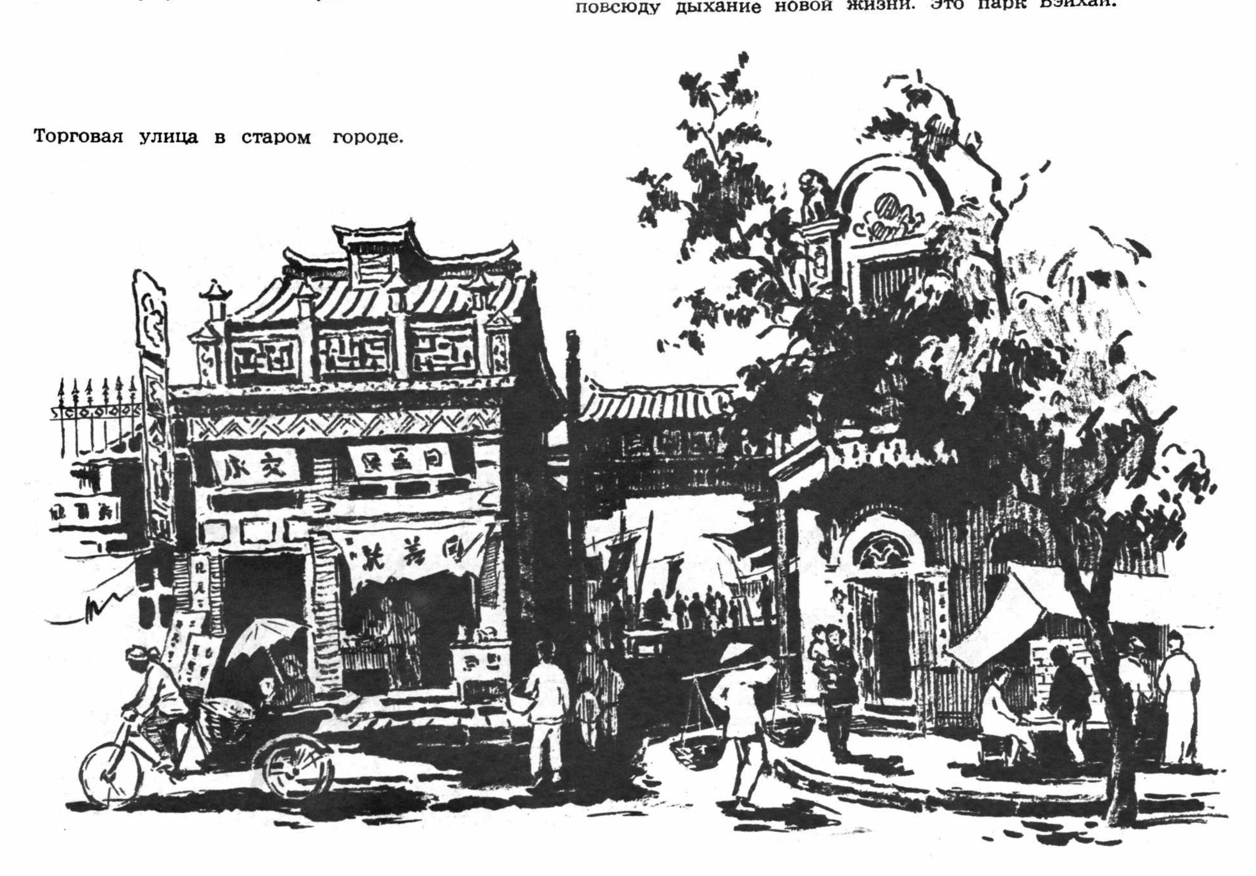
Мастер по перегородчатой эмали Лю Бао-цай.

на свой пост. Дальнейшую заботу о регулировании уличного движения около меня взяли на себя горластые мальчишки...

Рисовать в тот день пришлось мало. Рисунок изображал в основном крыши — то единственное, что было видно поверх голов... Однако как в этот раз, так и позднее самый факт, что советский художник рисует китайские улицы, вызвал горячие симпатии окружающих.

Художник Н. Н. Жуков, недавно побывавший в Китае, рассказывал, что ему хотелось там рисовать буквально каждого человека. Это действительно так: хочется рисовать и вихрастого мальчишку, поблескивающего черными угольками лукавых глаз, и девочку, у которой такое светлое имя — Ай Пин, что значит «любить мир», и степенного старца, пекинского старожила...

Торговая улица в старом городе.

Пекинский старожил.

На улицах Пекина много таких книжных киосков и читален под открытым небом. Тут всегда, как нахохлившиеся воробьи, сидят дети, уткнувшись носами в книжки-картинки. Здесь они могут узнать историю «Белой змейки», прочесть чудесную сказку «Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай» или узнать о подвигах Матросова, Олега и Зои. Вся ребятня в Пекине знает русское «здравствуйте», и даже самые маленькие моментально распознают в толпе советских людей и с удовольствием приветствуют их раскатистым «здрррас-ста-ти!»

Такие витрины Общества китайско-советской дружбы установлены во всех районах города. Здесь постоянно толпятся люди. Рассказывают ли фотографии о подвигах советских покорителей целинных земель или о творчестве Льва Толстого, выставлены ли репродукции картин Репина или снимки артистов новосибирского балета,— все становится предметом самого живого обсуждения, вызывает увлекательный разговор.

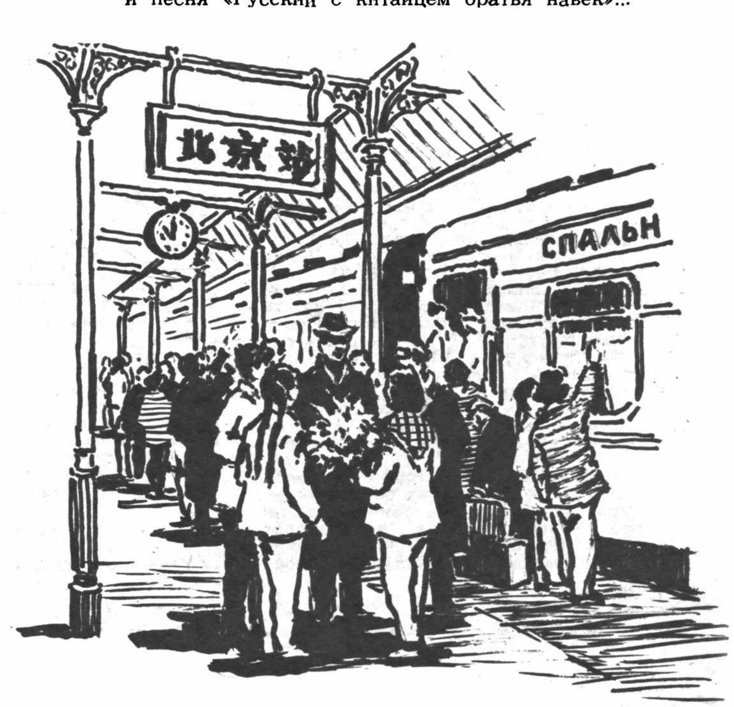

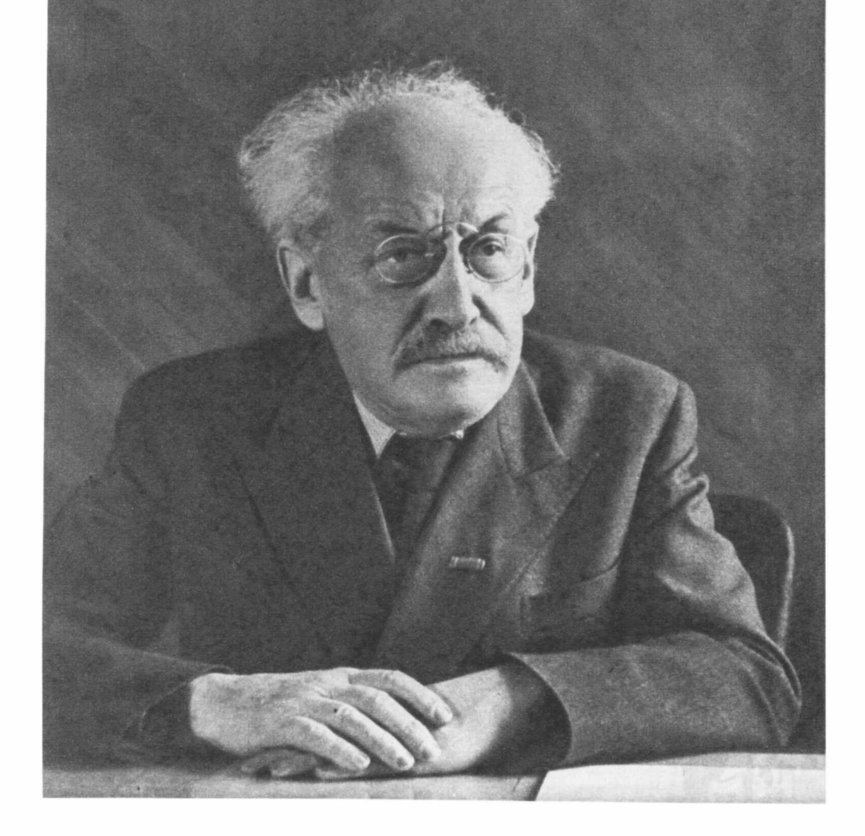
Передовик труда шахтер Лю Цзю-сюэ.

Когда я приехала, на западе Пекина были пустыри и одноэтажные, невзрачные лачуги. Когда уезжала, здесь уже вырос новый Пекин. Поднялись кварталы больших домов, пролегли широкие улицы, по которым ходят нарядные троллейбусы отечественного производства.

Пекинский вокзал. Встречи и проводы скорого поезда Москва — Пекин всегда вызывают волнение, превращаются в демонстрацию советско-китайской дружбы. Пекин тепло принимает советских специалистов, которые приезжают помогать на стройках китайской пятилетки. Тысячи китайских практикантов-студентов ежегодно выезжают в Советский Союз на учебу, на наши заводы, фабрики... Крепкие рукопожатия, букеты живых цветов, теплые слова привета и песня «Русский с китайцем братья навек»...

НАШ УЧИТЕЛЬ ЗДЕНЕК РОМАНОВИЧ

К 80-летию президента Чехословацкой Академии наук Зденека Неедлы

Этот худощавый невысокий человек с ясными, лучистыми глазами, уже убеленный сединами, но по-юношески гибкий и стремительный, был, казалось, вездесущ. Годы, когда его родина была захвачена гитлеровцами, Зденек Неедлы — Зденек Романович, как величали мы его на русский лад,— провел в Советском Союзе. Тогда вы могли встретить его окруженным студентами в Московском университете, и за столом заседаний Института истории Академии наук, и в студии радиовещания, и на митинге в цехе московского завода. Он чувствовал себя у нас, как дома, и не уставал повторять это. Русский язык был для него давно «обжитым»: ведь еще задолго до войны, в буржуазной Чехословакии, он возглавлял им же основанное общество чехословацко-советских культурных связей.

На русском языке читал Зденек Романович лекции по истории Чехословакии в университете. Помнится, как внимательно затихала студенческая аудитория, следя за мастерски нарисованными картинами героического прошлого братской славянской страны, давшей миру Яна Гуса, Амоса Коменского, Бердржиха Сметану, Юлиуса Фучика. С каким патриотическим гневом говорил он о поработителях своего народа, будь то австрийские Габсбурги или варвары XX века — гитлеровские палачи! Его речь не могла не волновать: это была сама жизнь, суровая действительность войны, на полях которой совместно проливалась кровь и на всех скреплялась историческая дружба наших народов. Яркая эмоциональность лекций Зденека Неедлы сочеталась с глубоким анализом истории страны, с тонким знанием ее материальной культуры, особенно чешской...

В уютной квартире на улице Чкалова, где жил в те годы Зденек Романович, о его родине напоминала большая библиотека с ценнейшими книгами по истории Чехии. Здесь всегда бывало много народу: надо по совести сказать, что студенты и аспиранты нередко злоупотребляли удивительной отзывчивостью профессора. Часто тут же возникали споры, и Зденек Неедлы с молодым пылом принимался «дирижировать» этими импровизированными научными конференциями, которые затягивались на долгие часы. Только укоризненные взгляды Марии Арноштовны, супруги профессора, напоминали гостям, что пора и честь знать. Сам же Зденек Неедлы словно не знал устали.

Поражала разносторонняя одаренность и блестящая общая культура Зденека Романовича. Как-то раз ученый озадачил нас заявлением, что он... вовсе не историк. Среди смеха и протестующих восклицаний он уточнил, что, строго говоря, является скорее музыковедом и историком музыки. И в доказательство тут же сел к роялю. Играл он мастерски, с той особой вдумчивостью, которая дается тонким и глубоким знанием композитора и его произведений. Зденек Романович играл нам и произведения сына своего, Вита Неедлы, талантливейшего молодого композитора, пламенного патриота, безвременно окончившего жизнь на фронте, в рядах сформированной в Советском Союзе чехословацкой армии. Вспоминается, с каким несгибаемым мужеством встретил Зденек Неедлы эту тягчайшую потерю...

В тесной семье советских ученых-славистов Зденек Неедлы заботливо растил молодое поколение историков-славяноведов, прививая им свою беззаветную преданность науке, любовь к истории славянства и, разумеется, к истории своей родины. Он умел помогать творческой работе и поддерживать научные искания молодых ученых, делая это с какой-то особой, «неедловской» ласковостью и в то же время требовательной страстностью.

Пришел наконец день, которого так жадно дожидался Зденек Неедлы: Чехословакия была освобождена от гитлеровских оккупантов. Он засобирался домой, в родную Прагу. Но по-прежнему теснился народ в его квартире, где уже укладывались чемоданы и увязывались книги. Он говорил нам, что расстояние между Москвой и Прагой невелико, что научные связи между нашими социалистическими государствами будут с каждым днем крепче...

Академик Зденек Неедлы, президент Чехословацкой Академии наук, остался верен своему слову: научное славяноведение обеих стран живет ныне совместной, плодотворной, творческой жизнью.

Незадолго до отъезда — весной 1945 года — Зденек Романович говорил нам, что его пребывание и работа в Советском Союзе не просто эпизод, а этап в его жизни, что он здесь не только учил, но и учился. «И в восемьдесят пять лет не поздно начать изучать что-нибудь»,— сказал он на прощание одному из наших историков-славистов.

Ныне отмечается восьмидесятилетие со дня рождения Зденека Неедлы. Не верится, что за плечами нашего Зденека Романовича такой возраст. Он навсегда запечатлен в нашей памяти молодым душой, неистощимым на веселую шутку и искренний смех. Над такими людьми не властна старость.

В. КОНДРАТЬЕВА,
Н. РАТНЕР,
научные сотрудники АН СССР

АБСОЛЮТНЫЙ ЧЕМПИОН

Олег Гончаренко — сильнейший скороход Европы

В небольшом промышленном городке, расположенном в 115 километрах западнее Стокгольма, проходили соревнования сильнейших конькобежцев Европы. В Швеции в эти дни, к сожалению, потеплело. В Стокгольме были закрыты катки, на льду стояла вода. У перил парков, где расположены катки, собирались ребята с коньками, перекинутыми через плечо.

Мы едем в промышленный городок Эскильстуна. Солнце всегда радует, но сегодня хотелось бы, чтобы оно не так яростно палило каменные земли Швеции. Едем по извилистому шоссе. То и дело огибаем выступающие из земли гигантские глыбы камня. Веселое редколесье вокруг — березки, ели, сосны... Аккуратные красные домики фермеров. А на льду озер, мимо которых мы проезжаем, вода.

И вот мы уже на месте. Над небольшим летним стадионом знамена двенадцати стран. Третье слева — багряное шелковое знамя Советского Союза.

То и дело сюда подъезжают машины. На стадион идут целыми семьями.

Поле залито водой лишь по краям. На середине огромными рыжими пятнами виднеется желтая, прошлогодняя трава.

Все трибуны заполнены. Жители ближайших домов раскрыли окна и смотрят на соревнования в бинокли.

Фанфары играют начало соревнований. А лед будто отсыревший, подмоченный.

В первый день состязаний в беге на 500 метров победу с одинаковым результатом разделили Борис Шилков и швед Г. Стрем. Следующую дистанцию, на 5 тысяч метров, выиграл чемпион мира прошлого года Кнут Юханнесен.

Давно уже многие специалисты и журналисты пророчили ему звание чемпиона Европы. Называли его «претендентом № 1». Он сейчас действительно находится в хорошей спортивной форме, и последние его результаты могли давать основания для подобных заключений. Однако и советские скороходы показали хорошую форму, к тому же среди них появился молодой способный конькобежец В. Шилыковский, который особенно хорошо зарекомендовал себя на длинных дистанциях.

Следующий день начался соревнованием на 1 500 метров.

Первый блин получился комом. Конькобежцы при переходе с дорожки на дорожку столкнулись. Им запретили продолжать соревнование.

Во второй паре бегут Олег Гончаренко и швед Бертель Энг. Соревнование проходит очень напряженно. Все ждут финиша. И вот результат — Гончаренко закончил дистанцию за 2 минуты 18,9 секунды, а швед отстал на 5 секунд.

В девятой паре бегут финн Тойво Салонен и норвежец Роальд Ос. Эти спортсмены берут очень быстрый темп. Радио объявляет, что они оба проходят лучше Гончаренко. Раздаются аплодисменты. Второй круг они пробежали на уровне Гончаренко. Возгласы немного утихают. На третьем круге спортсмены теряют темп и плохо финишируют. Стадион замолкает.

Никому не удалось улучшить результат советского скорохода. Олег Гончаренко завоевал первое место. Ему вручают букет красных роз. Зрители дружно аплодируют.

Объявляется перерыв. Дальше следуют соревнования на самую длинную дистанцию (конькобежный марафон) — 10 тысяч метров.

Уже четвертый час. Солнце ушло за лес. Ощущается небольшой морозец. Лед из серого, сырого превратился в бело-голубой. Дорожки хорошо расчищены.

Большой интерес представляло соревнование норвежца Кнута Юханнесена и Владимира Шилыковского. Их забег вызвал неумолкающие аплодисменты. Стадион гудел. Норвежец ушел вперед, и казалось, что Шилыковский идет за ним словно на резиновой веревке, которая то растягивается, то вновь сокращается.

Победил норвежец с результатом 17 минут 27,7 секунды. Шилыковский отстал на две с лишним секунды. Стадион бурно аплодировал норвежцу.

В седьмой паре бежал Олег Гончаренко с финном Юхани Ярвиненом. Москвич сразу рванулся вперед и в течение всей дистанции не уступал первенства.

Соревнования закончились около 7 часов вечера по местному времени. Над стадионом взвился флаг Советского Союза. Послышался гимн нашей Родины. Олег Гончаренко по сумме очков четырех дистанций стал победителем и абсолютным чемпионом Европы. Он взошел на пьедестал, на него надели лавровый венок. Советского спортсмена наградили долгими аплодисментами, и потом товарищи на руках унесли его со стадиона.

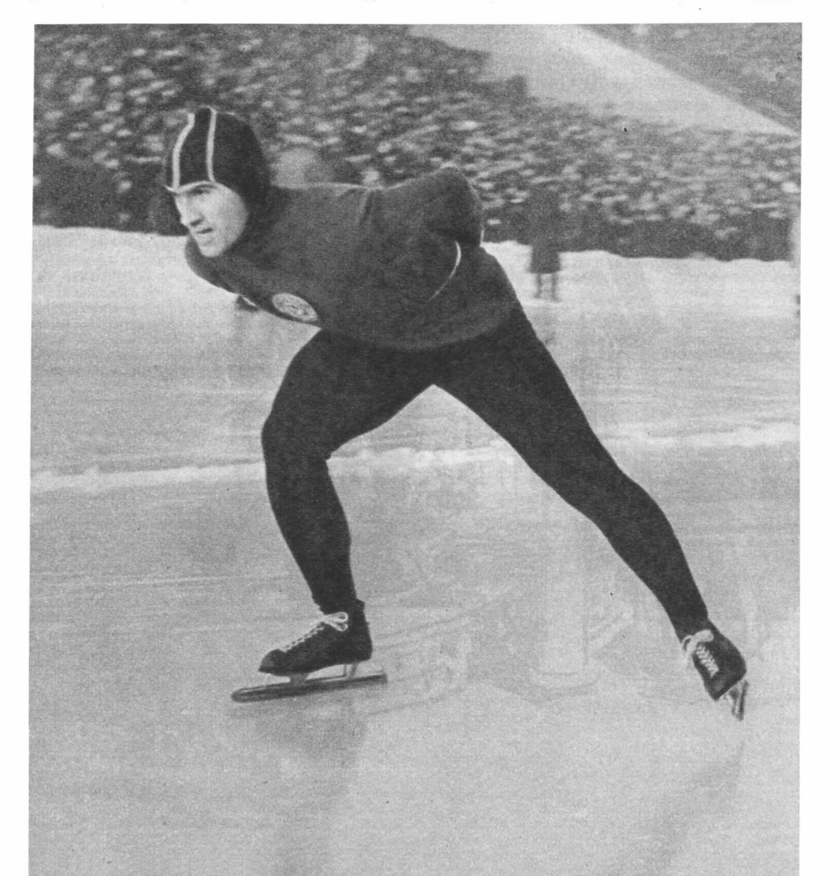
Шведские газеты поместили портреты Олега Гончаренко.

Второе место занял В. Шилыковский и лишь третье — К. Юханнесен, четвертое — Р. Меркулов и пятое — Т. Сейерстен. Таким образом, трое советских спортсменов оказались в первой пятерке. Это несомненный успех.

Ив. ГОРЕЛОВ

Эскильстуна.

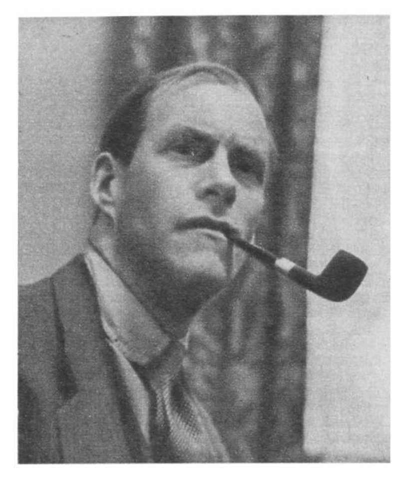
Олег Гончаренко.
Фото А. Бочинина.

АМЕРИКАНСКИЕ ГОСТИ

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото С. Фридлянда.

ФРЕНСИС ГРАНТ: «Мы надеемся, что наше первое посещение не будет последним и что мы сможем внести вклад в дело сотрудничества между преданными своему делу работниками медицинской науки в СССР и США».

Мы беседовали с ними в московской гостинице «Савой». В комнатах чувствовалось приближение часа отъезда: на столах и подоконниках лежали русские книги и альбомы, свертки в гумовской фирменной упаковке, сувениры, в том числе неизменные ленинградские куклы-матрешки и высокие меховые шапки «гоголь», которые пользуются успехом у всех иностранцев...

Френсис Грант — один из директоров компании «Смит, Кляйн энд Френч лаборатория» — со своими коллегами-медиками находился в Советском Союзе в те самые дни, когда между США и СССР было заключено соглашение в области культуры, техники и образования.

Мистер Грант познакомил нас со своими спутниками. Они тоже работают в этой компании, которая занята производством лекарственных препаратов и научно-исследовательской работой в этой области. Доктор Чарльз Скалл — биохимик, доктор Морис Ненс — терапевт, директор клинической обследовательской лаборатории компании.

— Я не могу, к сожалению, представить вам профессора Хорсли Гентта,— сказал Френсис Грант,— он уехал в гости к своим старым друзьям...

— Старые друзья? В Москве?

— У него их много! Но он лучше расскажет об этом сам, когда вернется...

Мистер Грант знакомит нас с новыми исследовательскими работами, которые проводит компания. Она выпустила ряд лечебных препаратов, действующих дольше, чем обычные лекарства. Нам показывают маленькую капсулу. В ней содержится до пятисот крупинок, напоминающих те, какие обычно прописывают врачи-гомеопаты. Крупинки имеют оболочку различной крепости, поэтому они медленно разрушаются в организме человека, постепенно всасываются в кровь и, таким образом, действуют на протяжении двенадцати часов.

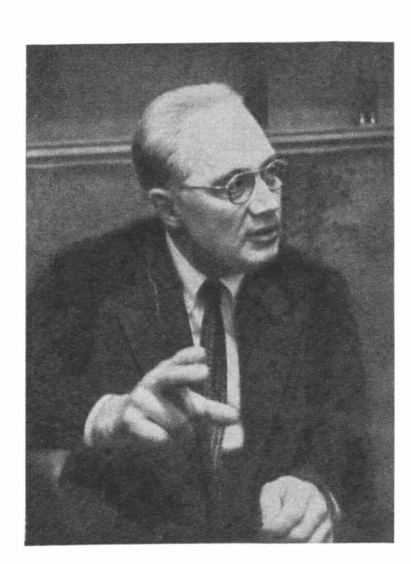
— Вроде как бы долгоиграющие пластинки? — заметил я.

— Вот именно! — оживился Грант.

Американские гости довольны своими встречами с советскими учеными. Кроме Москвы, они побывали в Ленинграде и Харькове, посетили ряд научно-исследовательских институтов, заводов, лабораторий.

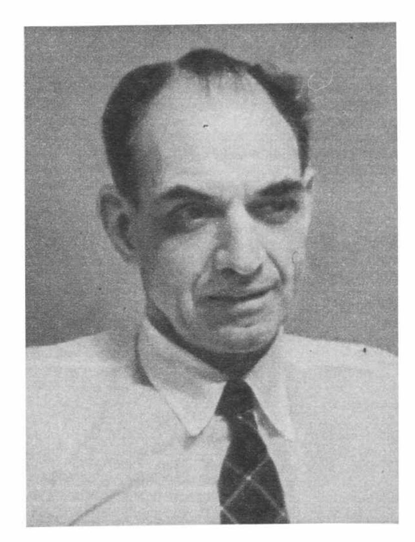
— Мы видели все, что успели посмотреть,— сказал мистер Грант,— и это было очень интересно и полезно. Бесспорно, что и советская делегация, которая выезжает в США, почерпнет там для себя много поучительного. Разобщенность между нашими странами только вредит прогрессу науки. Мы увидели, что американские и советские ученые работают над разрешением одних и тех же проблем, и их содружество будет несомненно плодотворным.

...Застать профессора Хорсли Гентта оказалось нелегко: он был занят многочисленными делами в Москве. Зато встретившись с ним, мы были приятно поражены тем, что американский гость почти свободно говорит по-русски.

ЧАРЛЬЗ СКАЛЛ: «Я искренне надеюсь, что мы сможем принять делегацию Советского Союза, которая приедет в США, с таким же сердечным гостеприимством, с каким Министерство здравоохранения СССР принимало нас во время нашего визита в Москву, Ленинград и Харьков. Я также надеюсь, что этот обмен — только начало».

— Я был в Советском Союзе еще в 1922 году, а затем прожил в Ленинграде около шести лет,— сказал Гентт.— Приехал я молодым врачом, прямо с университетской скамьи, и совершенствовался под руководством великого русского ученого Ивана Петровича Павлова, которого считаю своим учителем.

ХОРСЛИ ГЕНТТ: «Я посвятил шесть лет своей жизни изучению методов и работы великого ученого Ивана Павлова. В течение двадцати пяти лет я старался распространить учение Павлова в Америке и развивать отношения между учеными СССР и США. Наши ученые очень интересуются научной работой, проводимой в Советском Союзе. Я думаю, что мы можем поучиться друг у друга и наши дружеские отношения будут способствовать укреплению мира во всем мире, который необходим всем нам».

Хорсли Гентт — профессор-психиатр. Он заведует Павловской лабораторией медицинского колледжа университета Джона Гопкинса в Балтиморе. Им написано около двухсот научных работ, связанных с разработкой павловского учения об условных рефлексах. Он также перевел ряд трудов советских ученых на английский язык. Им издана в Нью-Йорке «История русской медицины», а недавно вышла в его переводе книга действительного члена Академии медицинских наук СССР К. М. Быкова «Кора головного мозга и внутренние органы».

Хорсли Гентт рассказал о Павловской лаборатории в Балтиморе. Она небольшая, в ней всего десять научных сотрудников, и заняты они разработкой ряда проблем, в том числе проблемы условных рефлексов сердца.

— Конечно,— продолжал он,— в вашей стране эта научная работа ведется в большем объеме, чем в других странах, и советские ученые в этой области ушли дальше своих зарубежных коллег. Поэтому для меня поездка была особенно интересна. Я увожу с собой много ценных научных книг, докладов и рефератов.

Хорсли Гентт показывает несколько книг.

— Это подарки от моих друзей,— поясняет он и, взяв в руки сонеты Шекспира, читает надпись, сделанную по-английски на заглавном листе: «Другу Хорсли Гентту с наилучшими пожеланиями. С. Маршак».

— Вы знакомы?

— Еще с тех времен, когда я работал у Павлова. Самуил Яковлевич подарил мне также английские народные сказки в своем переводе. Вот и надпись автора: «Энди и Перки с наилучшими пожеланиями. С. Маршак». Это подарок моим детям. И хотя Энди уже двадцать лет, а Перки — восемнадцать, они будут искренне благодарить своего московского друга.

Профессор показал также книги, преподнесенные ему с дарственными надписями писателем Корнеем Чуковским, на даче у которого он провел весь воскресный день. Американский ученый и советский писатель дружат давно, и встреча их носила задушевный характер.

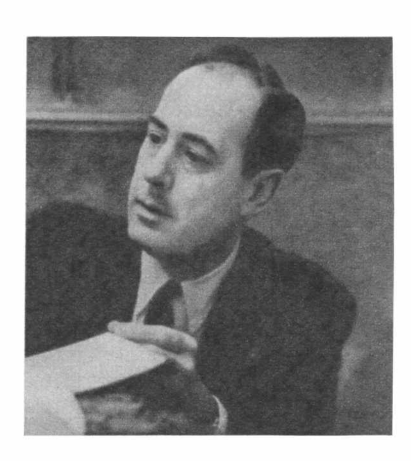
— Жаль, что я в Москве мало фотографировал,— замечает профессор.— Знаете, времени не хватало. А вообще я люблю фотографию. Работая у Павлова, я очень часто снимал своего любимого учителя. Иван Петрович сказал как-то, что у меня будет самая большая коллекция его фотографий. Так оно и есть, пожалуй. Много снимков я опубликовал в своих научных трудах.

На прощание американские гости выразили желание написать несколько строк читателям «Огонька». Мы помещаем их под фотографиями.

* * *

Через несколько дней после нашей беседы, уже накануне отъезда, американские гости встретились с советскими учеными, которые готовились к поездке в США. Член коллегии Министерства здравоохранения СССР, кандидат технических наук А. Г. Натрадзе, профессор Г. Н. Першин, инженер Д. Х. Скалабан, инженер С. П. Смиренский и младший научный сотрудник М. Н. Ушакова дружески пожали руки своих американских коллег:

— До скорого свидания!..

МОРИС НЕНС: «Я хочу выразить мою благодарность за внимание, оказанное всеми, с кем мне довелось встречаться. Гостеприимство и дружба всех ученых и работников Министерства здравоохранения СССР, институтов и лабораторий, которые мы посетили, были искренни и сделали мое пребывание приятным».

За ареной цирка

Андрей **НОВИКОВ**

Кто из нас не бывал в цирке! Кто не любит цирк! Но не всякому удалось проникнуть за арену, туда, где репетируют, готовятся к выступлению, отдыхают наши любимцы.

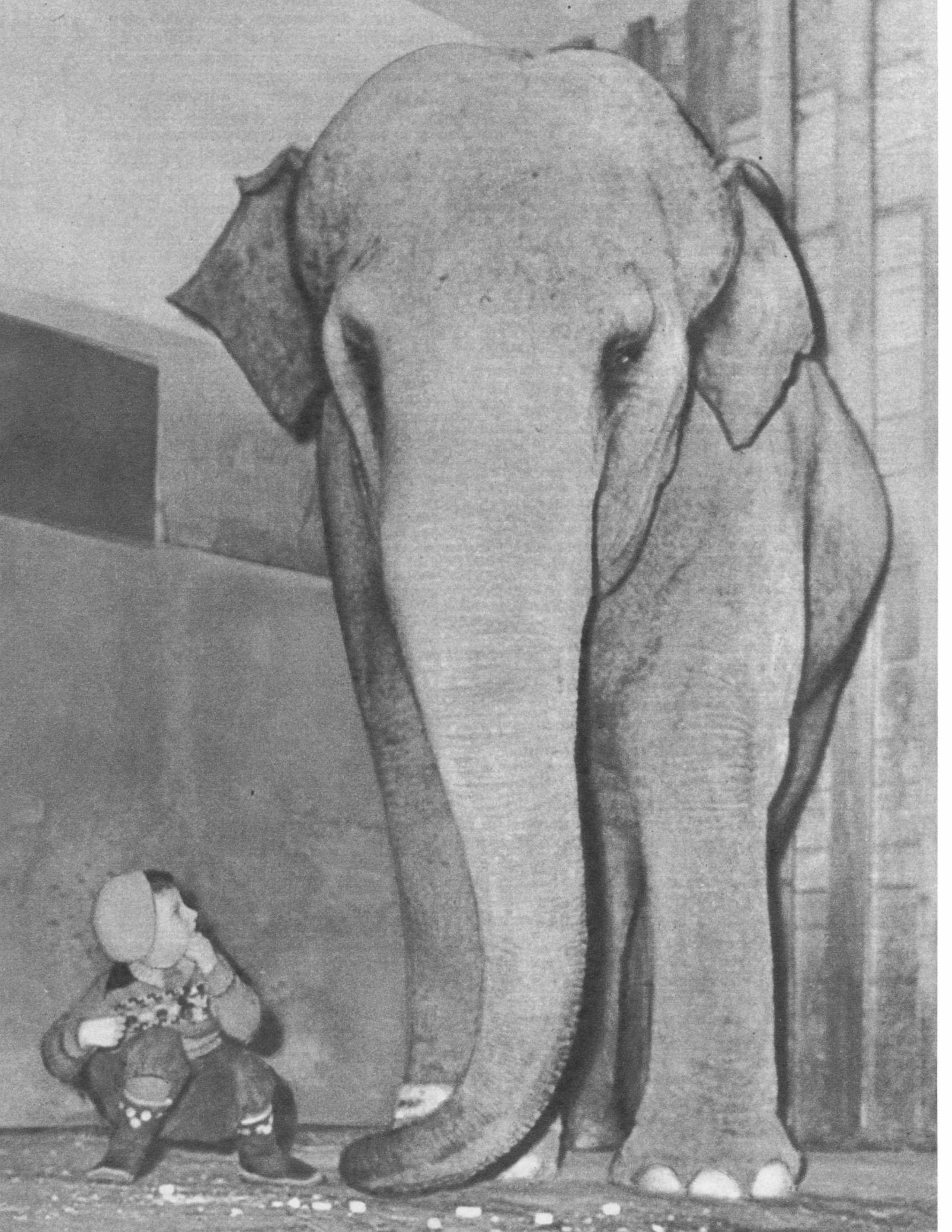
Посмотрим же, чем они там заняты...

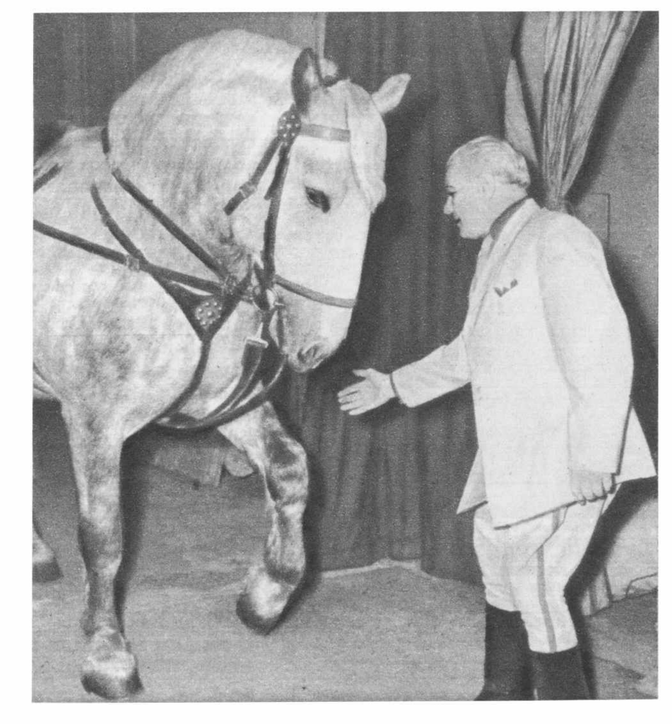
Мы побывали за ареной московского Государственного цирка.

Трудовой день в цирке начинается «с петухами».

Каждый из обитателей конюшни по-своему напоминает, что пора завтракать.

↓ Два друга: Игорь и Рези.

«Урок грации». Преподает заслуженный артист РСФСР А. С. Серж-Александров.

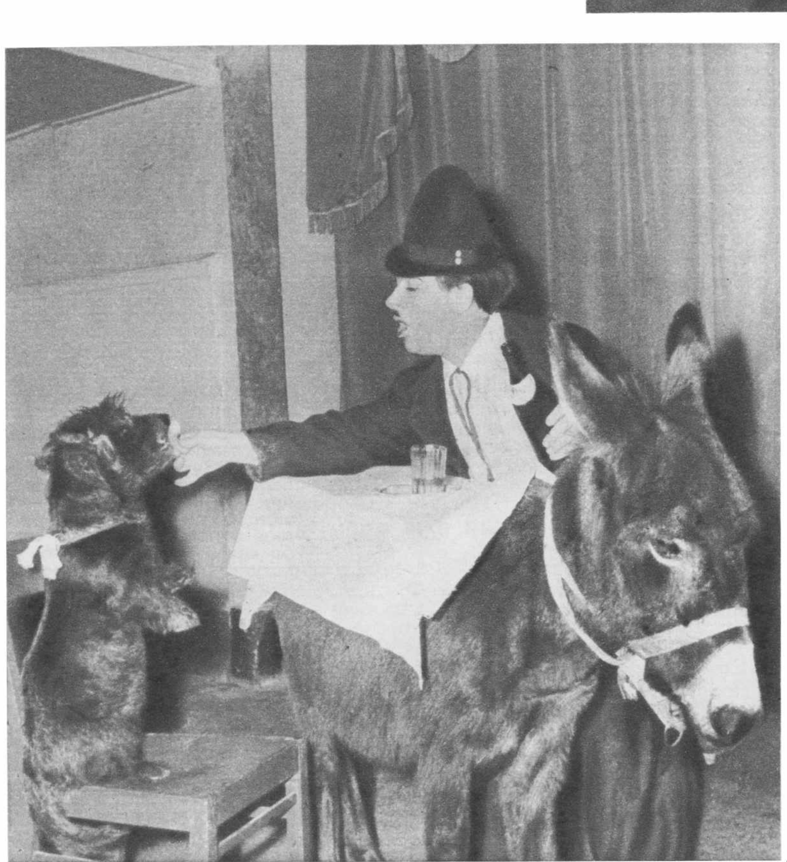

На приеме у главного администратора П. А. Пендюрина. Народного артиста РСФСР В. Г. Дурова сопровождает морской лев Люба.

Пожалуйста, проходите!

Бегемота зовут «Малышка». Соответственный у него и ротик...

Стол накрыт. Пушок получает от Карандаша (заслуженного артиста РСФСР М. Н. Румянцева) свой завтрак.

Идет второе дневное представление. Людоед Бармалей (артист Юрий Никулин) проголодался и с удовольствием съел бы сейчас даже вегетарианское блюдо.

Наконец-то все улеглись, и верблюд Коля, тяжело вздохнув, может спокойно закрыть глаза до утра.

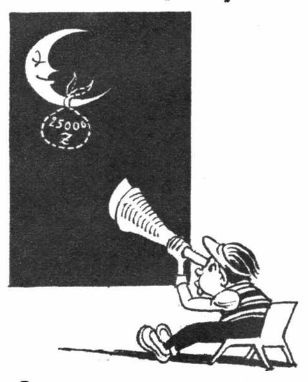
Между прочим

Лучше поздно, чем никогда

Руководители государственной психолечебницы в городе Колумбус (США) после многолетнего перерыва решили произвести инвентаризацию имущества больницы, а также пересчитать всех больных. К величайшему изумлению персонала, было установлено, между прочим, что старейший обитатель лечебницы, 70-летний Гарри Гэйдж, еще двадцать девять лет тому назад был признан врачебной комиссией совершенно здоровым и тогда же должен был быть освобожден из сумасшедшего дома. Однако его семье и ему самому забыли сообщить эту радостную новость, и только теперь, спустя двадцать девять лет, он вышел на свободу.

Журнал «Нейе берлинер иллюстрирте» (ГДР).

Газета не рискует...

Запуск искусственных спутников Земли вызывает оживленные отклики во всем мире. Газета «Фатерланд», издающаяся в Иоганнесбурге (Южно-Африканский Союз), объявила, что выплатит 25 тысяч фунтов стерлингов первому южноафриканцу, который достигнет Луны и пришлет оттуда в редакцию репортаж. Условия остаются в силе в течение десяти лет.

Газета «Либерасьон» (Франция).

Преступление и наказание

Спасаясь от постоянных домашних скандалов и тяжелого характера своей супруги, некий Кайзер из Берна в один прекрасный день покинул дом, не оставив супруге ни денег, ни своего нового адреса. Энергичная женщина, однако, не растерялась и поместила в газетах объявление о собственной кончине. На следующий день муж возвратился домой, дабы принять участие в похоронах, но на пороге квартиры его встретила супруга, вооруженная палкой для выбивания ковров. О дальнейшей судьбе г-на Кайзера пока ничего не известно.

Журнал «Нейе берлинер иллюстрирте» (ГДР).

Гонорар царя Давида

Спустя три тысячи лет после своей собственной смерти древнееврейский царь Давид может получить литературный гонорар. Дело в том, что известный датский композитор Герман Коппель положил на музыку ряд псалмов царя Давида. Недавно Коппель получил письмо из одного музыкального общества, к которому была приложена расчетная ведомость. «Две трети суммы, которой мы оплачиваем ваши прекрасные произведения,— говорилось в письме,— принадлежат вам, как автору музыки, и одна треть принадлежит автору текста — г-ну Давиду».

Журнал «Дер штерн» (ФРГ).

Перевел В. Агронов.
Рисунки Л. и Ю. Черепановых.

ЗАКОНЧЕН ДЕНЬ РАБОТ...

Ксения НЕКРАСОВА

* * *

Дела наши, что сделаны нами,—
огромного роста.
Липа и кедр — городам по колено.
А ладони у нас, как кленовые листья,
тонки и малы:
на ладонь не уместишь кирпич.
И вот у таких-то,
слабых и хрупких,
не вырастающих и до половины дерева,
из-под рук поднимаются многоэтажные
здания,
протягиваются километровые мосты.
И пальцы,
умеющие отделять лепестки
цветов,
рассекают каменные горы.

* * *

Мой умный друг —
железный экскаватор —
чуть-чуть устал,
для моря расчищая дно.
Он шею вытянул
к багряному закату
и, челюсти раскрыв, зевнул...
Я паклей вытер кулаки
и зашагал домой
через пески.
И, словно ломоть сочной дыни,
повисла желтая луна
над экскаватором в пустыне.

* * *

Отходит равнодушие от сердца,
когда посмотришь на березовые ветки,
что почки открывают
в середине мая.
К младенчеству весны
с любовью припадая,
ты голову к ветвям склоняешь,
и в этот миг
походит на рассвет
бурею битое,
грозою мытое,
жаждою опаленное
твое лицо,
мой современник нежный.

---

8 тысяч птиц

Деятельность ученого Н. И. Гавриленко началась несколько необычно. Родители его увлекались музыкой, прочили сыну музыкальное будущее. Однажды ему купили скрипку. Мальчик сплел из струн и смычка превосходные силки... Позже родители отдали сына в реальное училище, решив сделать из него инженера. Но увлечение миром пернатых не проходило. Одно из сочинений Гавриленко о птицах привлекло внимание педагога, он отправил его в Москву. Оттуда пришло письмо воспитаннику VI класса реального училища от профессора М. А. Мензбира. Известный зоолог извещал, что работа Гавриленко печатается в сборнике научных статей.

Ныне преподаватель Полтавского педагогического института Николай Иванович Гавриленко — автор десятков работ о птицах и зверях Полтавщины. Ученый создал богатейшую коллекцию птиц. И это не просто 8 тысяч чучел, собранных для счета, а тщательно подобранные и систематизированные экспонаты, которых подчас не найдешь в других коллекциях. Особенно интересны соколы, дрофы и совсем крохотная птичка — «индийская камышовка». Были известны шесть форм этой птицы. Н. И. Гавриленко нашел еще одну.

В. ГОРОШКО

Н. И. Гавриленко.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский скульптор. 8. Герой былинного эпоса. 9. Государство в Азии. 10. Успех. 12. Приток Амура. 15. Пионерский лагерь в Крыму. 16. Птица отряда воробьиных. 18. Горный массив в Альпах. 19. Нарицательная стоимость. 20. Представитель населения европейского государства. 21. Часть охотничьего боевого припаса. 22. Промысловая рыба, обитающая в Байкале. 26. Река в Африке. 28. Грубая плотная непромокаемая ткань. 30. Род травянистых растений семейства пасленовых. 31. Процесс распространения взрыва. 32. В древней Руси жилое помещение в верхней части дома. 34. Геометрическое тело. 35. Вид сводчатого перекрытия. 36. Сорт кружев. 37. Вещи, употребляемые в спектакле. 38. Наука о живой природе.

По вертикали:

1. Русский изобретатель и теплотехник XVIII века. 2. Мера веса. 3. Участок местности для стрельб и испытания техники. 4. Положение в боксе. 5. Сложноузорчатая ткань. 6. Проверка качества товаров. 9. Республика в составе Югославии. 11. Третейский судья. 13. Изобретатель ранцевого парашюта. 14. Механическое соединение разнородных предметов, понятий. 16. Город в Узбекистане. 17. Математическая дисциплина. 23. Вершина на Кавказе. 24. Неподвижная часть электрической машины. 25. Исследователь Дальнего Востока. 27. Раздел медицины. 29. Черный минерал. 30. Древняя страна на Ближнем Востоке. 33. Краска. 34. Роман Ю. Тынянова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

3. Сковорода. 6. Классификатор. 8. Гарпун. 9. Флакон. 13. Исаев. 14. Помидор. 15. Оникс. 16. Ипподром. 17. Камчатка. 19. Вишня. 20. Вилорог. 21. Сурна. 24. Афелий. 25. Секция. 28. Тригонометрия. 29. Сталагмит.

По вертикали:

1. Шоссе. 2. Бочка. 3. Статут. 4. Орфоэпия. 5. Аттила. 6. Корреспондент. 7. Реконструкция. 8. Гостиница. 10. Накладная. 11. Бородин. 12. Початок. 18. Кострома. 22. Сириус. 23. Секрет. 26. Кожан. 27. Берма.

На вкладках этого номера репродукции картин С. Герасимова «За власть Советов», С. Акылбекова «На полях Киргизии», Нассира Шауры «Долина Барода», Назема Джа'фари «Осень», акварелей Б. Семенова «Рябинушка», «Зима на Чусовой» и две страницы цветных фотографий.

Остроты Б. Шоу

Б. Шоу как-то попросили высказать свои взгляды на брак. «Тут дело обстоит совершенно так же, как в обществе франкмасонов,— сказал Шоу.— Те, кто не вступил в него, ничего не могут рассказать. Те же, кто уже вступил, вынуждены молчать навеки».

Однажды, получив извещение о подоходном налоге, Шоу стал добросовестно заполнять его. Отвечая на вопрос: «Кто еще участвует в деле?»,— он написал: «Казначейство его величества».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление В. Епанешникова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00930. Подписано к печати 5/II 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 8. Заказ № 98.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Скульптура на Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Октября.

В. С. Зайков.
СКАЗ ОБ УРАЛЕ.

Ж. Я. Меллуп. ДЕВУШКА-РАБОТНИЦА.

В. М. Клоков. ЗВЕНЬЕВАЯ.

Цена номера 3 руб.